

Марина Роднянская
Тайна сия...

Время идет, всё идет в направлении к смерти. И если мы умеем, хотя бы частично, противопоставить ей, например, наши чувства, если они сумеют остаться неизменными, несмотря на то, что время идёт, если мы умеем защитить что-то такое постоянное, неизменное — это наша победа над смертью, хотя и частичная победа.

*Из интервью с Кшиштофом Занусси
о добре и зле*





Марина Роднянская

Тайна сия...

Третье издание

Волшебный фонарь

Москва

2018

Благодарю за помощь в создании этой книги
богослова и комментатора Евангелий В.Н. Кузнецову
и отца Сергия Саркисова (†)

Огонь поядающий

Стою на коленях у алтаря после Причастия. Когда Господь преломил хлеб в Эммаусе, глаза учеников открылись, и они узнали Его.

Когда мы принимаем святое Причастие, наши глаза открываются, и мы видим Господа. Его видит наше сердце.

*О приди ко мне, Спаситель,
здесь Тебя я ожидаю.
В сердце – бедную обитель –
Снизойди с небес, из рая.**

Вот он – покой, которого так жаждет наше сердце.

Я уже не здесь. Окружающий мир теряет свои очертания, иной мир, невыразимо прекрасный, начинает проступать сквозь него, вот он властно охватывает меня...

*О, не от горя земного так чудно за дверью земною.
А потому что не хочется, не хочется своего согрешенья,
потому что пора идти
просить за всё прощенья.
Ведь никто не проживёт
без этого хлеба сиянья.
Пора идти туда,
где всё из состраданья.***

Ольга Седакова

* Пресвятая Евхаристия. Сборник церковных песнопений (ц. Успения ПДМ, СПб), № 86.

** VIII Китайское путешествие.

Ольга Седакова. Стихи. 1986.

Отец Александр

Но вновь голос вдохновенный во сне и наяву звучит.
В. Шишкарёв

С отцом Александром я встретилаь в последний год его жизни, 1989.

Для меня это было мрачное время. Я кончила аспирантуру. Семьи не было. Веры не было. На работе — тоска. Полная потеря смысла жизни. Антидепрессанты.

И вот мне подбрасывают на одну ночь книгу отца Александра. Это был 1-й том его семи-томника «Истоки религии». Проглотив его, насколько это было возможно, за одну ночь и придя в состояние какого-то духовного опьянения, я, как мне кажется, на следующий же день (или через пару дней) побежала на лекцию отца Александра, которую он читал в Институте физики земли на Краснопресненской.

И тут я это увидела — явление отца Александра на советской эстраде, кажется, над ним висел какой-то лозунг. Это было чудо.

Поразительно красивый священник звучным бархатистым голосом говорил удивительно просто о самых важных вещах на свете, отвечая на все мои вопросы. От него исходила радостная животворящая энергия. Перед моими глазами словно упала мрачная завеса, и засиял свет. Я была как умирающий от кислородного

голодания, которому, наконец-то, дали кислородную подушку – дыши.

И я стала бегать за о. Александром по клубам, где он читал лекции и в Новую деревню, где он служил.

Помню, приезжаю я к нему, говорю о своих проблемах, а он мне в ответ:

– Да, помню. Вы мне об этом говорили...

А я не была у него месяца три. В это время к нему шёл поток людей. А он помнил! И. вспоминает: отец Александр в Новой деревне на общей исповеди. Стоит в маленькой комнатке справа, людей уже, как сельдей в бочке, а он всё зовёт, делает зазывающие движения руками:

– Заходите, заходите, ещё есть место, можно подвигнуться, ещё, ещё...

Всех зовёт. Чтобы никто не остался. Он всех вмещал в своё сердце. Как Христос.

– Запомните, я никогда никого не оставляю, – отдельно произнося слова и пристально смотря в глаза, сказал он Светлане Домбровской.

Фотография: отец Александр с чашкой чая пристально смотрит на собеседника. Он взволнован, всем корпусом подался вперёд, он весь – в другом, в том, кто перед ним. Его глаза, уши и сердце обращены к сидящему перед ним человеку. Все его прихожане думали, что они для него самые любимые. И так оно и было в действительности. Каждый был драгоценен для него.

Как-то я разбирала книги в приходском домике. Мимо проходил отец Александр. На мгновение он остановился, обжёг меня огненным взглядом своих чёрных глаз, радостно спросил:

– Вы ко мне?

– Нет, – растерянно сказала я.

– Нет? – он мгновенно «потушил» взгляд и прошёл дальше.

Как я потом жалела об этом несостоявшемся разговоре! Я не знала тогда, что отец Александр принимал людей для беседы в этом домике.

— Разве можно представить себе отца Александра на Небе в состоянии покоя? — спросила меня его давняя прихожанка Г. Нагорская. Вдруг она широко раскрыла глаза и точно изобразила отца Александра — его «львиную» статью, порывистые и одновременно царственные движения...

Мы бежали на его лекции, как на праздник. Это и был праздник. Вот он выходит, такой близкий, домашний, вдохновенный и говорит: «Дорогие друзья!» В атмосфере что-то менялось, воздух теплел, нам становилось хорошо от одного его присутствия, — мы были под покровом.

— У него такой вид, словно он выпил хорошего вина, — заметила моя сестра.

«В подвале у Любимого я выпил вина...» (св. Иоанн Креста).

Чувство юмора отца Александра было живительным, громоподобным.

— Не доите благодать, — сказал он одной прихожанке.

На кого-то в приходе начальству на работе донесли, что он прошёл в крестном ходе «вместе с Отцами церкви». Рассказали о. Александру.

— Хотел бы я так пройти вместе с Отцами церкви, — тут же откликнулся он, — справа — Василий Великий, слева — Григорий Богослов.

Прихожанка крестила ребёнка в храме в Новой деревне, после крещения её друзья вышли на улицу покурить.

— Где они? — спросил о. Александр и, увидев их из окна, немедленно продекламировал, — «О, племя, жалкою толпой курящие у храма...»

— Если сатана знает, что победа Христа неизбежна, почему он продолжает сопротивляться? — спросили его на лекции об Апокалипсисе.

— А он всё думает: а вдруг получится? — лукаво улыбнувшись, ответил отец Александр.

«Мы все братья и сёстры только потому, что у нас единый Отец, а не потому, что наши предки — обезьяны сидели рядом на одной ветке», — запомнилось мне.

Одна прихожанка переживала, что ей надо делать какой-то рентген.

— Посмотрите на солнце! — воскликнул о. Александр, — мы живём в рентгеновском кабинете!

Как-то ему пришла записка примерно такого содержания: «Как можно нам, простым смертным, надеяться попасть в Царствие Небесное, если представить себе громадное число людей, живущих на земле и всех, живших до нас? Там и одним святым едва ли хватит места!»

Лицо о. Александра осветила лукавая улыбка.

— А здесь слышится вопль души советского человека, всю жизнь стеснённого жилищными условиями! — произнёс о. Александр, улыбаясь, но с искренним сочувствием в голосе, затем бегло очертил масштабы вселенной, «на краешке которой можно уместить все поколения живущих и живших до нас людей». «В доме Отца Моего обителей много».

— А вы почаще думайте о смерти! — неожиданно произнёс о. Александр в ответ на мою жалобу о спешке и нервозности. Он как-то беспомощно развёл руками, — мы все скоро умрём, — сказал он с извиняющейся улыбкой, — куда нам спешить?

Гораздо позже я узнала, что, пройдя через это, он завёл у себя на столе «Толика» — череп.

В Доме композиторов о. Александру пришла записка: «Что надо сделать, чтобы из нашей церкви ушли священники-евреи?» Я была поражена. В таком интеллигентном месте! О. Александр, не смутившись, с полным самообладанием, без раздражения, только чуть устало, с лёгким вздохом ответил:

— Ну что ж, для этого надо вынести из храма всех апостолов. Затем Божью Матерь, а затем... сказать прости-прощай Господу нашему Иисусу Христу! Притихший зал разразился смехом и аплодисментами. (И ничего-то у нас не изменилось. Недавно услышала — анекдот или правда? Разговор двух бабушек в очереди: «А Христос-то был еврей! — Слава Богу, нашу веру православную принял...»).

Прихожане о. Александра, которые жили в то время в Новой Деревне, называют эти годы, проведённые рядом с о. Александром, одним словом — счастье. «Это было какое-то непрестанное счастье, — говорят они, — несмотря на все трудности». «Живое счастье» — назвал о. Александра В. Леви. Владимир Илюшенко пишет, что при общении с о. Александром он испытывал состояние духовного восторга. «Если такой о. Александр, то какой же Бог?» — задавал он себе вопрос. И мы думали, что это счастье будет длиться вечно...

Утром 10 сентября мне позвонил мой знакомый Б. и, без предисловия деревянным голосом спросил: «Ты знаешь, что убит отец Александр Мень?» — «Как — убит?» — тупо переспросила я, не в состоянии понять смысла сказанного. — «А вот так! Топором по голове!» — прокричал в трубку Б. со слезами в голосе. Было чувство, будто меня саму ударили по голове. Я заплакала. Помчалась в Пушкино. В метро Комсомольская бросилось в глаза написанное от руки объявление, маленький клочок бумаги: «Все, кто хочет проститься с о. Александром...». Записка кончалась восклицанием, в котором тоже слышались слёзы: «Он так любил вас!»

Во дворе храма я увидела знакомые лица новодеревенских прихожан. Какой-то мальчик 17-ти лет навзрыд плакал в притворе, прижавшись лбом к притолоке. Было остро жаль его, такой юный, наверное, так нуждался в поддержке о. Александра. О. Александр особенно переживал за молодых, опекал их. Знакомая рассказывала: идёт по улице быстрым шагом о. Александр в окружении стайки молодёжи, все такие радостные...

Он говорил: мы, пожившие люди, обросли защитной «корой», мы не так чувствительны к грубости жизни, к разочарованиям, а у них, молодых этой коры нет, они беззащитны, ранимы, и потому особенно нуждаются в вере, в стержне.

В церкви живая цепь прихожан, державшихся за руки, окружала гроб отца Александра, вдоль неё медленной чередой люди шли к нему проститься. Любая смерть невыносима. Мы созданы, чтобы жить. Особенно невозможной

казалась смерть отца Александра. Он был сама жизнь. Мы по сравнению с ним были ходячими мертвецами. Рядом с ним, в его лучах мы оживали. Вдали от него — умирали. И вот он лежит здесь тихий и неподвижный с покрытым белым покрывалом лицом, он, через которого к нам шла животворящая, пульсирующая энергия мысли и любви! Сознание отказывалось принимать эту смерть. Владимир Илюшенко вспоминает, что первые дни после убийства о. Александра он не мог осознать случившееся. «Я всё ещё продолжал на что-то надеяться», — пишет он.

Во дворе храма стоял Гриша Крылов, Гриша! Самый светлый из моих друзей в ту пору, первая ласточка, принесшая мне весть об отце Александре. Теперь он грустно провожал меня до станции.

— Знаешь, — сказал он, — сегодня утром я раскрыл наугад Евангелие от Иоанна, и там было: «Изгонят вас из синагог... наступает время, когда всякий убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня». — Затем он сказал тихо, медленно, с расстановкой. — Отец Александр бросил вызов силам зла, и они объединились и убили его. Но всё равно, он победит».

Я купила в храме Космы и Дамиана кассету с записью лекции о. Александра «Шестоднев». И стоило мне услышать, как отец Александр на иврите произносит строки из пролога книги Бытия, я сразу вспомнила... В памяти вспыхнуло ослепительное переживание, вырывающееся из границ повседневности. Я вспомнила, как отец Александр на пасхальной службе в Новой Деревне в праздничной одежде воздевал руки к куполу храма, как он читал на разных языках Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово...», и в голосе его, произносящем: «Бэ-решит хайя ха-давар...», — были одновременно царственная мощь, грозное величие и львиная мягкость, львиные раскаты и переливы, и мы, казалось, ощутили на своих лицах дунение с Синая и стояли в страхе и трепете, а всё вокруг и сам воздух стало живым и огненным, всё заструилось,

заиграло, задышало и наполнилось... Чей голос слышали мы тогда? И где мы были в те минуты? Не в Пушкине, в этой убогой Новой Деревне с её ветхими домишками, а в совсем другом месте...

На вечерах памяти о. Александра, когда я слушаю рассказы о нём, во мне нарастает желание увидеть и услышать самого о. Александра. Я с нетерпением жду, покажут ли фильм. В последний раз было много воспоминаний его прихожан. Все жадно слушали, те, кто знали его, восстанавливали в памяти дорогие черты, в каждом рассказе оживали его неожиданные слова, его реакции в том или другом случае, его шутки... И вот, фильм, в самом конце которого на эстраде появляется о. Александр. Наконец-то, он сам, дорогое его лицо... Мгновенно, словно упала завеса. Никакой преграды между ним и слушателями. Живой поток любви, вспыхивающие огни мысли в глазах, запахнутое навстречу нам сердце. О, наш дорогой... Я вспомнила как он говорил, что ждал этого часа открытой проповеди, что чувствует себя инструментом в Божьих руках. Одна прихожанка как-то пожаловалась ему: «Никто меня не любит... — Как! А я?!» — воскликнул он. Он весь был любовь.

Отец Александр продолжал действовать в моей жизни. Он становился всё ближе и ближе. Я по-новому читала его книги, смотрела видеозаписи его лекций. Я вдруг увидела, как он отвечает на вопросы: в каждый ответ он вкладывает самого себя, своё сердце. Он всё время отдавал себя, всегда отдавал... И после Причастия, в те несколько благодатных мгновений, когда с меня снимается земной груз и я дышу неземным воздухом, а сердце заливают волны мира и радости, я вижу перед собой отца Александра. Сияющего, радостного, в белых одеждах. Он пристально смотрит мне в глаза, он, как и раньше, понимает всё. Он берёт мою боль на себя, и я слышу:

«Вперёд! Не останавливаться, не оглядываться назад! Нет времени сокрушаться и оплакивать свои потери. Нет времени, ещё многое надо успеть сделать. Вперёд, только вперёд!»

А когда мне было очень плохо, отец Александр, близко пригнувшись, что-то тихо и ласково говорил мне, я не могла разобрать слов, но вместе с ними в моё сердце изливалось небесное утешение...

Словно некие концентрические круги приближали меня к отцу Александру. И вот меня привели в общину его духовных детей. Тут-то всё и началось. Вначале я только ощущала теплоту этого дома, отогревалась в волнах понимания и любви, исходящих от его хозяйки, погружалась в атмосферу удивительной спаянности всех ребят, их вовлечённости в детали жизни и проблемы друг друга. Я видела: что-то общее есть у всех духовных детей о. Александра, какой-то особый заряд, внутренний стержень. Постепенно я начинала понимать, в чём тут дело. Они много лет общались с о. Александром и теперь продолжают быть «подключёнными» к нему, продолжают с ним общаться. Постоянно его цитируют: «отец говорил...», скачивают его лекции, ходят с воткнутыми в уши наушниками, слушают его записи везде, где только можно, на улице, в метро...

С. как-то сказал: «Когда жизнь прижимает, записи лекций о. Александра, о. Георгия — огромное подспорье, на это можно опереться».

На встречах мы читаем молитвы о. Александра — молитву учеников Христовых, молитву о смирении, «Светильник». Читаю их сама в метро — ощущаю поток духовной энергии. Открываю его книгу «Вестники царства Божия» — полёт мысли, радость, чувствую, что я живу.

Владимир Илюшенко говорит: отец Александр — святой, пророк, духовный вождь России.

Да, это пророк, посланный нам, для нас, в нашу страну, в наше конкретное время, в наше поколение. Он послан нам, детям проклятого поколения, поколения безбожников, несущим наказание за грехи отцов до третьего и четвёртого рода, как сказано в Библии (Втор. 5:9).

И вот милосердный Господь послал нам отца Александра. Он знал нас, как облупленных. Он вырос с нами, в нашей среде, учился в советской школе, варился в том

же, в чём варились мы. Прошёл вместе с нами сквозь все «измы», прошёл армию. Он знал, что мы — без корней, знал всё наше невежество, что мы тонем в грехах, что мы замотаны жизнью, суетой, что мы не читаем святых Отцов. И вот он разработал план нашего «экспресс-спасения». Чтобы мы успели в данный нам короткий срок жизни прийти к Богу, спастись.

— Только живущие всей полнотой жизни здесь, будут жить полнотой жизни в вечности, — говорил отец Александр. — А где она у нас, эта полнота? Мы все ходим в сонном таком состоянии.

«Подражайте мне, как я Христу», — говорит апостол Павел. (1 Кор. 4:16). А нам надо подражать о. Александру! Потому, что он — самый близкий для нас образ Христа на земле.

После Причастия мне часто предстаёт видение: где-то вдалеке, по тропинке быстрым шагом стремительно движется отец Александр, полы его длинной одежды развеваются, за ним бежит группа его прихожан. Я понимаю: это призыв. Бежать за отцом Александром. Надо следовать всем его указаниям, выполнять их неукоснительно. Собирать его советы о молитве, о чтении Евангелия, рассыпанные по разным его лекциям и проповедям.

Он говорит в «Домашних беседах»: чтобы христианин твёрдо стоял на ногах, он должен выполнять четыре правила, как «четыре ножки стола». Должны быть: Евхаристия, личная молитва, чтение Слова Божьего и евангельская группа. Если одной ножки нет, стол шатается, если двух нет — падает.

— Приходит ко мне человек и говорит: «А я этого не делаю», — и я не знаю, что ему сказать, — говорит о. Александр. — Большой приходит к врачу и жалуется на печень, врач ему говорит: «Нужна диета», а тот: «А я ем селедку!» И врач разводит руками.

Он говорил, что «активность человека должна быть полной... от нас ждут постоянных и активных усилий». Не одобрял он так называемых «воскресных христиан»,

«которые час-полтора где-то там помлеют в храме», а потом уходят и живут, как обыкновенные язычники.

— Спросите себя, для чего я причащаюсь? — говорил о. Александр, — и ответ будет — для себя. Но причащаться мы должны не для себя. Мы, христиане — десант, посланный в мир. Бог на нас рассчитывает. Должна быть полная отдача. Но её не может быть вне общины.

О. Александр начал создавать в приходе малые группы (общения) к концу 1977 года. Он говорил:

«До сего дня существует представление о христианстве как только о храмовой религии, где человек принимает пассивное участие в службе. Тенденция психологической инерции и наши сложные общественные условия — они сомкнулись. По сути в Церкви нет общинной жизни. Но Христос основал на Земле вовсе не ритуальную корпорацию для отправления культа — для этого не надо было совершать духовного переворота в истории человечества. Первоначальная Церковь складывалась вокруг таинства, божественного присутствия. Молитва, милосердие и труд — три момента, составляющие церковную жизнь. Помощь всем людям — это абстракция. Реальная помощь может быть лишь в общине, где люди знают друг друга».*

О. Степурко вспоминает, когда он пришёл в малую группу, основанную о. Александром, «начался духовный пир, потому что христианство стало реальной жизнью, реальным братством».

Община — это и есть Церковь. Благодать таинства Причастия реализуется в общине. В одиночку мы не можем действовать в мире, который лежит во зле. (Апостолов Господь посылал по двое).

* Протоиерей Александр Мень.
Общинная жизнь. 1990.

Ну, втащит нас Господь в Царство небесное, но миссии своей мы не выполним!

О. Александр делил прихожан на «бегущих по волнам, пациентов и сотрудников». Я двадцать четыре года была пациентом. Нет, конечно, я честно пыталась что-то делать, старалась изо всех сил. Но сил-то было очень мало, вернее, их совсем не было. Пока я не выполняла советы о. Александра, я «шаталась», ползала, непрерывно болела. Начала выполнять — встала на ноги. Не помню, кто из духовных детей о. Александра на вечере его памяти рассказывал:

«О. Александра попросили взять духовное руководство над одним юношей, больным шизофренией. О. Александр сказал: у меня нет времени, пусть он просто за мной ходит. И тот стал ходить всюду за о. Александром: о. Александр в алтарь, и он за ним, о. Александр по требам на машине — и он вместе с ним едет. Походил он так за о. Александром, не помню сколько, месяц-два — и выздоровел от шизофрении. Он побыл в духовном поле о. Александра».

«Задача общины — евангелизация мирян», — говорил о. Александр.

На меня посыпались люди.

«Назови Мне души, которые ты желала бы привести ко Мне. Ради тебя Я буду призывать их с настойчивостью. Не бойся привести слишком много. Я ожидаю их в ещё большем количестве»*, — говорит Христос м-м Босси.

И я стараюсь приводить. Сложилась некая «техника». Вначале — установить контакт с человеком, с любовью внимательно его выслушивать. Затем нахожу момент, когда можно упомянуть имя о. Александра. Как правило,

* Габриелла Босси. Он и я.
Жизнь с Богом. Брюссель. 1961.

оно действует магически — открывает сердца. «Знаковое имя», — сказал В. Ерохин.

Приходит ко мне взрослый ученик Павел — теория. Первое впечатление — «дед мороз». Что называется, ни слухом, ни духом. Я заметила, когда начинаешь слушать человека, он сам даёт к себе ключ, чтобы заговорить с ним о Боге. Павел сообщает мне, что Леннон услышал мелодию своей песни во сне.

«Вот она — ниточка», — думаю я, тяну за неё.

Вспоминаем таблицу Менделеева, Данте и прочее. Осторожно спрашиваю, верит ли он в божественное происхождение искусства. «Про Бога я не знаю. Что-то есть». Так, «что-то есть». Первая стадия, как говорил о. Александр.

— Привели здоровенного детину к священнику, — рассказывает на лекции о. Александр, — тот посмотрел на него снизу вверх и спросил: «А ты в Бога-то веруешь? — Что-то есть, — ответил тот».

Рассказываю про своё атеистическое прошлое и встречу с о. Александром. Опираюсь на о. Александра и — дальше пошло-поехало: природа, наука, притча о дикаре и часах, о разбитой пишущей машинке и многое другое. Дальше даю книгу о. Александра.

Молодая преподавательница в школе вначале холодно сказала мне, что религия её не интересует. При следующем разговоре выяснилось, что её страшно интересуют мистические области искусства.

— Я везде ищу об этом книги и не нахожу, — сказала она мне.

Я увидела, что у неё — духовная жажда. И, конечно, дала ей книгу о. Александра об искусстве. Толстой говорил, что у человека есть «окно», открывающееся на Бога.

Мать Тереза Калькуттская говорит: не бывает такой ситуации, чтобы вы с кем-то напрасно заговорили о Христе.

Стараюсь учиться у о. Александра. Он обладал способностью с любой точки заговорить с человеком о Боге. Смотрю его лекцию «О духовности». Примерно полчаса

о. Александр говорит на тему духовности, не произнося слово «Бог». Происхождение человека, природа, йога, наука, история: всё, что люди отчасти знают. Затем, в какой-то момент — не успеваю понять, как, словно трамплин, прыжок, — и мы в Евангелии! Всё. Радостная весть. Как он это делает? Владимир Илюшенко говорит: религиозный гений.

Благодатная почва — дети в школе. Спрашиваю у первого класса:

— Вы знаете, что такое Рождество?

Отвечают:

— Не знаем.

Рассказываю, даю музыку. Рисуют чудные картинки. Поём с ними «В ночном саду», католическую «Глорию». Последнюю потребовали десять экземпляров. Распевают с восторгом: «Гло-ория, гло-ория...».

В третьем классе рассказываю эпизоды Евангелия. Слушают с раскрытым ртом. Когда говорю об отречении Петра, дети всегда слушают серьёзно, очень серьёзно. Они понимают, что речь идёт о них. Слушаем арию Баха из «Страстей по Матфею» — девочка рисует Петра на коленях перед Иисусом, фигуры Иисуса и апостола обведены единым контуром, словно примагничены один к другому.

Рассказываю про тайную Вечерю. Внутренне молясь, говорю о Причастии:

— Это Бог под маской, — говорю я им, — Бог спрятался.

Слушаем арию Ариеля из «Бури» Пёрселла.

— Здесь есть один секрет, — таинственно говорю я, — когда мы слушаем эту музыку, то перестаём замечать время...

— И мы больше не будем замечать время, — подхватывает девочка, — не будем стареть, болеть.

— Ну и пусть, брат хотел Просперо утопить! Тот его простил, потому что он — добрый, — восклицает Анжела, и глаза её сияют.

«Ярче всего вера сияет в детском сердце», — говорит мать Тереза.

Подруга говорит мне:

— Ты лично знала о. Александра, поэтому...

Тогда я рассказываю про Славу. Слава — педагог нашей школы. Инвалид, весь скрюченный после полиомиелита в детстве. Он мне рассказывал:

— Я был тяжело болен, пять дней очень высокая температура. Думаю — ещё один день, и я не выдержу, умру. И мне снится: коридор, как у Моуди, в конце коридора — дверь, около неё кто-то стоит, открывает и закрывает. Я подхожу. Спрашиваю: мне что, уже пора? — Да нет, — отвечает он мне, — ты ещё поживёшь. За тебя просил о. Александр Мень. Просыпаюсь — нормальная температура, никаких последствий. Я в полном потрясении: я-то о. Александра где-то по телевизору видел — он меня откуда знает?!»

Прихожанка о. Александра рассказала мне: уже после смерти о. Александра у неё заболел и слёг дедушка. А у неё трое детей и работа — и лежачий больной. Молится о. Александру: помогите... Во сне слышит его голос: «Сейчас не время, напomini через два месяца». Через два месяца дедушка встал. О. Александр говорил, что святым за их пламенную любовь к нам дана привилегия продолжать действовать на земле в жизни людей. (Маленькая Тереза** говорила: моё Небо будет на земле). Вот он и действует.

Сон И.: Ещё не исполнилось сорок дней со дня его смерти. Вижу его в свете, радостного, лучистого, такого, какого никогда не видела на земле.

— Ну, что вы всё плачете, — говорит он, — для меня мало что изменилось. Я работаю, вот мой кабинет, — вижу деревянный кабинет, очень строгий, деревянные полки, всё в книгах, стеллажи. Поворачивается к полкам — вот, с этой книгой я больше всего работаю — показывает большой фо-

* Раймонд Моуди. Жизнь после жизни.

** Св. Тереза из Лизьё. История одной души.

лиант в красивом переплётё — это судьбы людей нашего прихода, там про тебя кое-что есть, хочешь, покажу?

Мне стало очень интересно, потянулась вперёд. Царственным жестом, двумя пальцами вытянул книгу, показывает издали. Вижу — две с половиной строчки обо мне. Делает ко мне шаг — начинает звучать музыка, голоса, как чистый серебряный ручей, взлетают, — блаженство, наслаждение. Делает второй шаг — присоединяется много голосов, полифония, плотность, объём, музыка входит в тело, как духовная субстанция, заполняет меня изнутри, начинаю дышать иным миром, словно расширяюсь. Он смотрит на меня. Делает ещё один шаг — музыка доходит до небес, сто и более голосов, как огромное ветвистое дерево. Я понимаю, что моя оболочка натянулась так, что ещё один его шаг — и я выйду из тела. Думаю про себя: ну и хорошо — сладкая смерть, долще морте. Он занёс ногу, посмотрел на меня — и поставил ногу назад, сказав с сожалением:

— Э, нет — тебе ещё рано!

Всё кончилось.

«Я — для вас только средство», — говорил о. Александр. Он привёл меня к новым отношениям с Богом.



«Шма Израель» («Слушай, Израиль»)

«— Пропал! — вздохнул печально Рэг... —
Так красиво, и так необычно ново!

Ах, уж коли ему было суждено пропасть так быстро, я бы предпочёл не слышать его вовсе! Потому что он поднял во мне волну такой тоски, такой щемящей боли, что, кажется, теперь нет ничего важнее, как только услышать его опять и слушать, слушать бесконечно!»

Кеннет Грем. Ветер в ивах

«В человеке живёт бесконечное желание, невыразимое томление, стремление к далёкому недостижимому идеалу...»

Роберт Шуман

О. Александр советовал: если вы не чувствуете в себе любви к Богу, начните с благодарности. Ведь всё, что нам даётся — природа, дружба, любовь, книги, музыка, — это всё — Он, это Его любящие руки...

Оглядываясь назад, я вижу, как Господь звал меня к себе с раннего детства, подавал мне знаки, одаривал милостями, следил за мной любящим взглядом. Я росла в атеистической семье, но уже в детстве Ты, Господи, прельщал меня Твоим Царством.

«Бемби прыгнул вперёд. Огромная радость, охватившая его с волшебной силой, прогнала страх. В чащобе он видел лишь зелёный свод листвы, сквозивший кое-где голубыми крапинами неба. А сейчас ему открылась вся неохватная голубизна небесного свода, и он чувствовал себя счастливым, сам не ведая почему. В лесу он почти не знал солнца. Он думал, что солнце – это широкие полосы света, скользящие по стволам деревьев, да редкие блики в листве. А сейчас он стоял в ослепительном сиянии, в благостном царстве тепла и света; чудесная, властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце».

Зальтен. Бемби

Многие годы, когда я плохо себя чувствовала и не могла читать сложные духовные книги, а Евангелие я тогда читать не умела, Ты питал меня чудесными детскими книжками из одесского издательства «Два слона»: «Хайди» Иоанны Спири, «Белая лошадка» Элизабет Гоудж, «Господи, это Анна» Финна и многие другими книги, из которых в мою омрачённую депрессией душу изливался источник чистой райской радости.

Ты пожалел меня в моей мрачной юности и дал мне увидеть сияние св. Франциска Ассизского.

«Я услышал, как зазвонили колокола Ассизы, и увидел его – кроткий умбрийский святой медленно спускался по извилистой горной тропе между братом Лео и братом Леонардо. Легкокрылые птицы порхали и пели вокруг – одни клевали крошки с его ладони, другие безбоязненно укрывались в складках его сутаны. Святой Франциск молча встал рядом со мной и посмотрел на моих судей своими дивными глазами, чей взгляд обезоруживал и Бога, и людей, и зверей.

Моисей опустил на своё седалище, и десять скрижалей завета выпали у него из рук. – Всегда он! – пробормотал он с горечью. – Всегда он, слабый мечтатель со свитой из птиц, и нищих, и отверженных! Такой слабый и всё же достаточно сильный, чтобы удерживать карающую руку Твою, Господи! Разве Ты уже не Иегова,

ревнивый Бог, явившейся в дыму и пламени на горе синайской и ввергший в трепет народ Израильский?.. Кто теперь будет бояться сверкания Твоих молний, Господи, когда гром Твоего гнева смолкает перед щебетанием птицы!

Моя голова склонилась на плечо святого Франциска. Я был мёртв и не знал этого».

Аксель Мунте. Легенда о Сан-Микеле

Люди появлялись в моей жизни, как маяки в тёмной непроглядной ночи. Моя незабвенная учительница Е.С. Скудина, открывшая мне необъятный мир музыки, литературы, природы, в доме которой я обретала вдохновение и радость.

— Главное — чтобы жил дух! — говорила она мне в ту далёкую пору, когда я и понятия не имела ни о каком духе.

Е.С. заразила меня Вагнером. Сама она слышала в институте лекции профессора Левика. Вагнер в те времена был в опале.

«Формалистическая гармония Вагнера...», — говорил Левик, играл фрагмент музыки, и на лице его расплывалась блаженная улыбка. Левик был вагнерианцем. Одно время я была одержима Вагнером. Мистический композитор. Ария невинно осуждённой Эльзы в первом действии «Лоэнгрин», призывающей небесного рыцаря, пронизана глубоким и напряжённым томлением, переходящим в экстаз — это самая настоящая молитва! Конечно, об этом не пишут в учебниках. Ощущение струящегося потока света в оркестровом лейтмотиве Лоэнгрин. Позже в училище я ухитрилась увлечь операми Вагнера студентов — эстрадников — они бросились покупать пластинки.

Затем была моя учительница французского Т.А. Смирнова, у которой я находила умиротворение и покой, с которой мы по выражению Е.С. «воспаряли», сидя под зелёным торшером, беседовали о разных таинственных явлениях, летающих тарелках, о певце Николае Гедде, а в углу мягко светилась икона святого Николая. От Е.С.

я попала в институте к изумительному педагогу по истории зарубежной музыки Р.К. Ширинян. Я бегала по многу раз на её лекции, замороженная её пламенным взглядом, мелодичным голосом, вдохновенным потоком мысли. Она была духовным светочем моей юности. «Светильник горящий и светящий».

Словно молния на мрачном небосклоне, появился на кафедре марксизма профессор эстетики Куницын. Массивная фигура, мощный лоб, седые волосы, маленькие серые глаза. Какой это был год? 1986? 1987?

— Да, массы творят историю, — веско произнёс он с кафедры и сделал долгую паузу, обводя нас пристальным взглядом, — но знают ли они, что они творят?! — неожиданно рывкнул он на всю аудиторию.

Все стихли. По залу словно пронёсся свежий ветер. Никто из нас не читал Евангелия. Много позже я поняла, что он перефразировал слова Христа: «Отче, прости им, ибо не знают, что творят» (Лк. 23:34). Запомнилась ещё одна его фраза: «Включили „Семнадцать мгновений весны“ — выключили сознание общества на семнадцать недель!»

Откуда он взялся? Остальные педагоги его боялись, сторонились. Он был один. Трагическая фигура. Что с ним случилось — не знаю.

Господь щедро рассыпал на моём пути знаки Своего присутствия. Как-то раз я подходила к консерватории в мрачном состоянии духа. Жизнь казалась серой, однообразной, беспросветной.

«Всё одно и то же, — думала я, — один и тот же круг, всё известно, всё знакомо, ничего нового быть не может, чудо невозможно».

Я купила лишний билет на Женю Кисина. За роялем сидел хрупкий двенадцатилетний мальчик в пионерском галстуке. Он положил руки на клавиатуру, и чистые, никогда не слышанные мною небесные звуки полились из-под его пальцев прямо в моё сердце. Это был Шопен. Невероятно, чтобы ребёнок мог так играть. В одно мгновение серый покров был снят, показалась суть, которая была — Любовь.

Это был ответ. Ты тосковала, что нет чуда? — сказали мне, — но оно есть. Вот оно. И я стала бегать за билетами на Женю вместе с другими жаждущими, — чудо нужно было всем.

Самым главным источником в те годы, утолявшим мою жажду, была музыка. Господь знал это, и всегда давал мне лишние билеты на самых лучших исполнителей. Один раз я стояла у консерватории в толпе, желающих попасть на Горовца. Шансов не было никаких. Подъехала машина, из неё вышел мужчина.

— Вы — хороший человек, возьмите, — и он протянул мне билет.

В 1980-х годах я посмотрела фильм «Барьер». Героиня фильма была мне очень близка. Такая же, как я, одинокая, неприкаянная, не от мира сего, чуждая всему окружающему. Как и я, она была больна, подобно мне, страдала от грубости окружающего мира, от пошлости и вульгарности своего окружения. Но, в отличие от меня, она умела делать удивительную вещь: когда вещественный материальный мир слишком давил на неё и ей становилось совсем плохо, она поднимала руки — и взлетала, отрываясь от земли, прямо в звёздное небо.

Я летела вместе с ней, чувствуя огромное облегчение. Это была молитва — но поняла я это много позже. Её партнера, композитора, не способного вслед за Доротеей преступить порога привычного и рационального, замечательно сыграл Смоктуновский. В памяти запечатлелся последний кадр: Доротея разбивается насмерть. Полёты кончились. Композитор, поднявшись на террасу, с тоской смотрит в небо. «Больше никогда мне не подняться выше этой террасы, на которую садятся иногда одинокие голуби!» Он спускается вниз, люк над его головой с грохотом захлопывается...

Знаков было очень много, помощь всегда приходила в нужный момент, но откуда она приходит, я не понимала.

«А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей, и умножил у ней серебро и золото... (Осия, 2:8).

Господь «ласково подкладывал мне пищу» (ср. Осия, 11:4).

В юности я посмотрела пьесу «Лето и дым» Уильямса о трагической любви врача – материалиста и дочери пастора. Это была прекрасная постановка Эфроса, играла замечательная актриса Ольга Яковлева. Конечно, больше всего меня интересовали любовные коллизии пьесы, но из всего спектакля в памяти почему-то запечатлелся один монолог доктора. Он жил во мне долгие годы: «Есть в нас что-то неуловимое, как дым...»

Ради этих слов я везде искала эту пьесу, но она нигде мне не попадалась. И вот недавно, меня потянуло заглянуть в книжную лавку на метро «Пушкинская», и я сразу её увидела – маленькую книжечку на верхней полке, очень обрадовалась и тут же нашла эти слова:

«В нас есть нечто такое, чего не показывает ни одна анатомическая карта; нечто нематериальное и невесомое, как дым. Человеческий глаз не различает это нечто, но оно существует безотносительно к чему бы то ни было. Если принять эту точку зрения, то вся наша непостижимая жизнь, весь накопленный и неисчерпаемый человеческий опыт приобретает особую ценность. Как дерзкий эксперимент в лаборатории учёного!»

«Есть в нас нечто нематериальное и невесомое, как дым...» На эти слова душа моя отозвалась робким вопросом: в самом деле, есть ли оно? Что же это?..

Я тогда была в полном неведении о духовной жизни, но душа томилась от смутной жажды, искала себе пищи и жадно ловила каждый намёк, каждое свидетельство из страны Духа. Я долгие годы искала Бога, как слепая, на ощупь, по вехам, которые Он мне давал, как дети ищут в игре спрятанный предмет – холодно, теплее, теплее, ещё теплее...

После окончания аспирантуры, это был 1983 год, я вышла в мир, который казался мне окутанным густой непроницаемой тьмой. Моё душевное состояние резко ухудшилось, мне угрожала больница, которой я панически боялась. И тогда милосердный Господь послал в мою жизнь О. Александра.

Когда я начала просить о любви к Богу?

Меня надоумил делать это о. Александр.

— Просите — и Он даст, — говорил он. — Знать Бога — это значит любить Его. Только вперёд, только к Нему...

«Люблю Тебя, Господи, люблю Тебя больше всего на свете...», — стала я повторять молитву о. Александра.

— Жив Господь — и жива душа моя! — говорил о. Александр.

«Я — душа твоей души», — говорит Христос м-м Босси.

Самым мрачным и тяжёлым временем для меня было утро — типичное состояние депрессивных больных. Мне трудно было каждый день начать жить.

«Если есть Христос, — есть для чего просыпаться каждое утро», — прочла я в письме о. Александра. Эта мысль что-то во мне пробудила, начала во мне жить, поднимать меня. Я ухватила за неё, как за спасательный круг. О. Александр настойчиво подталкивал меня к Нему.

«Он — Бытие, а мы тень по сравнению с Ним», — пишет он.

Христос говорит м-м Босси:

«Жизнь тебе была дана, чтобы любить Меня... Разве это не утешение во всех скорбях — любить Меня?.. Я там, где всякая красота и сладость... Я — Присутствие... Проси Меня о любви. Я обладаю ею. Я её даю, кому хочу. Но надо просить, надо черпать её в Моём сердце».

«Молельщики, отдайте Богу своё сердце! — призывает св. Иоанн Кронштадский, — то сердце, которым мы любим самых дорогих, самых своих близких и любимых».

«Сыне, даждь Ми сердце твое».

«Всё для меня Господь, — пишет Иоанн Кронштадский, — Господь — бытие моё; Господь — избавление от вечной смерти; Господь — вечный живот мой; Господь — очищение и избавление от множества прегрешений и освящение моё; Господь — сила в немощи моей, и пространство в тесноте моей; упование в ма-

лодушии и унынии моём; Господь — животворящий огонь в хладности моей; Господь — свет во тьме моей, мир в смятении моём...»

Святые горели любовью к Богу. Маленькая Тереза им. Младенца Иисуса, поступив в монастырь в 15 лет, принесла себя в жертву Божественной любви. В этот момент, по её словам, она ощутила себя в пламени.

«Ты знаешь, Боже мой, что я никогда ничего не желала, кроме того, чтобы любить Тебя... Уже с самого детства Твоя любовь предвосхищала меня, она возростала вместе со мной, и теперь — это бездна, глубину которой невозможно измерить. В сердце моей матери Церкви я буду любовью... Господи Иисусе! Мой первый и единственный Друг, только Тебя я люблю!»

У маленькой Терезы я читала слова св. Иоанна Креста:

«В подвале у Любимого я выпила вина, и, выйдя оттуда, на всей той равнине не нашла ничего для себя и упустила то стадо, за которым доселе шла. Душа стала служить Ему всем, что имела. Стада теперь я не пасу, другой работы не несу, любовь моим уделом стала ныне».

В одной лекции о. Александр рассказывает, как апостола Иоанна, уже совсем старенького, приносили на молитвенные собрания христиан, и он говорил им одно и то же:

— Дети, любите друг друга.

Его спросили:

— Почему ты всё время повторяешь нам только эти слова и не говоришь ничего другого?

А он отвечал им:

— Потому что больше ничего нет.

На шабате я чувствовала особое волнение, когда мы пели «Едит нефеш». («Мой Возлюбленный — Отче милосердный...»). Меня словно звали куда-то.

Долгое время я прятала и хранила у себя журнал «Истины и Жизни» с тремя новеллами Дино Буццати. Меня поразило в них сильное чувство Бога. Архиепископ служит один в соборе в Рождественскую ночь. У матери есть ребёнок,

у ребёнка — игрушечная лошадка, у заключённого — товарищ в соседней камере. А кто есть у архиепископа? У него есть Бог. Бог наполняет Собой весь собор в Рождественскую ночь. Он распирает своды, Его присутствие так явно, что его чувствуют даже змеи, которые с шипением вытягивают свои головы с балясин исповедальни. В другой новелле было разлито благоухание рая. На небесах скромный неизвестный святой живёт в маленьком уютном домике у моря. Всё вокруг наполнено Богом. Бог во всём. Друзья готовят ужин, зажигают камин, из трубы вьётся синий дымок, и это дымок был Бог. Из окна видно весёлое плещущее волнами море. И море тоже было Бог.

Как-то вдруг мне приоткрылась тайна Рождества. Отец Софроний Сахаров пишет: «неописуемое смирение Бога».

Анна в книге Финна говорит: «Потрясный мистер Бог занимает второе место».

Руми пишет: «Поистине, кому это может так повезти? Океан добивается капли!

Ты пришёл из Царства незаходимого света в этот мир страданий. Соткался в утробе Девы — какая благодать, какая милость...»

Эту тайну в музыке воплотил Шуберт в «Et Incarnatus» Ми-бемоль мажорной мессы. Неземной красоты тема словно не имеет конца, она длится и длится, переходит из голоса в голос, как распускающийся в тайне цветок, как разливающаяся сияньё... Шуберт пережил эту тайну в своём сердце...

Ты с самого начала не был принят этим миром. Родился в вифлеемской пещере, бедный Младенец, бедный — чтобы быть с моей бедной душой. Сотворитель мира — Творец бесчисленных миров. Как это непостижимо... Родился так тихо, незаметно, в маленьком городишке — и с небесными знаменами: явления ангелов, звезда...

— В мир, обуруемый страстями и раздираемый ненавистью вошла Божественная Любовь, — говорит о. Александр.

Ты пришёл беззащитным, Тебя пришлось спасти от злобы Ирода. Ты утешал скорбящих, Ты исцелял, Ты

поднимал с одра смерти, Ты ободрял, Ты говорил: «Не бойтесь». Ты накормил в пустыне пять тысяч человек. И в конце концов Ты предал Самого Себя на пытки, оскорбления, унижения и страшную смерть на кресте. Ты отдал Своё Тело и Кровь, Ты отдал Свою жизнь, чтобы остаться со мной, с моей душой, чтобы я была здесь не одна, Ты знал, что без Тебя я не смогу жить... Я стала медленно про себя произносить эти слова, стараясь вдумываться и вчувствоваться в их смысл. При этом я начала чувствовать невыразимое. Это было подобно тому чувству, которое я испытала когда-то давно, когда один знакомый на лекции подтолкнул меня к о. Александру под благословение. Он быстрым и мягким движением положил мне руку на голову — словно нежный и тонкий огонь пронизал меня с головы до ног. Теперь это вернулось.

«Кто близ Меня, тот близ огня», — сказано в древнем Евангелии. Почувствовав неизъяснимую отраду в размышлении о Рождестве и жизни Спасителя, я стала повторять его, как молитву.

В книге о св. Кларе Ассизской я нашла и заложила страницы, где св. Франциск говорит о Боге:

«Ты святой Господь Бог единый, творящий чудеса. Ты сильный, Ты великий, Ты высочайший, Ты царь всемогущий, Ты Отче Святой, Царь неба и земли... Итак, пусть ничто не препятствует, ничто не отдаляет, ничто не мешает. И везде во всяком месте во всякий час и во всякое время ежедневно и непрерывно будем верить истинно и смиренно и в сердце будем хранить, и возлюбим, и почтим, и поклонимся, и будем служить, и восхвалим, и благословим, и возвеличим, и возвысим, и возблагодарим всевышнего и величайшего Бога вечного, триединого, Отца и Сына и Святого Духа, Творца всего и Спасителя всех и в Него верящих, и на Него уповающих, и любящих Его, Кто без начала и без конца неизменен, невидим, непостижим, неисследим, благословен, восхваляем, славен, возвеличен, высок, сладостен, любим, возлюблен и Весь сверх того желанен во веки».

Я по многу раз читала и перечитывала эти слова Франциска, они касались меня, как языки пламени, я ощущала их, как Причастие. В «Письмах о молитве» Каффареля меня взволновала притча из «Жизни мусульманских святых»:

«Некий голос закричал мне: „О, Абу-Язид, чего ты желаешь?“ — Я отвечал: „Я желаю ничего не желать, ибо я желанный, а Ты Тот, Кто желает“».

В этих словах я тоже почувствовала огонь. Это был «огонь посядающий».

«Никто, как Я не испытывает такого великого желания: Желание Бога? Знаешь как оно сильно?» — говорит Христос м-м Босси. — «И так могло быть, что жизнь в любви между Творцом и тварью началась бы только на небе. Я же пришёл возжечь её уже на земле, чтобы возгорелась она скорей».

«Огонь пришёл Я низвести на землю...» (Лк. 12:49).

В музее о. Александра в Семхозе меня поразил юношеский рисунок о. Александра Девы Марии. Она изображена вполоборота, с полуопущенным взглядом, из её глаз словно вырывается пламя...

— Они должны почувствовать, что это огонь! — сказал мне о. Георгий, когда узнал, что я рассказываю детям Евангелие.

Святой дух сошёл на апостолов, как языки пламени. Повсюду словно были расставлены сигнальные костры — то здесь загорится, то там. И вот оно, наконец — пришло. Счастье всех святых.

«Тогда пень, забор и собака — всё заговорит о Нём», — писал о. Александр.

Христос говорит Босси: подобие любви Бога в природе — магнит. И правда, Он напряжённо ждёт нас и влечёт к Себе. Мне пришёл ещё один образ: зажигательное стекло. Направить луч из сердца на Бога, Матерь Божью или святых — и держать там долго. Пока не вспыхнет пламя.

У Экзюпери есть образ гусеницы, бессознательно ползущей к свету. Я ползла к нему долгие годы, пока не ощутила вспышки света. Огонь был скрыт внутри меня.

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звёздный день твой светлый серафим
Громадный шар зажжёт над мирозданием.

.....

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

А. Фет

— И в душе поют рождественские колокола, — завершает свою лекцию о Рождестве о. Александр.

В моей душе горит радость. Я напеваю про себя мотив «Глории». Если вы хотите наполниться радостью, послушайте, как поёт «Глорию» слепой певец Андреа Бочелли. Радость играет и переливается в его голосе, как играет солнце в бокале красного вина.

Вот она — радость, которая плещется, как море, в глазах сестры Тамары, радость, которой лучится сестра Клер.

«Радость — это Я», — говорит Господь м-м Босси.

«Ибо Ты есть истинная радость, душа моя».

Радость — небесное дитя. Она присутствовала при сотворении мира. Бог создал нас для счастья и радости. Дети знают это. «Ибо их есть Царство Небесное». Они ещё помнят рай — они радуются. Я прихожу в дом моей ученицы — распахивается дверь и навстречу мне вихрем летит с радостным воплем трёхлетний карапуз. Я помню моё чувство в детстве, и многие помнят, когда на пороге появлялся гость. Бурный восторг. О где ты, детская радость наша? — Только на небесах мы обретём её вновь.

О, как ты стал далёк, утраченный Эдем,
Где синий свод небес прозрачен и спокоен,
Где быть счастливыми дано с рожденья всем,
Где каждый, кто любим, любимым быть достоин,—
О, как ты стал далёк, утраченный Эдем!

.....
Для чистых радостей открытый детству рай,
Он дальше сказочной Голконды и Китая.
Его не возвратишь, хоть плачь, хоть заклинай,
На звонкой дудочке серебряной играя, —
Для чистых радостей открытый детству рай.

Бодлер

Дети живут любовью. Они пьют её, как цветы росу из небесного источника, собирают её повсюду духовным хоботком, как пчела мёд и изливают её на окружающих. Когда я была маленькой, я обожала своих подруг, лёжа в больнице, садилась на колени к молоденькой медсестре, в школе бросалась обнимать свою учительницу. Недавно я видела в храме, как маленькая девочка обнимала рясу о. Александра, прижимаясь к нему головкой. А наш Мишенька в четыре года любил Господа.

— Всё буду делать, хочу быть святым — кушать не буду — очень люблю Господа! — горячо говорил он мне, стоя на дорожке у дачи.

Св. Серафим Саровский прятался в поле от посетителей, тогда они пускали вперёд детей, и когда его звали детские голоса, он не выдерживал — и высовывался из высокой травы. О любви Бога мы узнавали от святых.

«Чем только не радуется нас Господь, даже цветочками», — пишет св. Иоанн Кронштадтский.

С возрастом меня всё больше трогает красота лесных и полевых цветов. Давно в одной детской книжке я прочла: «Цветы — это сон земли, который она вытаскивает при помощи корней на воздух и свет».

Рассыпанная в траве белая звездчатка, сумрачные лиловые лесные фиалки, вылезавшие навстречу солнцу золотые одуванчики, наивно-простодушные, как глаза ребёнка, ромашки, во всём этом — изливание любви и нежности. Когда-то прочла в стихотворении Уолтера Джона Де Ла Мара: все любят розы и пионы, «а мне бы в кармашек букетик ромашек, — со вздохом сказала Джен».

И любимая наша с мужем с детства алая лесная гвоздика, сказочный аленький цветочек.

О Ты, создавший скромный полевой цветок, есть ли во вселенной сердце, нежнее Твоего! А у Антония Сурожского я прочла, что «еда – это тоже Божья любовь, которая стала съедобной».

Несколько раз на лекции я слышала, как о. Александр Мень рассказывал притчу о блудном сыне. И каждый раз, когда он доходил до того места, как сын, всё растративший, измученный нуждой и голодом, думает вернуться к отцу, «а отец уже выбежал на дорогу, высматривая сына!» – здесь отец Александр взволнованно повышал голос, – каждый раз в этом месте я не могла удержаться от слёз. Это был голос Божьей любви. Это меня он ждал и выглядывал на дороге, пока я блуждала невесть где в чужом краю.

Жан Ванье рассказывал: в госпитале лежал младенец – слепой, глухой, парализованный, он не мог ни есть, ни пить, ни говорить. Над его кроватью была надпись: «Меня тоже любит Бог».

– Бог любит цветок, – говорил Жан Ванье, показывая всё, о чём он говорил, своими большими пластичными руками, – Он любит звезду, и Он любит этого младенца!

И мы плакали. Как-то мы с мужем были на встрече с Жаном Ванье. Дети «Веры и Света» показали свой спектакль. Мы вышли постоять на Гоголевском бульваре, был вечер, сердца наши были переполнены, мы испытывали блаженство.

– Это – Царство Небесное, – сказал мне муж.

Да, это было Его Царство и мы были в нём.

Господь – это радость. Она открывается нам в самых простых вещах: в деревьях у нашего окна, в просветах голубого неба между облаками, в возне ребятишек на улице, в стайке прыгающих воробьёв... Ильин пишет:

«Тот, кто умеет с любовью вживаться в дарованное ему, тот будет находить в каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни, как бы некую дверь, ведущую в духовные просторы... Такому человеку довольно

простого цветка, чтобы коснуться божественного митротворения и преклониться перед ним...»

Когда-то ученики спросили у Антония Великого, как он видит Господа Бога? Он ответил им приблизительно так: «Ранним утром, когда я выхожу из моей землянки в пустыню, я вижу, как солнце встаёт, слышу, как птички поют, тихий ветерок обдувает мне лицо — и сердце моё видит Господа и поёт от радости...»

Детской радостью обладал Моцарт. Она животворит его музыку. Он сознавал, что это — дар Творца. У него было мистическое мироощущение, он видел в смерти ключ к истинному блаженству.

«За это душевное блаженство я благодарю Создателя», — писал он. Природа радости в музыке Моцарта — райская. Она понятна всем, особенно детям. «Тра-ла-ла-ла-ла!» — пел мой муж трёхнедельному Мише арию Папагено из «Волшебной флейты» Моцарта — и тот улыбался.

«Сотворение мира» Гайдна несёт огромный заряд первоначальной радости. Бог радовался, когда создавал этот мир: *«И увидел Бог, что это хорошо»* (Быт.). Ария сотворения первого дня: после смятенного хора дьяволов, низвергаемых на землю, вновь воцаряется гармония — «И новый мир возник по Божьему велению», — с тихим торжеством возвещает хор, искры ликующей радости во взлетающих фигурах скрипок, — кажется, что Гайдн пел, танцевал, ликовал, когда создавал эту музыку! Радость.

Одиноким, больной и глухой Бетховен долгие годы вынашивал её в тайнике своего сердца и под конец извлёк её из недр души, как живородящую руду, как золотой слиток, и он явил её миру, эту бессмертную мелодию «Оды к радости» Девятой симфонии! «Freude! Freude!» (Радость! Радость!), — восклицает хор, словно огненные зарницы вспыхивают на тёмном небосклоне. Она вступает, в начале тихо и величаво, затем растёт и ширится, словно полноводная река, текущая в океан. Вступает один голос, второй, хор, и вот уже словно поёт вся вселенная. Кажется, что сердце Бетховена в этой мелодии бьётся в унисон

с сердцем Бога. Он зажёт её, как новую звезду на небосводе, и она светит нам сквозь сумрак наших дней, воодушевляя наши сердца, вселяя в нас надежду и освещая нам путь. Бетховен — это всегда призыв к мужеству. В школе нам говорили только первые две строчки Оды Шиллера из финала Девятой симфонии: «Обнимитесь, миллионы, слейтесь в радости одной», и было непонятно, в какой радости нас призывают слиться? И лишь недавно я услышала продолжение — «там, над горнею страной, Бог, в любовь пресуществленный».

«...Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16:23).

Эти строчки Евангелия от Иоанна я всегда перечитывала с чувством трепетной надежды. Только Бог может дать радость, которую у нас не отнимут, и только этой небесной радости жаждет наше сердце. Только о ней оно кричит Богу, как грудной младенец кричит, требуя материнского молока, а соску выплёвывает. Так всякая другая радость оставляет нас голодными.

«Ты создал нас для себя...» (Бл. Августин). Бог отдаёт нам Себя в святом Причастии.

— Вдумаемся, какое это чудо — Бог приходит к нам, — говорит О. Александр о Евхаристии, — «чем можно ещё напитаться?»

Сестра Тамара привезла в Москву большую фотокопию Туринской плащаницы. Я сказала, что мне тяжело смотреть на замученного Христа.

— Но ведь Он — пш-ш-ш! — и она взмахнула руками.

«Во всех наших печалях мы никогда не должны забывать о радости воскресения Христа», — говорит мать Тереза Калькуттская.

— Не могло этого быть, а было, не могло этого быть, а есть! — кричит, потрясая кулаками, отец Георгий в своей пасхальной проповеди, — и торжествуем мы все, потому что торжествует над силами зла Христос, потому что Он, воскреснув, пребывает с нами, как неложно обещался во все дни до скончания века, аминь (проповедь «Освобождение»).

К сердцу Бога

Долгое время я не умела молиться. Вроде бы всё делала: читала правило, благодарила, каялась, просила о своих нуждах, — и заканчивала с чувством смутной неудовлетворённости.

В группе детей О. Александра я увидела, как они молятся: сосредоточенно, с закрытыми глазами...

«Бога ищут в книгах, а находят в молитве», — писал падре Пио.

«Молитва должна исходить из нашего сердца, чтобы касаться сердца Бога», — говорила мать Тереза Калькуттская.

Св. Иоанн Кронштадтский пишет: «Надо прорваться к Богу, Божьей Матери сквозь мысленную стену, как прорвёшься — ты спасён».

Святые призывают к молитвенному подвигу: «Молиться — кровь проливать».

С мёртвой точки меня сдвинул О. Александр. Отвалил камень от двери гроба. В своей проповеди о расслабленном он говорит, что молясь за других, мы должны «пробивать стену своей души, своей бесчувственности, окаменелости», как близкие расслабленного проломили крышу дома, чтобы спустить парализованного к ногам Иисуса.

Я поняла, что эти слова обращены ко мне. Божья Матерь в Меджугорье говорит об этом же другими словами — молиться сердцем.

Маленькая Тереза пишет, что она не умела читать длинных молитв, её молитва

«это порыв сердца, простой взгляд, устремлённый к Нему, крик признательности и любви, как в горести, так и в радости; наконец, это нечто великое, сверхъестественное, что радует душу и соединяет нас с Господом».

Начинаю молиться: сначала краткий «разбег», несколько молитв из молитвослова, как говорил о. Георгий — «взлётная дорожка для самолёта, чтобы он взлетел».

Затем обращаюсь к Господу со словами любви: «Возлюбленный души моей, Господь».

«Пробиваю стену души» — каждое слово стараюсь произносить с усилием, из глубины сердца.

«Молиться надо сердцем, ибо Господь — Господь сердца», — пишет сербский старец Фаддей Витовницкий.

Когда мы умоляем кого-то о самом для нас важном, мы не просто произносим слова — мы собираемся внутрь себя и говорим из самой своей глубины с максимальным напряжением сил. Каждое имя произношу, формулируя кратко основные проблемы этого человека. Когда-то меня поразила у Никифорова-Волгина молитва деревенского священника.

«...И вдруг тишина эта неожиданно вздрогнула от глухого вскрика и тяжелого падения на колени отца Анатолия. Он приник головой к полу и минут десять лежал без движения... Наконец он поднимает лицо к Нерукотворному Спасу — большому чёрному образу посредине и начинает разговаривать с Ним. Вначале тихо, но потом всё громче и горячее: „Опять обращаюсь к Твоей милости и до семидесяти седьмин буду обращаться к Тебе пока не услышишь меня, грешного священника Твоего! Подними с одра болезни младенца Егорку! Ему, Господи, семь годков всего... Пожить ему хочется... Только и бредит лугами зелёными, да как пойдёт он грибы собирать и как раков ловить... Утешь его, мальчонку-то! Возьми его за рученьку! Обними

его, Господи, Господи, Господи!.. Один он у родителей-то... Убиваются они, ибо кормилец и отрада их помирает!..».

Молитва об усопших. О. Александр в своей проповеди призывает не просто к памяти о наших близких, но к живому общению с ними. Да, это правда, я слышу их. Когда я в порыве любви и благодарности из глубины сердца обращаюсь к моим дорогим ушедшим — бабушке, Р.К., Е.С., Марине-художнице, Грише Крылову — в ответ приходят потоки любви. Я разговариваю с ними, прошу о помощи.

— Не забывайте святых — и они вас не забудут, — советовал о. Александр.

«Произнести имя святого от сердца — это значит уже приблизиться к нему», — писал св. Иоанн Кронштадтский.

Начинаю «ходить по святым», все их иконы и фото стоят передо мной. Задерживаюсь у о. Александра и о. Георгия, особо поручаю им своих близких с их проблемами и тех друзей, за которых особенно болит душа. Раньше я заканчивала молитву, говорила «аминь» и убегала по своим делам. Все святые говорят о необходимости молитвенной тишины.

О. Александр рассказывал: одна француженка говорит священнику: я много молюсь, но ни разу не слышала, чтобы Он мне ответил. На что священник сказал: «Мадам, вы не даёте Ему вставить слова». О. Александр пишет, если хотите узнать волю Божию, ищите тишины. Он любил повторять изречение Эгхарта: «Бог произносит Своё Слово в молчании».

Мать Тереза Калькуттская пишет: «Самые важные в мире процессы происходят в тишине — в тишине растут цветы и деревья, в тишине движутся звёзды...»

В «Письмах о молитве» Каффарель рассказывает о крестьянине, который часами молчаливо сидел в церкви, когда его спросили, что он при этом делает, он ответил: «Я смотрю на Него, а Он — на меня, и нам хорошо вместе».

После сердечной молитвы тишина стала для меня естественной потребностью. Тишина наполняется Присут-

ствием, и мне хорошо. *«Хорошо нам здесь быть»* (Мф. 17:4). В тишине приходит ответ.

В сказке Гауфа фея при рождении мальчика подарила его матери волшебный свисток, сказав, что мальчик сможет им пользоваться, когда достигнет совершеннолетия. Юноша покинул дом до 18 лет, и попадая во всякие злоключения, тщетно пытался свистнуть, свисток молчал. Наконец, когда он, попав в беду, будучи на краю гибели, боролся в волнами в бурном море, он вспомнил про свисток, поднёс его к губам, и, о чудо — тот зазвучал. Ему исполнилось 18. Я много лет не слышала ответа в своих молитвах, и вот, настал срок, «свисток зазвучал».

«Когда в тебе твой голос прорастёт, твой мир, твои светила зазвучали». (Рильке)

Если нет времени, молюсь в дороге, стараясь не терять сосредоточенности. О. Александр говорил:

«В молитве надо идти, как танк, как лошадь, которая пашет и пашет. Если на неё садятся слепни, она ведь не остановится? Взмахнёт хвостом и продолжает дальше».

«И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Матф. 21:22). Если просим по воле Его, гора может сдвинуться. Когда наш дух соединяется в молитве с Духом Божиим возможны чудеса.

Маленькая Тереза в детстве умирала, когда её сёстры на коленях со слезами воззвали к Божьей Матери, статуя которой стояла у её изголовья — и «воплё веры заставил небеса открыться». Богоматерь ей улыбнулась, Тереза начала выздоравливать. «Имейте веру Божию».

У Екатерины Кольшкиной-Дохерти были глубоко верующие родители. Они жили в Египте, когда мать заразилась холерой. Врач, едва взглянув на неё, предрёк ей смерть. Отец собрал всех детей, в том числе девятимесячного братика Екатерины, которого несли на руках. Он стал натирать обнажённое тело мамы маслом из Гефсиманского сада, начиная с волос и вплоть до пальцев ног. При этом он просил детей непрерывно молиться: «Господи, помилуй!»

Господи, помилуй!» Затем все взялись за руки. Дети легли спать, а отец бодрствовал у постели больной всю ночь. Благословляя жену иконой Богородицы, он приговаривал: «Господи, помилуй меня грешного, спаси мою жену». Через несколько дней она встала.

О. Александр говорил: «Церковь — община чудотворцев; если мы не чудотворим, то это по нашему маловерию». Сам он чудотворил.

Дочь его говорила: «Отец помолится — мёртвый встанет». Рассказывала его прихожанка: она была беременна, и ребёнок перед родами занял неправильное положение, что было очень опасно. Сама она приехать к о. Александру уже не могла, приехали друзья и сказали, что с Л. такая беда. По молитве о. Александра ребёнок перевернулся.

На одном вечере памяти о. Александра рассказали курьёзный случай. Одна семья, снявшая дачу в Новой Деревне, пришла к о. Александру с жалобой: у хозяев злая собака, которая лежит на пороге, рычит и не пускает их в дом. Они уже в отчаянье собрались уезжать.

— Она больше не будет! — испуганно сказал о. Александр. Собака с порога исчезла.

Особенное значение о. Александр придавал совместной молитве. Бывает, что личная молитва, как струя фонтана, бессильно падает вниз, говорил он, а молитва общинная стрелой летит в небо. Ю. Пастернак вспоминал:

«Ещё до перестройки о. Александр и его прихожане в чьём-то доме ждали из-за границы машину с книгами издательства «Жизнь с Богом». В это время нагрянули гэбисты, знавшие про машину. И вот все сидят и ждут, прихожане с о. Александром, естественно, молятся. И что же? Машина попадает в аварию, из которой несколько часов не может выбраться. Гэбешники посидели, пождали, пождали и ушли. Тогда машина приехала».

— Ведь это надо же было всё так точно рассчитать! — поражался Юра, — аварию, время возвращения машины...

Когда-то давно я смотрела фильм Бергмана, и один кадр ярко запечатлелся в памяти, хотя я его тогда не поняла.

Старик спасает детей из дома злодея-отчима, спрятав их в большой саквояж. На лестнице он сталкивается с отчимом, тот, заподозрив неладное, стремглав летит в детскую. В одну долю секунды старик, запрокинув голову и сжав кулаки, издает краткий вопль к Небу. Разряд молнии. Отчим вбегает в детскую и видит спящих детей. Но их там нет! Они — в сумке у старика. (Бергман, «Фанни и Александр»).

В израильском фильме «Ушпизин» герои, муж и жена, как Авраам, ходят перед Богом. Разговаривают с Ним, плачут перед Ним, радуются с Ним. Их молитва — дерзновенная. «Дерзай, чадо», — говорит Господь. В крайних обстоятельствах герой кричит, вопиет к Богу — и Тот слышит и отвечает ему. Воодушевляющий фильм. О. Сергей сказал: «Иудеи так верят, что мы, по сравнению с ними, просто отдыхаем».

О. Александр сказал одному прихожанину: «Не жить в ощущении чуда — это, в конце концов, просто пошло!»

Всё — чудо. Как-то мы отдыхали с мужем и Мишей в Каталонии и я одна поехала в полюбившийся мне городок. На обратном пути автобус попал в огромную пробку и вместо получаса шёл два или три часа. Наконец, я вышла из автобуса и села в электричку. Было уже темно. На станции мне навстречу бежал взволнованный муж.

— Я так молился, чтобы ты доехала, — сказал он.

Оказывается, это была последняя электричка. В повседневной жизни я давно чувствую помощь св. Николая. Когда в поисках чего-либо трудно находимого я обращаюсь к нему с просьбой, искомая вещь быстро попадаетеся мне на глаза.

Подруга рассказала мне: она была на даче и ждала мужа. Тот не мог выехать из дома — пропал кот. Она стала молиться св. Николаю, чтобы тот помог найти кота. После долгих поисков — в доме нигде кота не было, искал уже во дворах, муж, наконец, позвонил: кот высунул лапу из под кресла.

А недавно был уже совсем поразительный случай. В процессе работы мне понадобилась книга о Жака Филиппа

«Время для Бога». Встав перед забитыми книжными полками, я попросила св. Николая помочь мне найти книгу. В голове мелькнуло: «Сейчас придётся снимать книги, рыться...» Поворачиваю голову — книга лежит на диване. Я прямо подпрыгнула от неожиданности. Вот это да! Ведь не доставала я её, не было этого! Как она здесь оказалась? Чудеса.

У Жака Филиппа я прочла совет св. Терезы Авильской о молитве:

«Жить постоянно в обществе Иисуса как Друга, с которым говоришь, которого слушаешь... жить в Его присутствии, говорить с Ним, просить у Него то, в чём мы нуждаемся, жаловаться Ему на свои горести, радоваться вместе с Ним своим радостям и не забывать Его, при этом ища не готовых молитв, а слов, согласных нашим желаниям и нуждам. Это прекрасный способ очень быстро идти вперёд. Тех, кто старается так жить в Его драгоценном обществе, извлекая из него всякое благо, кто испытывает истинную любовь к Господу, Которому мы столько обязаны, я считаю преуспевшими».

В книге м-м Босси Христос постоянно призывает её к близкому общению с Ним:

«Слышишь, как щебечут щеглята? Они переговариваются тихо и беспрерывно. Это — птичьи звуки. Говори со Мной тихо и беспрерывно. Это — звуки души».

О. Александр говорил, что он слышал голос Христа в своей душе отчётливее, чем голоса окружающих его людей. Значит, он непрерывно общался с Ним.

«Разве так трудно говорить со Мной? — спрашивает Иисус м-м Босси, — о всём, что тебя интересует, о всём, что составляет твою жизнь — обо всём этом говори со Мной. Я буду слушать тебя с такой радостью, с таким вниманием... Скажи им, чтобы они были со Мной как с самым близким другом, знающим их заветные мечты... Поведай Мне, что тебя заинтересовало и что огорчило. Думают, что со Мной нужно говорить на особом языке, а потому и не говорят со Мной

вовсе. Но если бы вы знали, как Я желаю, чтобы ко Мне приходили просто и хоть с небольшой любовью! О вы, мои самые близкие друзья, придите утолить Мою жажду по вам».

Его жажда... «Бог жаждет любви от своего жалкого творения», – писала маленькая Тереза.

В течении дня я стараюсь поддерживать общение с Ним, моим Великим Другом, как говорит о Себе Иисус м-м Босси.

Благодарю за всё: что вижу деревья, облака, птиц, за то, что хожу, дышу и больше всего, за Его животворящую любовь. Глубоко задетая кем-либо, тут же прошу прощения за невольную вспышку враждебности, молюсь об этом человеке, и мир возвращается. При приближении усталости, тоски, тяжёлых мыслей говорю Господу о своей любви, слова мои бедные, но Он неизменно их принимает, приходит ответная волна любви и животворящей энергии, и душа вновь оживает. Всегда есть повод обратиться к Нему.

На выставке Левитана стою у картины «Поздняя осень». Жмущиеся друг к другу обнажённые деревья, светящиеся прощальным светом золотые берёзки. Какой щемящей грустью веет от них, какой печалью расставания – смирение природы. Душа умиротворяется. Шепчу слова благодарности.

«Средиземное море». Катящиеся на нас седые пенящиеся волны, кажется, долетают брызги, низкое сумрачное небо и парящая над водой чайка. Море уже давно стало для меня самым любимым образом Бога в природе, образом Его величия и благодати. «Благодарю Тебя, Господи, как Ты велик и прекрасен!» Слышу Его ответ в своём сердце, Ему нравится моё восхищение Его творением.

О. Александр говорил: природа кричит о Своём Создателе! Он рассказывал в «Домашних беседах»: «Видел по телевизору осьминога – божественное зрелище! Божественное зрелище!»

Гуляя в парке, я всегда радуюсь, как подарку, когда вижу на дереве дятла. Ну до чего же хорош! Это же надо так

придумать — чёрный с белым фрак и под хвостом — украшение, ярко красное пятно. Думаю, знает ли он о своей красоте, деловито постукивая клювом по древесине?

Иисус у Босси просит говорить Ему ласковые слова, Он говорит: зачем ты делаешь такие усилия в своей молитве? Пусть это будет совсем просто, как семейная беседа.

И я тоже стараюсь чаще говорить Ему ласковые слова. В любимой мною сказке Гауфа Петер у старой сосны проносил наполовину забытое заклинание, и добрый дух Стеклушка выглядывал из-за дерева.

Когда я обращаюсь к Господу со словами любви, я «выманиваю» Его к себе, и Он показывается в сумраке моей души, освещая её, как солнце, когда оно, поднимаясь на рассвете, рассеивает утренний туман.

Образ Любимого внезапно поднял
Голову из сердца, как
Луна поднимается над горизонтом,
Как цветок расцветает на ветви.
Все образы мира бежали перед образом Любимого...
Руми

...Как будто Ты разлился надо мной,
всё небо в нетерпении объемля,
но сызнава, расслышав зов земной,
с далёких звёзд Ты падаешь на землю,
как нежный дождик раннею весной.

Р.М. Рильке.
«Ночами я выкапываю клад...»

Единственная в мире Книга

Это Я, Который говорю с тобою.
(Ин. 4:26)

О. Георгий говорил нам на проповеди: мы читаем Евангелие, пробегая глазами по строчкам! Этот упрёк относился ко мне. Знакомый текст быстро прокатывался перед моими глазами, как морские камушки, смываемые волной, в душе ничего не оставалось, и я закрывала Библию с чувством смутного неудовлетворения.

В молитвенной группе, куда я пришла, читали Евангелие медленно, вдумываясь в каждое слово, пропуская его через себя, ведущий дополнял Слово Божие комментариями В. Кузнецовой, каждый рассказывал о своём переживании данного отрывка, сравнивали параллельные места в других Евангелиях, читали ссылки из Ветхого Завета.

Постепенно Евангелие стало живым, Слово начало открываться. А когда я начала читать ссылки из пророков, углубилась в перевод и объяснения Кузнецовой, знакомый текст стал объёмным и зазвучал, как симфонический оркестр.

О. Александр Мень пишет о необходимости молитвенного размышления над строчками Евангелия, хотя бы пять минут утром и вечером, но регулярно, а лучше — полчаса.

У меня это долго не получалось, мысли разбежались, но постепенно стала сосредотачиваться, в голове зазвучали сходные строки из Евангелия, мысль пошла вглубь, из размышления рождалась молитва...

«*Не бойся, только веруй*», — говорит Иисус отцу умирающей девочки (Мк. 5:36). В глубине нашего предельного отчаяния, в состоянии полной безнадёжности и ужаса Он протягивает нам руку, Он говорит нам: не бойтесь, это Я, Я здесь. Он успокаивает нас, как детей, оказавшихся в темноте.

«Дети», — обращается Он к нам в Евангелии. Как мать со свечой спешит на помощь своему ребёнку.

«О тишина на лестнице, тишина в комнатах рядом, притаившаяся под потолком тишина. И мать — единственная эту тишину отстранявшая, когда-то в далёком детстве. Ты принимала её на себя, ты говорила: „Не бойся, это я“. Ты держишь перед собой свечу, говоришь: „Это я, не бойся“. И — медленно — ты опускаешь свечу, и сомнений не остаётся: это ты, ты свет вокруг милых ручных вещей, вставших рядом без задней мысли и без утайки...»

Рильке. Мальте

В Библии Господь говорит, что Его любовь — сильнее материнской любви: «*Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя*» (ср.: Ис. 49:15).

«Не бойся, только веруй». Я была неверующей, когда неожиданно умерла моя любимая учительница, мой самый близкий друг в течении двадцати лет, моя «вторая мама» — Е.С. Скудина. В состоянии полного отчаяния я прибежала в редакцию «Музыкальной жизни», где происходила церемония прощания. Все плакали. В автобусе случилось неожиданное: я ощутила её рядом.

«Я здесь», — сказала она мне.

Чувство её близости было настолько явственным, что я стала говорить всем в автобусе: она не умерла, она жива, — никто мне не верил.

Умерла последняя из моих любимых учительниц — Р.К. Ширинян. Я стояла в маленькой церкви на её отпевании. Народу было набито битком, служба показалась мне очень долгой. Состояние у меня было угнетённое: совсем недавно я навещала Р.К. в больнице, и она так живо принимала участие в моих переживаниях... А теперь, где она?

По дороге домой я наугад раскрыла Евангелие, и мои глаза сразу упали на строчку: *«Бог есть не Бог мёртвых, а Бог живых, потому что у Него все живы»*. (Лк. 24:13-53). И я мгновенно воспряла духом, я почувствовала, что она сама указала на эти слова Евангелия, дав мне понять, что она жива, она здесь.

— Стоять в вере, — сказал о. Антоний, когда я в смятении прибежала к ним после Беслана.

«Вера — это крепость надежды, построенная над пропастью отчаяния, — писал О. Александр, — и это не потому что вера это „убежище“ или „утешение“, а потому что обезображенный и страшный мир поистине может внушить чувство ужаса. И лишь вера срывает с мира маску и обнажает сокровенную красоту Сущего. В этом и только в этом смысле мир, внушающий отчаяние, — нереален. А действителен только Реальный». (Цитирую по книге: Зоя Масленикова. Жизнь отца Александра Меня. М., 1995, с. 303.)

«Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много... И когда пойду и приготовлю место вам, снова приду и возьму вас к себе, чтобы, где Я и вы были» (Ин. 14:1, 3:4).

«Приду и возьму вас к Себе, чтобы, где Я, и вы были».

Какая любовь заключена в этих словах! Часто я повторяла их про себя, проходя по какому-нибудь грязному московскому дворику, и небесная радость заливала мне сердце.

Он знал, откуда Он пришёл и где скоро будет, и хотел, чтобы Его любимые ученики — и мы тоже — были с Ним.

Он пришёл за ними, за каждым в отдельности, все апостолы, кроме Иоанна, приняли мученическую смерть за проповедь Евангелия. Он обещает и нас взять к Себе.

«Но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16:22).

Как голодный младенец кричит, требуя материнского молока, а соску выплёвывает, так мы кричим, ищем Господа, потому, что только Он один может дать нам радость, которой жаждет наше сердце, а все другие радости оставляют нас голодными.

«„ Не так даю, как мир даёт“, не так... Всё, и сразу. И не кончится. И никто не отнимет» (О. Седакова).

Он утрёт все слёзы, исцелит все раны. Он вернёт нам утраченное, вернёт нашу детскую радость, нашу потерянную любовь. Воскресит то, что мы уже похоронили глубоко в своём сердце.

«Я восстановлю благо, которого вас лишили ваши дурацкие просчёты, и приведу вас к Любви, о которой говорила всякая любовь, к красоте и радости, которых вы искали по улицам, о которых плакали в подушку», — пишет Петер Крифт.

«Ныне же будешь со Мной в Раю», — сказал Христос покаившемуся разбойнику.

Удивительные, если вдуматься, эти слова Господа в такой страшный час! Он не просто знал это, но предчувствовал. Сквозь нечеловеческую пытку боли, сквозь ужас распятия, он прозревал Рай, Он ощущал на Своём Лице его сладостное дуновение.

О нет, Отец не оставил Его до конца... Может быть, здесь — тайна последней улыбки умирающих, облегчения их предсмертных страданий. В них — большое утешение для моего сердца .

«В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

Долгое время я не могла понять смысла этих слов. Скорбь — да. Но в чём Его победа? Я задавала этот вопрос на лекции о. Александру Меню.

— Он ещё не победил, Он только начал побеждать, — сказал он. — Он победил, но победа Его будет явлена за пределами этой жизни. Бог здесь не царствует, — продолжал о. Александр, — благодать проникает в этот мир с большим трудом.

«Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы», — предупреждает апостол Павел. (Тим. 2:3-12).

Он призывает нас к верности: будьте верны, будьте мужественны, Я здесь, Я с вами. Ваша слава со Мной на небесах.

«И в тот день вы не спросите Меня ни о чём» (Ин. 16:23). Когда мы придём к Нему, все наши вопросы кончатся. Он и есть — ответ. Иов в своей муке вопиял к Богу, но когда Тот Сам явился ему, он *«положил руку на уста свои»*.

Все наши вопросы — от нашей боли, от нашей жажды, а Он — Врач, Он — Источник.

Но почему же такой страшной ценой, Господи? Зачем Ты уготовил Себе это предательство с поцелуем, оплевания, бичевания и страшный крест? До конца нет ответа.

О. Александр говорил, что крестная смерть Спасителя была актом Его величайшего сострадания человеку. Значит, не было другого средства исторгнуть нас из челюстей адской бездны. И даже эти Его страдания остаются бесполезными для многих людей, — жалуется Он Босси.

Вера и верность — однокоренные слова. Если мы не верны людям, мы не верны и Богу.

После горы Преображения, где Христос уже дышал вместе с пророками Моисеем и Илией воздухом Своего Царства, Ему было особенно тяжело вновь погрузиться в мир, погрязший в грехе.

Если праведный Лот страдал среди своих развратных сограждан, как же должен был страдать Богочеловек, сама Чистота, видя как всё развращено, как далеко ушёл мир от Его первоначального замысла. Он задыхался в нём. Поэтому, наверное, с такой скорбью вырывается у Него этот возглас:

«Доколе Мне быть с вами?»

«О, род неверный и развращённый...», — восклицает Христос, и к нему ведут ребёнка, бьющегося в судорогах...

Апостолы сказали:

«К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6:68).

Что для нас Евангелие?

Если это только книга в золочённом переплёте, которую после долгих предварительных молитв выносят торжественно из алтаря и читают на непонятном для большинства старославянском языке, нам трудно это понять.

В общине о. Георгия Кочеткова служили и читали Евангелие на русском — её разогнали. В Ленинграде одно время, ещё при жизни о. Александра Меня, стали читать на русском, а затем другой епископ запретил.

— Опять на славянском зачирикали, — с горечью сказал о. Александр.

В переводе В. Кузнецовой текст Евангелия становится предельно ясным, рельефным, конкретным, понятным современному читателю. Её перевод, местами пронзительный, предельно приближает к нам евангельские события, заставляет пережить их с новой силой.

Так, в Евангелие от Матфея, в сцене молитвы Христа в Гефсиманском саду, она говорит об Иисусе: *„Он бросился ничком на землю и стал молиться“*, вместо привычного нам канонического перевода — *«нав на лице Свое, молился»* — и мы видим Иисуса, распростёртого на земле в невыразимой муке.

А в комментарии к этому стиху она пишет: *„У Марка Иисус, возможно, даже бился о землю от невыносимой муки“* (Мф. 26:39).

„Но ведь не я же, Господь?“ — насколько усилен у Кузнецовой драматизм известного вопроса учеников Христу: *„Не я ли, Господи?“* — после Его слов на тайной вечери — *„Один из вас предаст Меня“* (Мф. 26:22).

Становится ясным — каждый из них в душе боялся оказаться предателем. И мы боимся.

Наблюдайте, как вы слушаете, — говорит нам Иисус.

О. Александр Шмеман пишет в своих воспоминаниях о раздражающей его условности церковного обихода и языка православной церкви.

«Как мы слышим Евангелие? Лев Толстой, в статье „В чём моя вера“ обвиняет в лицемерии русскую православную Церковь, которая не живёт по заповедям Христа и намеренно неправильно толкует Евангелие, оправдывая существующее зло. „Мне стало ясно, что если бы Евангелия были открыты наполовину сожжённые или стёртые, было бы легче восстановить их смысл, чем теперь, когда по ним прошлись недобросовестные толкования, имеющие прямой целью извратить и скрыть смысл учения“, — пишет Толстой в статье „В чём моя вера“.

По поводу слов Христа о разводе он пишет: „В этом случае ещё виднее, чем в прежнем, как самая частная цель оправдать развод какого-нибудь Ивана Грозного послужила поводом к замутнению всего учения о браке“».

Стала ли ближе заветам Евангелия наша сегодняшняя Церковь по сравнению с Церковью царского режима, которую обличает Толстой?

— Сила наша, сила Церкви Христовой, заключается в жизни по заповедям Евангелия, — говорит о. Александр Мень.

Где она, наша сила?

«Православная духовность так отличается от православной реальности, что те, кто не достигают святости, вынуждены защищаться лицемерием», — сказал на встрече с московскими слушателями польский кинорежиссёр Кшиштоф Занусси.

Когда Кшиштофа Занусси спросили на встрече, что ему ближе в Священном Писании, он ответил: «Библия — не супермаркет. Я не могу выбирать». И рассказал анекдотический случай, когда во время съёмок телевизионного фильма «Десять заповедей» к режиссёру пришли съёмщицы и сказали:

«На десять (заповедей) не хватает денег, нельзя ли восемь?»

Как мы слушаем Евангелие? Хотим ли мы на самом деле слышать его? Не пропускаем ли мы бессознательно те места, которые кажутся нам неприемлемыми для нас, или те, которые обличают нас? Не слишком ли мы привыкли к знакомому тексту, чтобы понимать всю актуальность его призыва к каждому из нас?

Дэвид Смит в книге «На пути в Эммаус» пишет:

«Если пророческие тексты древнего Израиля, изначально настолько мощные и радикальные... с течением столетий стали нейтрально-импотентными, и их слушали и читали в рамках такой системы толкования, из-за которой они были абсолютно бессильны потревожить статус-кво... не может ли нечто подобное произойти и с книгами, известными нам, как Новый Завет?»

Он утверждает, что

«слова, которые когда-то, в определённом контексте, были реально взрывоопасными, со временем могут стать такими привычными и знакомыми, что из-за них любые перемены становятся просто невозможными».

Чем стало для меня Евангелие?

О. Александр пишет, что сила Евангелия в личности Христа, а не в литературном достоинстве текста, евангелисты были простыми людьми, они едва справлялись с материалом. Он пишет:

«По исследованиям учёных Христос не говорит почти ничего нового, всё было уже сказано до Него учителями Израиля. Но Его слово звучит со властью.

Какой-то святой сказал: „Когда мы молимся, мы говорим с Богом, когда мы читаем Евангелие — Бог говорит с нами“.

„Нет ничего драгоценнее Евангелия, в котором живёт Христос“.

«Бог говорит», — пишет в своей беседе о Евангелии Антоний Блум.

Иисус говорит Босси: «Я живу в Своём Слове».

Антоний Блюм рассказывал, когда он впервые подростком прочёл Евангелие от Марка, он вдруг почувствовал, что Христос стоит по другую сторону стола. Он пишет в «Евангелие о буре»:

«Каждый раз, когда мы читаем Евангелие, отдаём ли мы себе отчёт, что мы часто повторяем те самые слова, которые произнёс Сам Бог на земле человеческим голосом, на человеческом языке... они были словами Самого Живого Бога, ставшего человеком, и их слушала вся вселенная. Если бы Живой Бог осязаемо, ощутимо говорил нам — мы не стояли бы даже, мы опустили бы на колени, мы закрыли бы глаза и открыли бы ум и сердце...»

Святой Иоанн Златоуст говорит, что когда мы хотим прочесть евангельскую страницу, мы должны помолиться, чтобы Господь очистил наш ум, наше сердце, выправил нашу волю, должны вымыть руки, которыми мы тронем эту священную книгу! — И слушать всем естеством своим...

Серафим Саровский говорил, что Евангелие надо читать, стоя на коленях, потому что Бог говорит.

Александр Борисов в своих проповедях призывает к постоянному чтению Евангелия, чтобы мы им пропитывались.

Св. Серафим прочитывал в день по Евангелию, все четыре Евангелия за неделю. Он пропитывал себя Божиим словом. По его словам, он беседовал с Господом.

О. Георгий на лекциях говорил, что церковное чтение Евангелия — это телефонная трубка с Господом Богом.

— Они должны почувствовать, что это огонь, — сказал мне о. Георгий, когда я говорила ему, что читаю Евангелие детям. Огонь.

Со страниц Евангелия исходит живое пламя. И вдруг меня озарило: не просто текст. *«Изначально был Тот, кто называется Словом, Он был с Богом, и Он был Бог»* (Ин. Пролог 1:1).

«Вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется, как воплощение и „вочеловечивание“

Логоса, который принёс людям откровение и Сам был этим откровением («словом жизни»), Самораскрытие Бога незримого», — пишет С. Аверинцев.

«Евангелие — не просто фразы, выстроенные в строки, разделённые на главы и несущие некую информацию. Обычный текст не может быть полностью отождествлён с его автором, даже если речь идёт об автобиографии. Сотворённое человеком — книга, художественное полотно или музыка не может быть самим автором, самим творцом. А вот Евангелие оставлено нам Господом как чудо пребывания Бога в Слове... Евангелие, звучащее в храме, по своей благодатной силе нисколько не уступает живой проповеди Христа, звучавшей две тысячи лет назад в Галилее. Это то же самое Слово, которое сотворило мир. Этим словом воскрешались мёртвые, слепые прозревали, глухие обретали слух, хромы начинали ходить, а прокажённые очищались.

Ничего не изменилось с тех пор, потому что Христос вовеки тот же, и слово Его не может со временем обесцениться, потерять свою силу, — говорит о. Алексей Уминский. — Евангелие — это Сам Христос, говорящий с нами напрямую, Сам Христос, нас касающийся, Сам Христос, нас зовущий и заглядывающий в глубину наших сердец. Не просто книга, а прежде всего — Сам Христос».

Итак, в Евангелии живёт Он Сам, Бог-Слово, Бог Живой! Через Евангелие Он говорит с нами. Слово, обращённое к нам.

Как же долго, Господи, Ты мне это втолковывал.

Делюсь своим открытием с друзьями.

«Ну да, — говорят они спокойно, — Благовестие...»

Знают и без меня или привыкли?

Сразу поняла меня сестра Тамара и закивала головой:

— Да-да, Бог — Слово!

Меня это поражает каждый раз, когда я думаю об этом. Но ведь, если это так, если Евангелие — это Его Слово,

Сам Господь, который умер за нас в страшных муках, Тело и Кровь которого мы принимаем в таинстве Причастия, то всё, сказанное Им, должно быть для нас абсолютно непреложным!

— Кто же осмелится противоречить Господу? — сказал о. Сергей.

— Я просил, — ты помнишь, Он говорил? —
что Я дам, дело другое, дело не ваше.

Я болен — кто навестил меня?

Я пить хочу — где чаша?

Лисы язвины имут и птицы гнездо, Я стучу — где мой дом?

О. Седакова. Элегии





Огюст Роден. Рука Бога (1898–1902)

Тайна сия...

Христианское учение о браке базируется на словах Христа, который говорит — Тайна сия великая есть.

Всё преходяще, но в глубине два венчаных человека — одно целое... Трудно сохранить брак. То, из чего он складывается, теряет новизну. Ослабевает привязанность, обступают семейные заботы, дети, слабеет влечение. Венчание — это соединение в глубине по Божьему замыслу. И что бы ни было с привязанностью, семейным бытом, влечением, что бы ни разъединяло, венчание — это соединение навечно. Любовь своими корнями уходит в бессмертное, бесконечное. И как символ мистической тайны бесконечного — кольцо.

О. Александр Мень

Истину о браке говорит только Иисус.

Всё остальное — не истина, а попытки приспособиться к её отсутствию.

Кардинал Кассиди

Брак в Евангелии

...И сотворил Бог мир, леса и горы, цветы и звёзды, моря и океаны, и сотворил Он жизнь, рыб морских и птиц небесных, и гадов пресмыкающихся, и многих животных, и надо всеми вознёс Он человека, Свой образ и подобие, таинственно соединённую пару — мужчине и женщине.

Брак был создан Богом в раю. Он был установлен при самом сотворении человека, Бог им увенчал сотворение мира.

В «Дамасском документе» ессеев говорится: «Основание творения в том, что мужчиной и женщиной создал Он их».*

Это первоначало. По мысли святых отцов, сотворению человека предшествовал Предвечный совет в лоне Святой Троицы.

«Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему», — торжественно провозглашает Бог (Быт. 1:26). Это означает, что человек, мужчина и женщина, сотворены из тайны бытия Троидного Бога.

* С.С. Аверинцев. Комментарии к Евангелию от Марка. Эта и другие ссылки приводятся из интернета, читатель может найти их по названию книги или статьи.

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его, мужчину и женщину сотворил их»(Быт. 1:27). По мысли некоторых богословов, образ и подобие Божие являют мужчина и женщина вместе.* Будучи единым целым, они воплощают в себе Его разные свойства, мужчина Его мощь и неистовость, женщина – красоту и нежность.

Мы живём в раздробленном, фрагментарном мире, в котором мы отчуждены от Бога, от природы и друг от друга. Нам хотелось бы раствориться в природе, в лесном покое, в шелесте прибрежных трав, в журчание речных струй, в рокоте морского прибоя. Утонуть в безбрежной синеве небес, безмятежно плыть вместе с облаками, лететь на крыльях ветра, нам хочется слиться с этой красотой, купаться в ней, но нам этого не дано.

Можно лишь глядеть «сквозь роговицу в небесную криницу, на ледяную спицу, на птичью колесницу...»***

Созерцание природы пробуждает в нас томление, она, словно, зовёт нас куда-то, но мы не знаем, как ответить на этот зов, «но что нам делать с розовой зарёй... над холодеющими небесами...»*** Мы отъединены друг от друга. В толпе незнакомых людей нам одиноко, мы ищем отклика наших мыслей, чувств и переживаний, ищем друга, ищем возлюбленную. Но и с нашими друзьями, с самыми близкими, с самыми любимыми нам приходится переживать моменты трагического одиночества, непонимания. Даже не сознавая этого, мы страдаем от неполноты жизни, томимся, мучимся жаждой воссоединения с Богом, природой, друг с другом, в глубине своей мы жаждем единения, целостности, полноты. И ни в чём другом так властно не проявляется эта жажда, как во взаимном стремлении мужчины и женщины друг к другу, отношения которых, как

* С. Тагуэлл. Беседы о блаженствах. «Claretianum», 1994.

** Арсений Тарковский. Эвридика.

*** Николай Гумилев. Шестое чувство.

говорит Талмуд «везде и во все времена имеют характер чего-то потерянного». Но что это?

Ещё Платон в «Пире» утверждал, что вначале Бог создал андрогина, человека с признаками обоих полов, которого затем разделил на мужчину и женщину. Вслед за ним некоторые святые отцы, а также еврейские учителя сходятся в том что Адам был сотворён двуединым существом с мужскими и женскими свойствами и, когда он дошёл до зрелости, осознал своё одиночество. Бог отделил женскую половину его естества от мужской.*

Что означает ребро Адама, из которого была создана женщина? Ребро, רֶבֶעַ [цела], переводится ещё, как «бок», «сторона» и имеет смысл «сокрытого» места. Женщина создана из некоторой сокрытой глубинной стороны человеческого существа. В славянском переводе Библии сказано о рождении Евы, что «Бог навёл на человека глубокий сон».

Однако в греческом тексте стоит не сон, а ἔκστασις [ekstasis], то есть экстаз или исступление, Адам словно выходит из себя. «Бог не создаёт Еву, но как бы рождает её от Адама».**

Когда Бог приводит Еву к Адаму, тот сразу узнаёт в ней свою жену: «Это на этот раз, плоть от плоти моей» (пер. Бермана).

Фактически он сказал: «Это я». Иш (יֵשׁ) и иша (אִשָּׁה) «Она — это я в женском роде, я — это она в мужском».***

Одна личность в мужском и женском роде, две стороны единого человеческого существа. Платон был прав, когда говорил, что две разделённые половинки андрогинного человека ищут друг друга. Властный призыв, который слышат

* Митрополит Антоний Сурожский. О настоящем браке.

** О. Александр Мень. Библиологический словарь.

*** Митрополит Антоний Сурожский. Последние беседы.

мужчина и женщина, это не только голос эроса, зовущий к любви всё живое, но, прежде всего, глубоко заложенное в них Создателем стремление к целостности, к обретению некогда потерянного единства.

По замечанию израильского богослова Адина Штейнзальца, Бог разделит человеческое существо на две половины

«прежде всего для того, чтобы связь между ними была неоднозначной, сложной и глубокой. Две половинки этого целого постоянно ищут друг друга и не могут обрести покой, пока не соединятся в *новом, отличном от первого единстве*»* (курсив мой – М.Р.).

Иными словами, Бог разделит андрогинного человека на мужчину и женщину, чтобы вновь соединить их в браке, в сложных и глубоких отношениях любви.

Рассказ о сотворении и последующем разделении надвое единого человеческого существа позволяет увидеть глубокое различие в сотворении человека и животных, которые с самого начала были разделены на два пола. Если отношения между полами в животном мире имеют целью только размножение, воспроизведение вида (хотя по мере эволюции, они усложняются, становясь как бы прототипом любви человеческой), то для человека эти отношения имеют таинственный глубинный характер, сущностный сам по себе.

Итак, человек изначально был задуман Богом, как таинственное единство мужчины и женщины (курсив мой – М.Р.).

Эта мысль воплощена в скульптуре Родена «Рука Бога», где огромная рука держит творимую из одного куска глины мужчину и женщину, таинственно слитых воедино. Роден сказал о ней: «Это – сотворение».

* Адин Штейнзалц. Библейские образы.

Встреча

*Неужели и мы, как все,
как все
расстанемся?*

.....
*Не меньше, чем ивы
вырастать у воды,
не меньше, чем воды
следовать за магнитом звезды,
чем пьяный Ли Бо заглядывать
в жёлтое, как луна, вино
и чем камень опускаться на дно,
любящие быть вместе —*

*неужели мы расстанемся,
как простые скупцы и грубияны?*
О. Седакова

Я вымолила его у Бога. Вернее, его вымолил о. Александр. Когда я в Новой Деревне пожаловалась ему, что у меня нет личной жизни, он, на минуту задумавшись, словно прислушиваясь к чему-то, уверенно сказал:

— Если надо будет — Бог обязательно пошлёт, — сделал ударение на «надо» и «обязательно».

Эти слова меня ободрили, я почувствовала какую-то надежду.

«Но откуда же он возьмётся?» — думала я.

«И в день седьмой, в какое-то мгновенье...»

В учительской меня окликнула завуч:

— Вас там спрашивают.

«Недовольный родитель?» — со страхом подумала я.

В дверях стоял какой-то мужчина и, приветливо улыбаясь, смотрел на меня. Наши глаза встретились, и это мгновение решило всё. Мы узнали друг друга. В рассказе Бунина герой вспоминает индийскую легенду, в которой царевич и царевна при встрече вспомнили, что в прошлых жизнях были красивыми дикими животными, игравшими друг с другом.* Не знаю, есть ли предыдущие жизни, но, несомненно, существует тайна встречи.

Я не верила себе: «Наверняка он женат», — думала я. Он никогда не был женат. Ни одну женщину, с которой его пытались познакомить, он не мог представить себе своей женой, говорил он мне после. Они с сестрой и племянницей сбежали в Москву от тбилисской разрухи. Он был в состоянии духовного поиска — йога, медитации, левитации... незадолго до нашей встречи увидел в газете фото о. Александра Меня и сразу понял, какая это незаурядная личность.

И вот мы стоим с ним на службе Двенадцати Евангелий в храме Патриаршего Подворья на Чистых Прудах. После нашей встречи были приливы и отливы, притяжение и отталкивание, но в храме мне с ним всегда было хорошо, были гармония и покой. Тайна предназначённости.

Адам при первом взгляде на Еву сказал, что это *«плоть от плоти его»*. *«Жена предназначена мужу от века»*, — говорит Библия. (Товит, 6:18)**

Мы выбираем, но Бог знает, кого мы выберем. Мой знакомый рассказывал мне: «Обстоятельства сложились так, что я должен был взять её (будущую жену) в свой дом, я не понимал, но меня, словно слепого котёнка тыкали носом в блюдечко — пей».

Н. Мотовилов был влюблён в Е. Языкову и просил св. Серафима благословить его на брак.

* И. Бунин. В ночном море.

** Адин Штейнзалц. Библейские образы.

«Что вы, батюшка, ваше боголюбие! Нет, нет! — воскликнул св. Серафим, — вашей от Бога вам предназначенной невесте теперь восемь лет и несколько месяцев... Так не подождать ли вам вашей Богом предначерченной невесты, эдак, 8 или 10 лет?»

Предсказание св. Серафима сбылось: получив отказ от Е. Языковой Н. Мотовилов впоследствии женился на предсказанной ему св. Серафимом Е. Милюковой.

Мой будущий муж говорил мне:

— Не понимаю, словно какая-то сила приводит меня в твой дом.

Это не соответствовало моим романтическим представлениям о любви, я обижалась. Теперь я понимаю, в чём было дело. Народная поговорка говорит: суженого конём не объедешь. В прежние времена считали: «Браки совершаются на небесах». «Но ведь бывают случайности», — думают многие.

О. Александр Мень говорил: рождение, брак и смерть — три момента несомненного, хотя непонятного для нас действия Промысла Божия в нашей жизни. Он не признавал такого рода случайностей, «всё приходит, как определённого рода задание».*

«Случай есть мощное и мгновенное орудие Провидения», — писал Пушкин. Ещё мнеыф говорили: ошибка. Бывают ошибки.

— Ошибка — это с человеческой точки зрения, — сказал о. Сергей, — у Бога другая точка зрения.

О промыслительном характере брака говорит гениальная пушкинская повесть — «Метель». Могла ли быть большая ошибка, чем та, когда легкомысленный офицер шутики ради встаёт под венец с неизвестной ему находящейся в полубоморочном состоянии девушкой? И мы знаем конец этой истории. По существу, Пушкин на протяжении одного рассказа показал действие во встрече двух людей

* О. Александр Мень. Письма к А.

Промысла Божьего, которого мы не можем видеть в нашей земной жизни, но увидим в Вечности.

Я жалела, что мы не сделали фотографий нашего венчания. Муж утешал меня:

— Твой образ на венчании запечатлен у меня глубоко в сердце.

На самом деле, никакие фото не могли бы передать того, что там происходило. Я помню: было ощущение разверстого над нами Неба, откуда на нас смотрят тысячи глаз... Тысячеокие серафимы. О. Георгий сказал:

— Вас теперь не двое, а трое, — имея в виду соединившего нас Бога. А через некоторое время, увидев нас с ним на службе. — Вы срослись...

Летом мы поехали в Лизьё. Стоим на коленях у раки св. Терезы в потоках благодати. Муж тихо говорит:

— Какое понимание, какая любовь!

О, маленькая Тереза, вспомни о нас! По улочкам Лизьё мы ходили тесно обнявшись, я старалась попадать в его шаг и мы шли, по моему выражению, «ножка в ножку», словно один человек о четырёх ногах.

Сведенборг пишет: супруги на Небесах пребывают в таком единении, что становятся не двумя ангелами, а одним.

Мы с ним могли бы стать одним ангелом. В Лизьё мы просили у Бога ребёнка.

На вечерне сестра Тамара молилась над нами, и мы падали навзничь, — нас подхватывали и бережно опускали на пол.

— Лежали рядом, как Ромео и Джульетта! — шутил А. Черняк.

После молитвы в базилике сёстры общины сказали в микрофон: через год три или четыре пары вернутся сюда с ребёнком. Через десять месяцев у нас родился сын.

Недавно одна прихожанка рассказала мне, как она рожала ребёнка в Германии, и во мне воскресли воспоминания о моём пребывании в московском роддоме с Мишей. Какая громадная разница! Там — всё внимание женщине, все для неё условия: хотите рожайте у шведской стенки,

хотите иначе, муж присутствует при родах и принимает ребёнка на руки. Если бы наши мужчины находились при родах, многие из них, возможно, иначе бы относились к своим жёнам.

Кажется, Солженицын сказал, что вся наша страна — это огромный концлагерь. Нет, нас не морили голодом, не избивали, но в духовном отношении этот роддом был, несомненно, концлагерем. Фабрикой по производству детей. Грубость персонала, жёсткость, лязгающие двери, казённые пелёнки в подарок роженицам и ни малейшего чувства таинства происходящего — рождения ребёнка. Если бы в больнице появился хоть один священник, атмосфера бы смягчилась, но священников туда не пускали.

Когда меня привезли на операционный стол (у меня было кесарево сечение) и меня охватил нервный озноб, я услышала презрительные реплики врачей в мой адрес. Затем мне едва не сломали нос, пытаясь вставить катетер, который был явно велик, и я кричала, умоляя их взять другой, поменьше. Самое ужасное, что всё это бездушие и жестокость переживал во мне мой ребёнок, ещё не родившийся на этот свет.

В реанимации меня ждало новое испытание: дежурный мужчина-врач, проходя мимо моей кровати, сделал боксёрский выпад кулаками в мою сторону, при этом я хваталась руками за свой перерезанный живот, пронзённая болевой судорогой. Я с ужасом следила за его приближением, не будучи в силах пошевелиться и находясь в положении беспомощной жертвы.

Ребёнка мне принесли через сутки. Помню, я со страхом заглянула в свёрнутый конверт, что там увижу? К моему изумлению, увидела необыкновенно красивое личико. Он спал. Выражение его лица было очень серьёзно и значительно, никогда больше не видела подобного выражения у младенцев. Муж приходил ко мне под окна каждый день, несмотря на стоявшую тогда страшную жару. Мне было неудобно перед соседками, к которым мужья приходили редко или не приходили вообще. Одна молодая

женщина озабоченно рассказывала нам после разговора по телефону со своим мужем какой-то восточной национальности:

— Он мне говорит: «не хочу девушка, хочу — мальшик!»

У неё родился второй ребёнок — девочка. И он к ней не приходил. Приходили родители с трёхлетним сыном. А роды были очень тяжёлые, едва не умерла. Помню единственный момент смягчения атмосферы в палате, когда рано утром приносили кормить младенцев — наступала полная тишина и в воздухе ощущалось словно трепетание невидимых крыльев. Когда меня с осложнением перевели в другое отделение, моей соседкой в смежной палате оказалась совсем молодая женщина лет двадцати. Она всё время плакала: ребёнок пошёл ножками, не успели подхватить, лежит в боксе в безнадежном состоянии.

— Мамочки, — рыдала она, — у меня молоко идёт, а ребёнка нет!

Врач, осматривающий меня, заметил моё удручённое состояние:

— Если вы уже сейчас такая поникшая, как же вы будете дальше поднимать ребёнка, зачем же вы взялись за этот гуж?

Сил у меня, действительно, уже не было. Помню, я совершенно безучастно, в каком-то оцепении слушала вдалеке плач наших детей, к которым никто не подходил. Из больницы я вышла в состоянии тяжёлой депрессии, которая с того момента уже меня не оставляла.

Брак в Евангелии

(Продолжение)

С давних пор человек ощущал неполноту своего существа, как только мужчины и только женщины. У некоторых народов, в африканских племенах, также в Греции, был обычай ритуальных переодеваний на празднествах — девушек в мужскую и юношей в женскую одежду, воспроизводивший таким образом в грубой и наивной форме идею андрогина, как образа первоначальной целостности. В искусстве к образу андрогина обращались писатели IX века. Оноре де Бальзак в своём фантастическом романе создал образ человека-андрогина, Серафиты, странного прекрасного существа, обладающего полнотой в самом себе («Серафита»). Для немецких романтиков, Фридриха Шлегеля, Франца фон Баадера андрогин был образом совершенного человека будущего, цель брака они видели в восстановлении его небесного ангельского образа*. Русские философы начала XX века В. Соловьёв и Н. Бердяев писали о необходимости преодоления в браке «трагического разрыва полов»** и восстановления

* Элиаде Мирча. Мефистофель и андрогин, или тайна целостности.

** Николай Бердяев. Метафизика пола и любви.

человека в его целостной индивидуальности. В. Соловьёв продолжал мысль Баадера о цели брака, как воссоздания в человеке его небесного образа. По его мысли:

«Истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих».*

Подобным образом о браке говорит митрополит Антоний Блюм:

«Это момент, когда восстанавливается насколько это возможно в пределах падшего мира та целостность всечеловека, о которой говорится в начале Книги Бытия». **

Близкую мысль высказывал за много веков блаженный Иероним в размышлении над посланием апостола Павла к Ефессянам, видя в муже душу, а в жене плоть: (*«так мужья любят своих жен, как свои тела»*):

«Да греют мужья жён и души тела так, чтобы жёны преобразовались в мужей и тела в души, и чтобы перестало различие полов. Но как у ангелов несть мужского пола и женского, так и мы, имеющие быть равными ангелам, уже отныне да начнём быть тем, чем обетовано нам быть на небесах». ***

Обратимся к Библии. *«И будут двое — единая плоть»*. Здесь мы стоим перед тайной. Плоть в Библии употребляется в значении не только тела, но всего человека, его души и духа. Так, о воплощении Сына Божьего говорится: *«И Слово стало плотью»*, имеется в виду, что Бог стал всецело человеком. Что же подразумевается под библейским выражением «единая плоть» — לְבַשׂר אֶחָד [лебасар эхат] по отношению к мужу и жене? То ли только, что в браке происходит их глубинное соединение, охватывающее все грани человеческого естества?

* Владимир Соловьёв. Смысл любви.

** Митрополит Антоний Сурожский.

О настоящем браке.

*** Послание св. апостола Павла к Ефессянам, истолкованное святителем Феофаном.

Б.И. Берман, исследователь и комментатор смыслов и значений библейских текстов, которые они имеют на языке первоисточника, полагает, что речь идёт о гораздо большем. По его мысли, «эдем» — עֵדֶן [эден] — область зачатия нового и высшего духовного существа на новом этапе творения. Высшая степень человеческого отношения к Богу, его прилепленность к Нему называется דְּבִקּוּת [двекут]. И, подобно этому, от этого же корня происходит דְּבִיעָה [двеча] — одно из самых высоких человеческих чувств, глубинное духовное чувство любви мужчины и женщины.

«И нам сказано, что, во-первых, соединение „иш“ и „иша“, мужа и жены должно происходить путём „двеча“, их глубинного соединения, и что, во-вторых, как только соединение это осуществится, они станут „плотью единой“, то есть новым, ими совместно порождённым существом, обладающим единой плотью. От „иш“ и „иша“ в состоянии „давак“ рождается (вернее, должна родиться) „единая плоть“, новое существо. Но это не „семя“, а „плод“, не воспроизводство по подобию, а рождение человеческого существа высшего порядка. Вот основное задание „иш“ и „иша“ в Эдене. Такова же главная цель и их создания и их пребывания в Саду», — пишет Б. И. Берман.*

Если принять эту точку зрения, повеление апостола Павла мужу любить жену, как своё тело, а жене слушаться мужа, является ступенью на пути к этому рождению. От мужчины и женщины в саду Эдема должно было родиться новое человеческое существо, какого ещё не было в мире.

По мысли христианского богослова С. Троицкого, «единая плоть» — это метафизическое единство, непостижимое нашим разумом, оно может быть соотнесено лишь

* Б.И. Берман. Библейские смыслы.

(Эта и другие ссылки приводятся из интернета, читатель может найти их электронный адрес по названию статьи)..

с таинством Св. Троицы, по образу которой сотворён человек.* На земле нам не дано постигнуть тайну «единой плоти». Существуют лишь догадки о ней, намёки, например, у мистика Сведенборга, который писал:

«Двое супругов на небесах называются не двумя ангелами, а одним, когда две личности соединяются в один дух».**

Или у о. Александра Меня:

«Те, которые здесь нашли друг друга, в будущей жизни сольются в ещё большем, невообразимом на земле единстве»***

Этой таинственной слиянности мужа и жены посвящены строки средневекового персидского поэта:

Разве я не говорил тебе, что я море?
А ты рыба — разве я не говорил тебе?
Разве я не говорил тебе — не ходи в эту пустыню?
Твоё чистое море — это я, разве я не говорил тебе?****

«Потому оставит человек отца и мать свою, прилепится к жене своей».

Глагол «прилепиться» на языке подлинника — «давак» — означает «уподобиться», «ассимилироваться» и даже «поглощаться». Смысл этих слов — в нерасторжимости единения мужчины и женщины.

Именно на них ссылается Иисус в своём ответе фарисеям (Мк. 10:7-9).

Св. Иоанн Златоуст писал, что если бы Бог хотел, чтобы мужчина оставлял жену и брал другую, то Он сотворил бы одного мужчину и много женщин.*****

* С.В. Троицкий. Христианская философия брака.

** Э. Сведенборг. О небесах, о мире духов и об аде.

*** О.А. Мень. О любви.

**** Джалаладдин Руми.

***** Св. Иоанн Златоуст. Беседы о браке. Полн.

собр. соч., т. 3, к. 1.

Но Он сотворил в раю одного мужчину и одну женщину, мужчину и женщину, *а не мужчину и женщин* (курсив мой — М.Р.).

Итак, цель брака — в таинственном единении мужчины и женщины, а не в деторождении, как думают многие. О размножении Библия говорит, как о законе, общем для всего живого, следуя которому, человек ничем не отличается от животных, в то время, как об установлении брака говорится особо, как о даре, данном только человеку, в главе, где нет речи о размножении (Быт. 2:21-24).

Теперь можно понять, что означают слова Христа «*так, что они уже не двое, но одна плоть*» и почему Он не разрешает мужу разводиться с женой — «*Итак, что Бог соединил, человек да не разлучает*» (Мк.10:9).

«Узреть плод трудов своей жизни, её конечный результат земному человеку не дано, — говорит Б. Берман. — Плод этот, этот результат и итог скрыт от нас в ином существовании».*

После грехопадения на земле мы не можем видеть рождения нового существа, «*единой плоти*», этот плод брака родится на Небе, но когда Христос говорит: «*так что их уже не двое, но единая плоть*», значит, это мистическое единство заложено в них изначально и зреет, подобно семени, брошенному в землю.

Бог соединяет двоих и начинает в них невидимую работу по вызреванию в них нового единого человеческого существа. Когда начинается этот процесс, в какой момент?

Это тайна. Нам сказано: не разлучаться мужу с женой. Но мы верим, что если даже на земле человек нарушит волю Божию, разорвёт созданный Им союз, Бог силён на Небе начать их восстановление, продолжить их путь в заданном Им на земле направлении. Мистическая составляющая брака неразрушима.

Рождение нового человеческого существа в Эдеме, единой плоти, должно было быть органичным и радостным

* Б.И. Берман. Библейские смыслы.

процессом, подобным тому, как распускается цветок и созревает плод, но после грехопадения, когда гармония внутри человека была нарушена и облик его исказился, восстановление каждого человека и пары вместе на земле стало делом трудным и часто мучительным.

«Счастливый брак» — говорят со стороны, не думая о том, что каждый брак таит «невидимые миру слёзы» и скорби.

Бог «назвал супругов единой плотью, — пишет Льюис. — Он не сказал: „счастливая супружеская пара“».*

Вовсе не земное счастье цель соединения двоих на земле, а работа их роста, становления и подготовки к будущему рождению на Небе «единой плоти».

Плод явится на Небе, а здесь только завязь, росточки. Бог предназначил нам быть здесь «некоторым начатком Его созданий» (Иак. 1:8).

«Мы теперь дети Божии, но ещё не открылось, что будем» (1 Иоанна 3:2).

* К. Льюис. Письма Баламута..

Мишенька

После рождения Миши я чувствовала себя плохо, и муж целиком взял ребёнка на себя. Нянчил его по ночам, пел ему песенки.

Его уволили из Пироговки: он поставил у себя в классе на столе Мишино фото и во время урока смотрел на него влюблёнными глазами. Я ревновала к нему Мишу.

— Он занял моё место, — жаловалась я о Георгию.

— Марина! Смешная! — говорил мне о. Георгий, — никто не может занять ничьего места.

О. Георгий признал его очаровательным.

Свекровь не могла на него наглядеться: «Мёдом тебя мазали, что ли...».

Все дети красивы, но в красоте Мишеньки было что-то ангельское.

— Божий ребёнок, — сказала сестра Тамара, увидев его, когда ему был год.

— Посланец, — говорил о нём муж, а когда тот начал капризничать, с разочарованием, — Нет, не посланец...

— Хорошее яблоко, — сказал Миша в два года, когда ему впервые дали грушу, — как папа!

Несколько лет изо дня в день папа рассказывал ему «многосерийную» сказку — про зайку. Начиналась она всегда одинаково: «Сидит зайка и пьёт чай...» Далее следовали всевозможные вариации.

Я тоже пробовала сочинять сказки, но они не могли конкурировать с папиной.

— Ну, папа, давай, — говорил Миша, блаженно ёрзая в постели в предвкушении сказки, — про зайку!

И так каждый вечер, изо дня в день... До Мишиной школы мы снимали зимнюю дачу в Заветах, а в июне переезжали на летнюю. Дача... Если бы стены этого дома, немые свидетели нашей десятилетней жизни, ожили и могли бы заговорить, они бы поведали о счастливых днях, месяцах, годах, проведённых там.

Это был наш дом. Мы жили там с Мишей и моей замечательной свекровью, которая нас обожала и обхаживала с утра до ночи, а муж приезжал к нам на выходные.

Дом, где Миша учился говорить. «Петерь», — говорил он вместо «теперь» и «что кое ты мне принёс?» — на папину «я кое-что тебе принёс». Где мы втроём ездили в храм Новой Деревни — вначале на автобусе, когда ещё не было маршрутки, — и куда Миша, золотоволосый херувим, вбегал, топая ножками, и говорил перед Причастием, лукаво улыбаясь: «Хочу кашки!»

Дом, где мы ставили ёлку на Рождество, а под ёлку — подарки, и Миша в рождественское утро выскакивал босыми ножками на пол из кровати и, заглянув под ёлку и увидев там подарки, торжественно кричал нам:

— Положил! — имея в виду, конечно, Санта Клауса.

Дом, где мы спали, гуляли, молились и любили друг друга. Где мы по пятницам ставили свечи, пели и танцевали — праздновали шабат.

— У нас сегодня шабат! — сообщал Миша соседям на улице, и те непонимающе таращили на него глаза.

Дом, где яблоневые деревья заглядывали из сада к нам в окна, а вдалеке меня приветствовала одинокая сосна. В выходные мы с Мишей встречали мужа на станции. Это были незабываемые встречи. Я помню Мишу с золотыми кудрями в голубом с розовым костюмчике. Едва завидев мужа, сходящего с поезда, Миша с восторженным воплем: «Папа!» — кубарем мчался ему навстречу.

Позже муж говорил мне, что это были самые счастливые минуты в его жизни. Вот, в храме Миша торжествующе плывёт к Причастию на плечах у папы.

— Счастливый ребёнок! — вздыхает рядом моя подруга.

Как-то летом он заболел на даче, и муж к нам примчался и наклонился над ним. Когда температура спала, глазки его прояснились и он блаженно прошептал:

— Папа... Я заболел.

— Да, мой дорогой, я знаю, всё будет хорошо.

Когда Миша подрос и пошёл в школу, мы с мужем стали приезжать в Заветы на выходные вдвоём. В воскресенье мы ездили в новодеревенский храм. Я хорошо помню эти осенние утра. Я выходила из дома первая и быстро шла, с наслаждением вдыхая благотворный загородный воздух. Непрерывно оглядывалась — идёт ли он? Наконец, он показывался издали в своей тёмно-синей шапочке, он шёл очень быстро, догоняя меня. И вот мы под руку радостно бежим вместе.

...Вечер. Муж сидит в кресле со своими английскими книжками, я играю на пианино — Шопена — там был старинный немецкий инструмент с чудесным певучим звуком. Я играю и спиной ощущаю его присутствие в комнате. Муж говорил мне, что всегда мечтал, чтобы его жена играла на фортепьяно, но не смел и думать, что она будет играть так, как я. Он любил мою игру.

— «Моя Шопеночка», — говорил он мне.

Наши дни на даче...

У Ахматовой есть строчка: «и сладка мне с тобою земля». Да, мне везде была сладка с ним земля, где бы мы ни были: в лесу, в поле, на море. А Господь дал нам побывать в прекрасных уголках земли. Вот мы на море-океане: Довиль, Трувиль, Лизьё. Утро, ласковое, ещё нежаркое солнце, запахи моря. Был отлив, море ещё где-то совсем далеко, его не видно, только мокрый блестящий песок говорит о том, что его недавно лизали волны, берег, на котором мы сидели, казался огромным, и по нему гуляли непонятно откуда взявшиеся сказочной красоты горделивые кони, водимые под уздцы такими

же горделивыми вожатыми. Мне казалось, эти сказочные кони пришли на берег оттуда, из морской туманной дали, и мы оба были в этой сказке и оба дивились им.

О, мой дорогой! Я больше никогда не поеду в Лизьё, где нас с тобой помнит морской берег в Девиль-Трувиле, помнят улочки, по которым мы ходили в обнимку, где нас помнит маленькая Тереза в Кармеле, у раки которой мы вместе преклоняли колени.

Я больше никогда не поеду в Заветы — там осталась моя жизнь. Помнишь, ты мне всегда приносил ёлку к Новому году, зная мою детскую к ней любовь, а один раз, когда ёлка показалась мне недостаточно пушистой, ты купил ещё одну, и у нас так и стояли две ёлки в разных комнатах. А помнишь, ну, конечно, ты помнишь наш любимый уголок в Подмосковье — Калинино, где мы облюбовали себе холм с высящимися на нём величавыми соснами, словно корабельными мачтами, под которым текла речка Гвоздянка.

Как мы были безмятежно счастливы тогда! Я наслаждалась крутизной холма, сбегая по нему к речке и вновь поднимаясь наверх, то и дело возвращаясь к тебе, собиравшему хворост для костра, — я так любила смотреть на тебя, занятого каким-либо делом, как красиво и умело ты всё делал своими чуткими тонкими руками музыканта. Нам было так хорошо, так упоительно на этом холме, что мы даже думали купить палатку, чтобы оставаться там вдвоём на выходные на ночь, но так и не купили...

А как мы с тобой жалели эти великолепные сосны, наши корабельные мачты, когда их стали вырубать какие-то варвары, мы пытались спасти их, ты повесил на одну из них записку с призывом пожалеть деревья: «Мы живые и тоже хотим жить!» — кажется, так ты написал.

Я никогда больше не пойду гулять на тот холм, где нас помнят сосны, земля и речка, вдоль которой мы бродили с тобой. Но я знаю, золотые дни нашего счастья, все до одного бережно хранятся у Тебя, Господи, в Твоей небесной сокровищнице, как золотой слиток, и когда мы придём к Тебе, Ты вернёшь их нам на Небе.

Кажется, Бердяев хотел, чтобы на Небе с ним непременно был его любимый кот. А я хочу, чтобы там были и те сосны, и холм, и речка, и морской берег в Трувиле, где мы сидели с тобой вдвоём, — чтобы всё было так же, как тогда. Чтобы зимой по вечерам я опять ждала на даче, когда стукнет входная дверь и радостно сбегала к тебе со второго этажа, вынимала из духовки готовый к твоему приходу картофельный пирог и выносила горячую сковороду на морозную снежную веранду, чтобы он остыл. Чтобы ты сидел за моей спиной с английскими книжками в кресле, а я играла Шопена.

Я знаю, мы найдём их вновь, эти островки земли, где мы были так безмятежно счастливы вдвоём. И мы опять будем сидеть на морском берегу, ожидая прилива, и будут гулять по берегу сказочные кони, и мы будем бродить с тобой по нашему любимому холму между соснами, и я буду ждать тебя по вечерам в нашем доме на даче, и это будет уже навсегда.

Наши концерты.

— Все наши с тобой походы на концерты — это мгновения непреходящей ценности, — сказал ты мне позже.

Я помню выступление Элисо Вирсаладзе — она играла концерт Шумана для фортепьяно с оркестром. С первой фразы фортепьяно у меня перехватило дыхание, а ты сказал мне потом, что у тебя подступили слёзы к глазам.

Ещё я помню нас с тобой на концерте Жени Кисина, мы пошли на него накануне отъезда в Испанию. Что он играл тогда? Кажется, «Мельник и ручей» Шуберта и много, много вещей на бис. Это было блаженство, которое испытывали мы оба. Соединение высочайшего пианизма, поэтичности и какой-то детской чистоты сердца. Он был всё тот же гениальный ребёнок, теперь уже юноша, который потряс меня когда-то в этом зале.

В антракте на одном из пролётов лестницы меня окликнул давний знакомый, моя первая несчастная любовь, и я, едва кивнув ему, гордо пробежала мимо, ведь меня в фойе ждал ты, мой любимый и дорогой!

Наше восприятие природы и искусства было единым. Помнишь, как ты вслед за мной увлёкся моим любимым Диккенсом и, читая его в оригинале, поражал меня некоторыми удивительными нюансами.

Так, например, давно, когда мы смотрели с тобой альбом Ван Гога, ты сразу безошибочно указал мне на картину, которая меня поразила. А в музее д'Орсе в Париже, им всегда завершались по моей просьбе наши посещения Лизьё, мы открыли для себя и полюбили тончайшего изумительного Сислея, и ты нашёл в Москве и подарил мне его альбом.

А один раз, помнишь, в Париже, когда мне захотелось пойти в церковь Sacre Coeur на мессу, а мы были уже с вещами и у нас их нигде не принимали, ты, не долго думая, решительно взвалил на себя чемоданы и стал быстро подниматься в гору, я едва успевала за тобой, а наверху мы были вознаграждены мессой, после которой на органе для нас звучал «космический» Мессиян...

Когда я смотрю на картину Шагала «Молодая пара у Эйфелевой башни», на его таких трогательно незащитных влюблённых, которых уносит большая хищная птица — время? — мне кажется, это мы с тобой, какими мы были тогда, давно, в Париже, счастливые и беззаботные, любящие и наивные, мы бродили по свету, ничего не зная о том, что ждёт нас впереди, «когда судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с бритвою в руке».

Однажды зимой я поехала на дачу одна, муж собирался приехать позже. У нашего дома меня остановила соседка и начала что-то сбивчиво мне говорить. Из её невнятных слов я поняла одно: случилась какая-то беда. Я повернула ключ в замке и застыла на пороге. В разбитое окно шёл холодный воздух, из лопнувших батарей на пол стекала чёрная жижа, в комнате ощущалась какая-то пустота. Не знаю, сколько я так простояла в оцепенении, когда рядом со мной оказался муж.

— Сняли телевизор и магнитофон, — процедил он сквозь зубы, и дальше, — чушь это всё собачья.

Я наконец с облегчением вздохнула, искажённый гримасой мир обрёл свои прежние очертания. Он правильно оценил ситуацию — никакой трагедии.

Но это было предвестие. Я не знала тогда, что через несколько лет вор унесёт всю мою жизнь. Говорят, что перед смертью за несколько минут перед человеком проходит вся его жизнь. В романе Диккенса мистер Доррит, выйдя из тюрьмы и разбогатев, изо всех сил пытается забыть своё прошлое, но в последние часы жизни он перестаёт ощущать реальность своего окружения и вновь видит себя в тюрьме, где провёл годы молодости.*

Душа возвращается к своим истокам. Может быть, по милости Божией в последние твои минуты, мой дорогой, от тебя отдалится и станет чуждой та жизнь, которую ты сейчас ведёшь, и ты увидишь мгновения нашей с тобой жизни, подаренные тебе судьбой: увидишь нас вдвоём с венцами на головах, стоящих перед о. Георгием, наш дом в Заветах с яблоневым садом и бегущего к тебе по платформе маленького Мишу, голубые купола новодеревенского храма и крест с головками ангелов на могиле о. Александра...

* Чарльз Диккенс. Крошка Доррит.

Мученики за святость брака

*Кто любит слово, тот его и знает,
Кто любит звук, тому он и звучит:
Как в алмазде луч, перляет и бряцает
Внезапным росчерком ирид.
И в светлом облаке звучанья
Его вознаградит сполна
Царей и царств напрасное мечтанье,
Возлюбленная тишина.*

О. Седакова

Мир всегда противился Божьему установлению о браке.

В самой Церкви шла по этому поводу ожесточённая борьба.

Императоры навязывали Церкви свои законы, сопротивляющиеся им пастыри подвергались гонениям и казням.

О первом мученике за чистоту брака нам говорит Евангелие: это был Иоанн Креститель.

Пророк обличал тетрарха Галилеи Ирода Антипу за его брак с женой своего брата Ирода Филиппа – Иродиадой.

Царица задумала погубить Иоанна и осуществила свой замысел на пиру в махеронском дворце, когда наученная матерью Саломея потребовала в награду за свой зажигательный танец принести ей на блюде голову Иоанна Крестителя.

«Так погиб „величайший из рождённых жёнами“ ...
Он умер, как жил, — несгибаемым свидетелем правды
Божией».*

Трагедия, подобная той, которая описана в Евангелии,
не раз повторялась в истории.

В жизнеописании византийского императора Константина, составленного св. Феодором Студитом, сказано, что в 795 году император насильно заставил свою супругу Марию принять монашество, чтобы обвенчаться со своей родственницей Феодотией. Св. патриарх Тарасий не одобрял незаконного поступка царя и не хотел благословить его новый брак. Но один из константинопольских священников Иосиф нарушил запрет патриарха и обвенчал императора с Феодотией. Узнав об этом преподобные Платон и Феодор отлучили императора от Церкви и послали об этом письма ко всем инокам. Император, сильно разгневавшись на святых мужей, приказал преподобного Феодора после жестоких мучений сослать на заточение в Солунь, а Платона заключить в темницу. Только после смерти Константина они вышли на волю.

Св. Феодор с негодованием пишет об императоре, который,

«презревши законы Божии, оставляет законно сочетавшуюся с ним жену и, подобно Ироду, совершает прелюбодеяние».

Он с возмущением отзываясь о раболепии византийского духовенства, одобрявшего развод правителя с законной женой. О Платоне он пишет:

«Наш игумен в то время, когда почти все сочувствуют беззаконию, один с чадами своими и учениками остаётся непреклонным, вследствие чего каких только испытаний он не перенёс в течении года? Его преследовали молва за молвой, угрозы за угрозами, наказание палками, ссылки, пытки... И кесарю содействовали

* О. Александр Мень. Сын Человеческий.

настоятели монастырей, имена коих я стыжусь называть... О безумие, или лучше — высокомерие, вооружающееся против истины!.. Служитель Христов перенёс бесчеловечную жестокость...»

Св. Феодор находит, что священник, повенчавший Константина и Феодотию, равно как и его покровители поступили «по-собачьи», а Константина, разведшегося с женой и женившегося на другой, он называет «двоеженцем». При этом св. Студит несколько раз цитирует известные тексты Евангелия, запрещающие развод. *

От Византии мы перейдём к истории русских царей. Макарий в своей летописи пишет о разводе великого князя Василия III Ивановича. Прожив со своей супругой Соломонией (Сабуровой) 20 лет и не имея в браке детей, князь решил развестись с Соломонией, (что было до того не видано на Руси) и вступить в новый брак с Еленой Глинской, чтобы иметь наследника. Против развода царя и его незаконного брака выступил митрополит Московский и Всея Руси Варлаам. За это в 1521 году он был смещён Василием III с чина митрополита (впервые в русской истории) и сослан в Каменный монастырь на Кубенском озере.

Василий III требовал от Церкви обосновать его решение и благословить его на поправление канонов. Слово было за митрополитом Даниилом, пришедшим на смену Варлааму. Митрополит не сразу решился благословить царя на откровенное беззаконие — насильственное пострижение и заточение в монастырь его ни в чём неповинной супруги и повторную женитьбу, которую с точки зрения канонов можно было квалифицировать только, как блуд.

Однако, отказать великому князю Даниил тоже не мог, поскольку он не хотел повторить судьбу своего предшественника. Надеясь выиграть время, он послал послов к восточным патриархам спросить их мнения на сей счёт

* О. Станислав Тышкевич. Нерасторжимость христианского брака.

и получить благословение на развод в случае положительного решения. Через год послы привезли отрицательный ответ патриархов и афонских старцев. Приговор монахов был: «не есть в правилех св. отцев браку сочетание второму, не повелеваем и мы и запрещаем».

По поводу этих отказов Даниил сказал великому князю: «не имей печали, Государь, возьмём сами на себя со всем собором разрешить тебе желаемое тобою».

В 1525 году Даниил разводит великого князя с Соломонией. Её насильственно постригают в московском Рождественском монастыре, несмотря на её слёзы и рыдания. Соломония отказывалась читать обеты и сбрасывала с себя и топтала монашеские одежды, тогда один боярин ударил государыню плетью.

«Соломония громко заявила при всех, что надевает куколь по принуждению и призвала Бога в мстители столь великой обиды, нанесённой ей».

Царицу сослали в Покровский монастырь в Суздале. Позднее её стали почитать там, как местно чтимую святую. Через два месяца после пострига Соломонии митрополит Даниил обвенчал великого князя с Еленой Глинской. На русское общество того времени это событие произвело крайне неблагоприятное впечатление.

Одна летопись прямо называет брак царя прелюбодеянным. Все вселенские патриархи осудили поступок князя, а иерусалимский патриарх Марк предсказал Василию Юанновичу рождение от этого брака наследника,

«от которого всё царство наполнится ужаса и печали, кровь польётся рекою, города запылают...»*

И родился нам царь Иван Грозный. Князь Василий умер через четыре года после рождения первенца Ивана. После его смерти Елена осуществила государственный переворот, отстранила боярскую думу от правления и стала полновластной правительницей. Она правила пять лет,

* О. Станислав Тышкевич. Там же.

не пользуясь симпатиями ни у бояр, ни у народа. Умерла в 1538 году в возрасте тридцати лет, по свидетельству Герберштгейна, была отравлена.

За выступление против развода и второго брака князя был казнён в 1525 году дипломат и государственный деятель Иван Берсень — Беклемишев. (Его именем названа в Москве Берсеневская набережная). Был обвинён в ереси, отлучён от причастия и заточён в Иосифо-Волоцкий монастырь преподобный Максим Грек. Вместе с ним по этому делу пострадали Троицкий игумен Паисий и инок Вассиан Косой, бывший князь Патрикеев.

В первый раз царь Пётр I женился на Евдокии Лопухиной в 1689 году. В дальнейшем Пётр, сделав своей любовницей Анну Монс, задумал избавиться от Евдокии. Он требовал от неё пострига. Царица попросила о заступничестве патриарха Адриана, и тот заступился за царицу. Пётр пришёл в ярость, накричал на него, сказав, чтобы тот не совал нос не в своё дело. После этого столкновения Пётр устранил Адриана от участия в государственных делах, несмотря на существующий тогда обычай согласования царских решений с патриархом. С этого времени царь начал вмешиваться в церковные дела, совершенно игнорируя патриарха. Царицу насильно постригли в Покровском женском монастыре, ей было тогда 29 лет. Она кричала и плакала, но никому не было до неё дела.

Народ сложил о брошенной царице песню, за которую певцам резали язык на эшафоте:

Возле милого сижу
млада,
меня милый друг журит,
бранит,
и журит, бранит,
в монастырь идти велит...

Дальше странники спрашивают молодую монахиню, как она оказалась в монастыре.

– Я пострижена самим царём,
Я посхимлена Петром Первым
Через его змею лютую.*

(Все понимали – это Анна Монс).

В 1703 году Пётр встретил Катерину, в девичестве Марту Скавронскую, захваченную русскими войсками, как военную добычу при взятии шведской крепости Мариенбург и сделал её своей любовницей. В 1712 году Пётр обвенчался с Екатериной, в 1724 короновал её, как императрицу. После смерти Петра в 1725 году по приказу Екатерины Евдокию перевели в шлиссербургскую крепость, где поместили в камеру с крысами и клопами. Екатерина очень боялась, что законная русская царица может предъявить свои требования на престол. Поэтому она мечтала в тюрьме уморить Евдокию. Но сама умерла раньше. Внук Евдокии Петр Второй вызволил её из крепости и привёз в столицу, где она свою старость провела в уважении и почёте.*

* Википедия. Лопухина Евдокия Фёдоровна.

Брак в Евангелии

(Продолжение)

В браке всегда есть три лица: мужа, жены и соединяющего их Бога. Об участии Бога и благодати Божьей в браке много раз говорится в Священном Писании. Книга Бытия рассказывает о том, что Бог приводит Еву к Адаму (Быт. 2:21-24).

«Я был свидетелем между тобой и женой юности твоей», — говорит Бог устами пророка Малахии (Мал. 2:14).

Авва Фалассий пишет:

«Одна любовь соединяет создания с Богом и друг с другом».*

Любовь Адама и Евы друг к другу подобна их любви к Богу. Являясь истоком всякой любви, Бог с особой силой проявляет Себя в любви мужчины и женщины, которая изначально была задумана как троичная.

Итак, первым мистическим подобием Св. Троицы является брак между мужчиной и женщиной. Можно сказать, что брак — это икона Святой Троицы. Единение мужа и жены подобно таинственному единению Лиц Святой Троицы.

Иисус молился: «Да будут в Нас едино», — муж и жена должны быть едины друг с другом и едины в Боге.

* Русская история. Любовь.

По мысли Владимира Соловьёва, любящий, соединяющийся с любимой, становится человеком – (андрогином), созданным Богом, и в браке совершается восстановление его Божественного образа. Брак

«есть самая важная форма единения с Богом, единственный теозис (обожение), который человек может пережить в этом мире».*

Брак – апофеоз творения. Установив его, Бог глубоко внедрил в саму природу человека тайну Своей Троичности.

«Бог, чтобы показать таинства единства Божия, – пишет св. Феофил Антиохийский, – вместе сотворил жену и Адама для того, чтобы между ними была большая любовь».**

Подобную мысль находим у св. Иоанна Златоуста: муж и жена в браке не являются образом чего-то неодушевлённого или чего-то земного, но образом самого Бога. Продолжая его мысль, О. Александр Мень говорит о главной цели брака, как о таинственном единении мужа и жены.

Также С. Троицкий пишет о главной и последней цели брака, как достижения высшего бытия, богоподобия, этой целью не являются дети или что-либо, стоящее вне самого брака.***

На земле мы не можем видеть этого, но можем положить начало, основание лестницы, ступени которой ведут на Небо. Из всего этого следует, что брак по природе своей моногамен, нерасторжим и вечен. Развод оскорбляет Бога, который является главой брачного союза, созданного по любви. Писание ясно и чётко заявляет, что Бог ненавидит развод. Он говорит об этом устами пророка Малахии:

«Я ненавижу развод... и тех, кто прикрывает свою одежду неправдой... Поэтому наблюдай за духом твоим, чтобы не поступать тебе с хитростью» (Мал. 2:16).

* Свящ. Патрик Рансон. Теории Владимира Соловьёва.

** Борисовское благочиние. О семейном союзе.

*** С.В. Троицкий. Христианская философия брака.

Брак должен быть свят. Мы молимся на Литургии: *«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».*

Святой Фаустине в мистическом видении Бог показал Святую Троицу, из которой изливался поток любви и счастья на всё творение. Любя друг друга по образу Святой Троицы, мы вступаем в круг вечной любви Божией, соединяемся с самим источником жизни. Человеку, отвернувшемуся от любви Божией, грозит опасность потерять всякую радость и смысл жизни. Каждый человек, сознаёт он это или нет, либо идёт за Христом, либо борется с Ним.

«Се лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле» (Лк. 2:34). Христос дан нам для восстания или для падения, среднего пути нет. *«В Божьей истине нет места теории относительности».**

В. Кузнецова пишет, что «в яростной схватке, которую ведёт Сын Божий с сатаной, для Его учеников не может быть компромисса». По её мысли, христиане, которые не идут последовательно за Христом, более бесполезны для Него, чем люди неверующие. Но если мы решаемся идти за Христом, чего бы это нам ни стоило, на нас изливаются силы, помогающие нам совершить этот подвиг.

Брак — вечен. Союз мужа и жены — это вечный союз двух вечно живущих личностей. Смерть не может разорвать созданного Богом единства. В греческом мифе Орфей спускается за своей умершей женой Эвридикой в царство мёртвых. Его любовь преодолевает преграду, отделяющую живых от царства теней, царства Аида. *«Крепка, как смерть любовь»*, — читаем мы в Песни Песней. Любовь начинается на земле и продолжается в Вечности. *«И стебли объятий перерастают нас, свою почву»*, — писал Рильке.

Когда Спаситель отвечает саддукеям на их искусительный вопрос, чьей женой будет по воскресении жена, которою имели семь братьев, Он говорит: *«В воскресении ни женятся ни замуж не выходят, но пребывают, как Ангелы Божии на*

*Назидание для народа Божьего. 275 мудрых мыслей.

небесах» (Мф. 22:30). Иисус говорит здесь о том, что не будет брака, целью которого является деторождение, не будет плотских отношений. Толкователь Нового Завета Феодорит, архиепископ Болгарский так комментирует это место:

«Спаситель показывает, что воскресение будет, и то оно будет не такое грубо плотское, как они представляли, а возвышенно и духовно... Из этих слов ясно видно, что благочестивые и любящие друг друга супруги в Царстве Небесном окажутся вместе, что хранить вдове (или вдовцу) верность умершему супругу — добродетель, что в Царстве Христовом их любовь друг к другу нисколько не исчезнет... из их отношений исчезнут лишь греховные страсти и плотское соитие, которое будет тогда уже не нужным, ввиду того, что люди сподобятся лучшего и более блаженного состояния».

О. Александр Шмеман пишет о том, что супружеские обеты в чине венчания даются, «пока смерть и переход в вечность не соединят их навеки».* Венчальное кольцо — символ вечности, так же как и хождение вокруг аналоя при венчании. Круг — символ вечности. Христианский брак есть не только радость, но и подвиг. В нём есть и трагическая сторона. Апостол Павел призывает мужей так любить своих жён, как Христос возлюбил церковь и «предал себя за неё» (Еф. 5:25).

Иоанн Златоуст в своих толкованиях на эти слова апостола Павла пишет, что муж не должен останавливаться ни перед каким мучением и даже перед смертью, если это нужно для блага жены. «Я считаю тебя драгоценнее души своей», — говорит муж жене у Златоуста. Призыв апостола Павла носить бремена друг друга относится прежде всего к браку, где каждый из супругов берёт на себя крест другого. Идя за Христом, они неизбежно проходят путь страданий. Христианская любовь — любовь крестная. Поэтому в чин венчания входит песнь «Святые мученицы», и венцы, надеваемые на мужа и жену, есть венцы не только царские, но и мученические.

* Протоиерей Александр Шмеман. За жизнь мира.

Немного об искусстве

Для Бетховена прекрасное и доброе слиты воедино. В своей разговорной тетради композитор записал знаменитое изречение Канта:

«Звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас».

Всю жизнь Бетховен стремился к нравственному совершенствованию. Занимаясь воспитанием племянника Карла, он хотел, чтобы духовное лицо наставляло юношу христианскому долгу,

«ибо только на этой основе, — считал он, — можно воспитывать настоящих людей». «Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты, — пишет он братьям. — Сердце — вот истинный рычаг всего великого. Растите детей ваших в добродетели, только она одна может дать счастье, а совсем не деньги».

Вот один случай из жизни Бетховена. Когда муж пианистки Марии Биго, с которой дружил Бетховен, заподозрил, что композитор питает к его жене чувство, более нежное, чем дружба и неосторожно высказал это, Бетховен был глубоко взволнован и написал супругам следующее письмо:

«С детских лет я научился любить добродетель — и всё, что прекрасно и возвышенно... Одно из главнейших моих

правил — никогда не вступать ни в какие отношения, кроме дружеских с женщиной, имеющей супруга. Не хотелось бы мне, чтобы вследствие каких-либо иных отношений грудь мою стало всечасно теснить недоверие к той, которая когда-нибудь, я думаю разделит и мою судьбу... Милый Биго, милая Мария! Никогда, никогда вы не увидите меня нечестным. Вы сделали очень больно моему сердцу».

Зная Бетховена, можно понять, что он осуждал моцартовского «Дон Жуана», считая безнравственным писать музыку на такой сюжет. Но «Дон Жуан» — опера не простая. Партия Дон Жуана прекрасна и обольстительна, она брызжет весельем и жизнерадостностью. Но когда приходит Командор, разверзается бездна. Тут уже не до шуток, не до арий с шампанским. Восходящие и нисходящие пассажи в оркестре — словно поднимающиеся волны ужаса.

(«Надо трепетать перед Моим законом», — говорит Христос м-м Босси.)

Вот его рука уже в руке Командора, он уже ощущает мертвящее дыхание смерти. Вступает неумолимый хор дьяволов, в оркестре вырываются, словно из-под земли, языки пламени, вся сцена — в огне.

«Кайся!» — в последний раз звучит призыв Командора к грешнику. — «Нет!» — «Да, да!» — умоляет Лепорелло — «Нет!» Со страшным воплем Дон Жуан проваливается в ад.

«Музыка „Дон Жуана“ озаряет наш удел таким чистым и таким жёстким светом, — пишет о постановке оперы Ф. Мориак, — что, когда по окончании спектакля в Зальцбурге публика расходилась, мне подумалось, что многие ощутили страх перед Господом впервые в жизни... Музыка Моцарта ...придаёт этой странной опере-буфф... метафизический смысл, ведь речь идёт не более, не менее как о битве вольнодумца против Бога... Дон Жуан — тот самый распутник, который видит собственными глазами, осязает собственными руками сверхъестественное — и всё же предпочитает своё распутство».

Моцарту, как и Данте в «Божественной комедии» было открыто мистическое видение потустороннего мира. Если вы сомневаетесь в существовании ада, послушайте финальную сцену «Дон Жуана» или «Dies irae» из его Реквиема.

Эпитет «божественная» был присвоен «Комедии» Данте уже в XVII веке восхищёнными потомками, во-первых, вследствие её содержания, во-вторых, как признание её высочайшего совершенства. Петрарка о «Божественной комедии» говорил так: «Это не Данте, а Святого Духа творение».

Данте не первый из поэтов, кто писал об аде, чистилище и рае, но не было ещё никого, кто так художественно совершенно, так потрясающе образно описал мир, откуда никому из смертных нет возврата. Образы Данте столь поразительно рельефны, что современники думали, будто он действительно побывал в преисподней. Души, предававшие себя в земной жизни плотским вожделениям, Данте помещает во втором кругу ада, где они, вечно носимые и терзаемые адскими вихрями, не знают ни отдыха, ни покоя.

И вот я начал различать неясный
И дальний стон; вот я пришёл туда,
Где плач в меня ударил многогласный.
Я там, где свет немотствует всегда
И словно воет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.

Очень много в вопросах брака навредила литература XIX–XX века и кино. Не просвещённые благодатью талантливые писатели и кинорежиссёры создавали произведения, воспевающие страсть и супружескую измену. В этом культе страсти, несомненно, видны происки сатаны.

Взять, например, «Даму с собачкой» Чехова, от которой у меня всегда оставалось впечатление непроглядной тоски. Что там, в сущности, происходит? Двое потерян-

ных, не нашедших смысла жизни, не знающих Бога человека цепляются друг за друга, в поисках спасения от своей пустоты. Но что они могут друг другу дать, когда они не нашли главного?

«Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15). В моём поколении было повальное увлечение «Сагой о Форсайтах» Голсуорси. Да ещё фильм английский показали с талантливыми актёрами – все бросались к телевизорам. Все жалели бедную Ирен, которая разрушила жизнь своего мужа Сомса, заведя себе любовника, и одновременно разбила жизнь Джун, похитив у неё жениха. Бедная Ирен! Ей было так плохо с Сомсом. А то, что она загубила две другие жизни – это ничего, это можно – страсть оправдывает всё. Она ведь так любила Боссини-любовника, а Сомса не любила. Всё же Голсуорси интуицией художника почувствовал правду жизни – любовник Ирен погибает под omnibusом.

«В жизни существует нравственный миропорядок, – говорил о. Александр Мень, – нельзя бросить вверх камень, чтобы он не упал тебе на голову».

Ещё большую сенсацию произвёл роман «Мастер и Маргарита» Булгакова. К духовной пище доступа тогда не было, и все жадно бросились на мистику. В описании заманчиво прекрасной любви героев романа можно не заметить одну маленькую деталь: у Мастера была жена, говоря о ней, он с трудом вспоминает её имя и при этом щёлкает пальцами: как её там... А у Маргариты был муж, который, как сказано, её обожал. Она оставляет ему записку: «Я стала ведьмой, забудь меня как можно скорей!» – и улетает в окно.

Вот уж, поистине, бесовский поступок! (Представляю, как восстанут на меня поклонники Булгакова!) И больше о них в романе – ни слова. Что с ними случилось, куда они девались, не всё ли равно? У самого Булгакова было три жены, а образ Маргариты он создавал, влюблённый ещё в какую-то очередную замужнюю даму. Мне будут с возмущением говорить: идеал, вдохновение; художнику позволено!

Нет, не позволено. Никому не позволено причинять зло ни одному из малых сих, ни одной душе, в которой живёт Христос. Он сказал: «Что сделаете одному из малых сих...».

А скольким людям свернул мозги этот роман, сколько семей разрушил? Сколько мужчин, забыв своих жён, пустились на поиски сомнительной незнакомки с жёлтыми цветами в руках, сколько женщин приняли какого-нибудь шаромыжника или психопата за своего Мастера? Подумать страшно.

О. Александр Мень на лекции как-то рассказал анекдот. Ведьма варит в котле двух грешников — писателя и ещё кого-то. Писатель спрашивает её: почему его ты варила пять минут, а меня держишь тут уже целую вечность? А ведьма ему отвечает: потому что про его убийство уже все забыли, а то, что ты понаписал в своих книгах, будет убивать души многих и многих людей бесчисленных поколений.

А всё-таки гениален не Булгаков, а Пушкин со своей бессмертной Татьяной. «Я вас люблю (к чему лукавить?), но я другому отдана и буду век ему верна».

Да, Татьяна любит Онегина, но Бога она любит больше и никогда не изменит Ему. Таинство брака свершилось, и она не может преступить через это.

«Счастье не только в наслаждениях любви, но и в сознании выполненного долга, то есть человек должен быть самим собой, не потерять себя...», — пишет Иван Лупандин в размышлениях о З. Фрейде.

В этой верности Богу и мужу заключены красота и цельность облика пушкинской Татьяны. Её нравственная высота и целомудрие недоступны пониманию многих современных читателей, и особенно, молодых людей.

«Успокойтесь, Матильда Романовна, — написал моей маме, учительнице старших классов в сочинении о романе Пушкина её ученик, — это в романе она ему отказала, а в жизни не так, Татьяна с Онегиным сойдутся, снимут себе где-нибудь квартиру...»

Каков был идеал женщины для Пушкина? Кто это — «чистейшей прелести, чистейший образец»? Пушкин сам

отвечает на этот вопрос, он говорит: «Мадонна». Идеалом была Богоматерь – Пречистая и Преподобная.

Левин в романе Толстого полюбил Кити за детскую чистоту и правдивость её взгляда, в котором высказывалась вся её душа. А каков идеал женщины сейчас? Что нам навязывают в кино, по телевидению? Что демонстрирует американская кинозвезда Джулия Робертс в своих героинях: ноги, бюст и губы. Посмотрев фрагмент фильма «Близость» с ней в главной роли, я чувствовала себя так, словно выкупалась в помойной яме. Вы уж простите меня за такое сравнение. Нам навязывают, несомненно, эталоны публичного дома. И я не могу убедить Мишу, что не стоит знакомиться с красоткой, которая публикует свои параметры (талия, бедра, ноги) на каком-то подиуме в интернете.

Говорят ли сейчас на уроках литературы о том, что героини Тургенева и Толстого, Ася и Наташа Ростова были некрасивы в обычном смысле слова, про Асю герой говорит: «Душа её мне нравилась». И никто, конечно, не вспоминает Островского: «Для девушки всего дороже скромность, стыдливая оглядка у девицы» («Снегурочка»).

Никто так гениально не написал о супружеской неверности и её духовных и нравственных последствиях, как Лев Толстой в «Анне Карениной», этот нравственный барометр общества, воплощённый голос совести в разлагающемся мире. Анна не любит своего мужа и любит Вронского. Толстой, хорошо знающий Библию, читавший в ней, что заповедь «не прелюбодействуй» стоит рядом с заповедью «не убий», поразительно правдиво описал сцену преступного свидания героев, переживаемые ими чувства: Анна испытывает жгучий стыд, Вронский чувствует себя убийцей.

«Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело... И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело и тащит и режет его, так и он покрывал поцелуями её лицо и плечи... Стыд перед духовною наготою давил её и сообщался ему».

В советском литературоведении было принято считать, что Анна погибла из-за того, что её с Вронским не приняло светское общество. Это неверно. Анна потерпела поражение во внутреннем плане. Она нарушила Божью заповедь, преступила через страдание своего мужа и сына.

Мудрая народная поговорка гласит: на чужом несчастье счастья не построишь. Страсть из её отношений с Вронским ушла, а Бога в их отношениях не было.

О. Георгий говорил: заповеди Декалога сформулированы на краю обрыва, это — минимум, преступающий их летит в пропасть.

Нарушив свои отношения с Богом, Анна потеряла точку опоры. Не помогло ни рождение ребёнка, которого она не смогла полюбить, ни путешествия, ни большое поместье, ни новые постройки, ни благотворительная деятельность. Бедная, обременённая детьми, терпящая измену мужа, Долли, приехав в роскошное поместье Анны, скоро чувствует фальшь и ненатуральность этой семьи и торопится скорей вернуться домой. Все усилия Анны создать видимость естественной жизни напрасны. В результате — полный крах, самоубийство.

Брак в Евангелии

(Продолжение)

Брак был сотворён Богом в раю, он напоминает о Царстве Божием на земле. Иисус пришёл, чтобы соединить нас с Небом, *«приблизилось Царство Небесное (Мф. 10:7)»*.

О. Александр Мень говорит, что Иисус дал новый мощный импульс для развития человечества:

«Новый Завет — это новое творение».*

Недаром, Евангелие от Иоанна возвращает к началу творения: *«Вначале было Слово...»*.

Иисус восстанавливает образ человека, как Божьего подобия, в его таинственном единстве мужчины и женщины.

Иудеям, у которых развод был обычным явлением, Господь говорит о нерасторжимости брака.

Как пишет о. Георгий Чистяков, повторы изречений в Евангелии указывают на их особо важное значение. Иисус говорит о нерасторжимости брака *пять раз в трёх Евангелиях* (курсив мой — М.Р.).

Приведём высказывание Иисуса в Евангелие от Марка:

* О. Александр Мень. Два Завета.

«Подошли фарисеи и спросили, искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою?

Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей?

Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться.

Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь;

В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их.

Посему оставит человек отца своего и мать

И прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть.

Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. (Мк. 10:2-9).

В доме ученики Его опять спросили Его о том же.

Он сказал им: кто разводится с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от неё;

И если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует (Мк. 10:10).

Ученики вторично спрашивают Иисуса о Его отношении к разводу, хотя только что слышали Его ответ фарисеям. Истина слов Христа не вмещается в них — так же как и в нас. На вопрос фарисеев Господь отвечает, что брак — Божье творение.

«Что Бог соединил». Это Его владение, Его замысел, да не вмещивается человек в дело Господне. Муж и жена в браке становятся «единой плотью», «одним существом» (как сказано в новом переводе Библии), потому их нельзя разлучать.

Св. Иоанн Златоуст говорит, что разлучать мужа и жену противно как природе, так и благодати. Природе, потому что рассекается одна плоть, благодати, потому что муж и жена соединены Господом. Само сотворение жены и повеление Господа стать им единой плотью указывает на неразрывность их союза.*

* Ю. Максимов. Святые отцы о семейных обязанностях.

«Легче отделить голову от тела, чем мужа от жены», — сказал св. Франциск Сальский.*

Иисус также отвечает ученикам на незаданный ими вопрос (но подразумеваемый, ведь разводятся для того, чтобы вступить в новый брак) о браке после развода.

Господь категорически отвергает его. Он называет такой брак прелюбодеянием, потому что в глазах Бога, существует лишь один брак, Им созданный, всё остальное — лукавые измышления человеческие.

«Мужчина, разведшийся с женой и взявший другую, совершает грех, запрещённый в Декалоге, он совершает измену».**

Возникает вопрос, а как же относиться к повторным бракам при живых супругах в православной церкви?

О. Александр говорит:

«Если постановления Церкви расходятся с Евангелием, они автоматически теряют силу, становятся внутренне безблагодатными».***

* Св. Франциск Сальский. Руководство к благочестивой жизни.

** В.Н. Кузнецова. Комментарии к Евангелию от Матфея.

*** О. Александр Мень. Домашние беседы. Власть Церкви.

Немного об искусстве

(Продолжение)

В России XVIII века развестись с мужем или женой и вступить в новый брак — было делом из ряда вон выходящим.

«Одним из нововведений послепетровской действительности был развод, — пишет Ю. Лотман, — это вступало в противоречие, как с обычаем, так и с церковной традицией... Строгий судья своего времени, князь М.М. Щербатов сообщает нам такой эпизод: „Достоинно удивления, что при набожной Государыне, касательно до нравов, во многом божественному закону противуборствия были учинены. Сие есть в рассуждении хранения святости брака, таинства по исповеданию нашей веры. ...Мы можем положить сие время началом, в которое жёны начали покидать своих мужей“».*

Далее он пишет про первый развод и прелюбодейный брак, не скрывая своего чувства удивления и ужаса:

«Иван Бутурлин имел жену Анну Семёнову, с ней слюбился Степан Фёдорович Ушаков, и она, отошед от мужа своего,

* Ю.М. Лотман. Сватовство, брак, развод.

вышла за своего любовника, и публично содеяв любодейственный и противный церкви сей брак, жили».*

И в XIX веке разрушить брак было непросто. Во всяком случае, для верующего человека это было невозможно. Лиза в романе Тургенева, глубоко верующая, чистая девушка, узнав, что жива жена Лаврецкого, которого она полюбила, немедленно прерывает с ним все отношения, и он сам понимает, что их любви пришёл конец.

У тех людей ещё был жив страх Божий. Героиня романа Шарлотты Бронте гувернантка Джейн Эйр и её хозяин граф Рочестер полюбили друг друга, он сделал ей предложение. На венчании свидетель заявил, что обряд не может быть совершён, потому что у графа есть жена.

Тогда Рочестер тащит за руку Джейн в верхние покои дома и показывает ей содержащуюся там под надзором буйную сумасшедшую — его жену. Он умоляет Джейн бежать с ним за границу, где их никто не знает, и стать его любовницей. Она запирается в комнате, молится и слышит внутренний голос: беги немедленно. И Джейн убегает, без денег, одна, скитается в далёкой деревне, нищенствует, едва не погибает с голоду... Если бы она согласилась на предложение графа, не было бы героини, такой юной, но с глубокой и непоколебимой верой и преданностью Богу. Она готова скорее умереть, чем нарушить Божью заповедь.**

В Англии XIX века почитали святость брака. Женщина, вступившая в близкие отношения с мужчиной вне брака считалась падшей. В юности, читая «Дэвида Копперфилда» Диккенса, я не могла понять того отчаяния, той глубокой скорби, которые охватывают героев романа — Дэвида, дядю Эмили — мистера Пегготи и её жениха Хэма при известии, что Эмили сбежала со Стирфортом. Сейчас я это понимаю.

« — Эмили убежала! О мистер Дэви, подумайте, как она убежала, если я молю сейчас милосердного Бога

* Там же.

** Ш. Бронте. Джейн Эйр.

убить её (а она мне дороже всего на свете), только не дать ей дойти до бесчестия и гибели! ...Помню громкий стон и крик... и вот мы все стоим в комнате.

У меня в руках записка, которую дал мне Хэм. А у мистера Пегготи расстёгнут жилет, волосы взъерошены, лицо и губы совсем белые, и кровь тоненькой струйкой стекает по его груди (вероятно она брызнула у него изо рта): он пристально смотрит на меня.

— Читайте, сэр, — тихим, дрожащим голосом сказал он...»

Герои романа Диккенса, с которыми дружит Дэвид, — простые люди, рыбаки, как те которых призвал Иисус, и они чтят закон Божий, который у них в крови.

К повторным бракам Диккенс относился с большим скепсисом. В романе «Холодный дом» он пишет с большим юмором и издёвкой о некоей миссис Беджер, которая трижды выходила замуж, (первые два мужа умерли, а последний гордится своими предшественниками):

«— Вы, наверное, не подозреваете, что я у миссис Бейхем Беджер третий муж!

— В самом деле? — промолвил мистер Джандрис.

— Третий! — повторил мистер Беджер.

— Не правда ли, мисс Саммерсон, миссис Беджер не похожа на даму, у которой уже было двое мужей?

— Нисколько, — согласилась я.

— И оба в высшей степени замечательные люди! — проговорил мистер Беджер конфиденциальным тоном. — Первый муж миссис Беджер — капитан Соуссер, моряк королевского флота, был выдающимся офицером. Профессор Динго, мой ближайший предшественник, прославился на всю Европу... Итак, миссис Беджер выходила замуж трижды, причём двое из её мужей были в высшей степени выдающимися людьми, — проговорил мистер Беджер, суммируя факты, — и каждый раз она венчалась двадцать первого марта, в одиннадцать часов утра!

Мы все выразили восхищение этим обстоятельством.

— Я уже успела полюбить этот день, — сообщила миссис Беджер».

Диккенс — певец домашнего очага.

Незабываемые образы супружеской пары — мистер и миссис Микобер в романе «Дэвид Копперфилд». Мистер Микобер, повсюду в долгах, попадающий во всевозможные бедствия, даже в долговую тюрьму, каким-то непостижимым образом из них выплывает и, переходя от отчаяния к надежде, мечтает о пристройке дому окна-фонаря, повторяя свою любимую фразу: «если счастье улыбнётся», в то время как миссис Микобер, окружённая своими многочисленными детьми и грудными близнецами, «которые всегда подкреплялись», по замечанию Дэвида, неизменно восклицает во всех обстоятельствах: «Я никогда не покину мистера Микобера!», являя образец супружеской преданности и верности. Они очень трогательны, и описывая их, под мягким юмором Диккенс скрывает свою нежность к ним и обожание.

Лев Толстой считал развод непозволительным по Евангелию, а брак после развода — развратом. В «Войне и мире» он с ядовитой иронией говорит о прекрасной жене Пьера — Элен: собираясь выйти замуж при живом муже, она сумела так заморочить голову светскому обществу, что оно заговорило не о том, что Элен хочет развестись, а о том, за кого Элен выйдет замуж, за вельможу или за принца.

«По Петербургу мгновенно распространился слух не о том, что Элен хочет развестись со своим мужем (если бы распространился этот слух, очень многие восстали бы против такого незаконного намерения), но прямо распространился слух о том, что несчастная интересная Элен находится в недоумении о том, за кого из двух ей выйти замуж».

«— Послушайте, Билибин (особую остроту этому диалогу придаёт французский язык): скажите мне, как вы бы сказали сестре, что мне делать? Которого из двух?»

.....
— Вот истинный друг!.. — Но ведь я люблю того и другого и не хотела бы огорчать никого. Для счастья обоих готова пожертвовать жизнью, — сказала она.

Билибин пожал плечами, выражая, что такому горю даже и он пособить уже не может.

„Молодец — женщина! Вот что называется твёрдо поставить вопрос. Она хотела бы быть женою всех троих в одно и то же время“, — подумал Билибин».

Чтобы совершить развод, Элен задумала перейти в католичество. С ней беседует католик — аббат, над ней совершают различные церемонии, находя во всём этом удовольствие, как пишет Толстой, Элен не упускает своей цели и «как всегда бывает, в деле хитрости глупый человек проводит более умных».

«— Но я думаю, — сказала вдруг соскучившаяся Элен с своей обворожительной улыбкой, — что я, вступив в истинную религию, не могу быть связана тем, что наложила на меня ложная религия.

Блюстителю совести был изумлён этим постановленным перед ним с такою простотою Колумбовым яйцом».

Только один человек в романе называет своими словами Элен и её поступок (и за этим человеком стоит сам Толстой).

«Одна только Марья Дмитриевна Ахросимова позволила себе прямо выразить своё, противное обществу, мнение. Встретив Элен на бале, Марья Дмитриевна остановила её посреди залы и при общем молчании своим грубым голосом сказала ей:

— У вас тут от живого мужа замуж выходить стали. Ты, может, думаешь, что ты это новенькое выдумала? Упредили, матушка. Уж давно выдуманно. Во всех ... так-то делают, — и с этими словами Марья Дмитриевна с привычным грозным жестом, засучивая свои широкие рукава и строго оглядываясь, прошла через комнату».

В «Анне Карениной», осуждая развращённые петербургские нравы, Толстой показывает их косвенно, через непутёвого Стиву Облонского, которому как раз эта жизнь, в сравнении с московской, очень нравилась.

«Москва, несмотря на свои и омнибусы, была всё-таки стоячее болото. Это всегда чувствовал Степан Аркадьевич. Пожив в Москве, особенно в близости с семьёй, он чувствовал, что падает духом. Поживя долго безвыездно в Москве, он доходил до того, что начинал беспокоиться дурным расположением и упрёками жены, здоровьем, воспитанием детей, мелкими интересами своей службы... Но стоило только приехать и пожить в Петербурге, в том кругу, в котором он вращался, где жили, именно жили, а не прозябали, как в Москве, тотчас все мысли эти исчезали и таяли, как воск от лица огня. Жена?»

Тут Толстой с язвительной иронией рисует образ современного двоеженца.

«Нынче только он говорил с князем Чеченским. У князя Чеченского была жена и семья, — взрослые дети, и была другая, незаконная семья, от которой тоже были дети. Хотя первая семья тоже была хороша, князь Чеченский чувствовал себя счастливее во второй семье. И он возил своего старшего сына во вторую семью и рассказывал Степану Аркадьевичу, что он находит это полезным и развивающим для сына. Что бы на это сказали в Москве?»

Мир тонет в прелюбодеяниях. С экранов современного кино и телевидения они изливаются на нас грязным потоком.

«Мир уже не лежит во зле, а захлёбывается».*

К сожалению, в этих фильмах нередко принимают участие талантливые режиссёры и актёры. Достаточно вспомнить вызвавший бурю восторгов у телезрителей

* Архим. Софроний Сахаров. В наше время лучше молчать.

и до сих пор повторяемый перед Новым годом фильм Эльдара Рязанова «Ирония судьбы или с лёгким паром». Да, ничего не скажешь, замечательный фильм, отличная постановка, блестящая игра актёров, а если вдуматься, что там происходит? Обманутая невеста, брошенный жених... Ну зачем же думать о них, когда героини встречают свою настоящую любовь! О том, что у счастья, построенного на костях других людей, весьма сомнительное будущее, и на этот счёт есть народная поговорка: на чужом несчастье счастья не построишь, — об этом никто не думает. Женя, оказавшись в Ленинграде, закручивает роман с Надей в то время, как в Москве в новогоднюю ночь его напрасно ожидает у накрытого стола его фактическая невеста Галя. Новогодняя ночь для нас, советских людей, не ведающих о Рождестве, была всё же особенным праздником, предчувствием какой-то тайны в нашей жизни, смягчающими душу воспоминаниями о детстве, о ёлке, о подарках. В новогоднюю ночь загадывались желания, рождались мечты о будущем... И в эту новогоднюю ночь девушка напрасно ждёт его одна в пустой квартире. Жестокая сцена. В «Снегурочке» Островского Мизгиря, который бросает свою невесту Купаву ради Снегурочки, царь Берендей на суде приговаривает к изгнанию: если у тебя сердце звериное, живи со зверями, — говорит он ему.

В XIX веке у людей ещё были живы человеческие понятия, а вот мы совсем озверели. Чего стоит одна сцена, когда обезумевший от отчаяния отвергнутый жених Нади (Яковлев), приняв в пальто душ в ванной, уходит из дома в двадцатиградусный мороз. Помню, этой сценой особенно возмущалась моя учительница Е.С.: «Подумать только, они говорят ему: куда же вы, куда вы? — И он уходит весь мокрый на двадцатиградусный мороз, а они, как ни в чём не бывало, продолжают свою любовную игру!»

Блестящий фильм на тему любовного «треугольника» «Любовь и голуби». Хитрая разлучница Раиса быстро нащупывает у простодушного Васи уязвимую сторону его отношений с женой — та пилит его за его страсть к голубям.

«О, голуби, какая прелесть! Ну почему люди друг друга не понимают!» И Раиса рыдает на груди Васи. Сцена шаржирована, но основа её вполне реальна, даже банальна. Жена его не понимает, а любовница понимает. Раиса внушает Васе, что у них с ним — любовь.

— А любовь?! — патетически вопрошает она при встрече с Надей (Дорошиной).

— Чо-чо? — недоуменно спрашивает Надя.

Но когда Вася уходит, она ложится на кровать и собирается умирать. И, может быть, и вправду умерла, если бы он не вернулся...

Самая прекрасная повесть о верной любви, которую мне приходилось читать — это драма «Пер Гюнт» Ибсена. Многие знают музыку Грига, но мало кто знаком с гениальной пьесой Ибсена, которую у нас долго не ставили. (А поставили недавно в Ленком — безобразно, лучше бы не трогали). Её очень любил о. Александр Мень, советовал всем читать и даже подробно обсуждал её в малых группах.

К Перу в лесную избушку прибегает на лыжах Сольвейг, девушка, которую он любит, один взгляд которой вызывает «праздник в душе». Пер счастлив, он мечтает построить для них дворец и жить в нём вместе с любимой. Но тут из чащи навстречу ему выходит ведьма в лохмотьях, за ней ковыляет уродец. Пер не узнает её. Но она напоминает ему о давнем их знакомстве и заявляет, что уродец — его сын.

«Он хромоног, как ты душою хром». «И это всё... — за блуд лишь мысленный», — говорит она.

Пер хочет прогнать ведьму прочь — но та лишь посмеивается:

Хо-хо, Пер Гюнт, мне нипочём побои.

Что день — к тебе навещаться буду,
К вам в горенку заглядывать, и если
Увижу рядышком вас на скамейке,
Начнёшь ласкаться к ней — войду тихонько

И доли ласк потребую своей.

Да-да, со мной придётся ей делиться.

Пер в ужасе. Он вспоминает других женщин в его жизни, которые тоже придут сюда «и с хохотом и бранью потребуют, чтоб он их приласкал», «прокрадываться будут в душу мне те мысли грешные», — думает он.

Войти туда... Теперь? Таким-то грязным,
Оплёванным? Войти туда, таща
Всю эту чертовщину за собою?
С ней говорить и всё-таки молчать...
Ей признаваться и кривить душою?..

И Пер бежит от Сольвейг. Долгих сорок лет он скитается в чужих краях, занимается работорговлей, зарабатывает деньги нечестными путями и, совершает другие неблагоприятные поступки. Наконец, всё потерявший, возвращается домой. На повороте дороги он встречает Пуговичника, страшную мистическую фигуру, который говорит ему, что срок его жизни истёк, и поскольку он не был ни крупным грешником, ни добродетельным, а так — ни то, ни сё, душу его переплавят в плавильной ложке. Пер бурно сопротивляется тому, чтобы «перестать самим собою быть». На что Пуговичник говорит ему:

Но, милый Пер, зачем же по пустому
Так волноваться? Никогда ты не был
Самим собой, так что же за беда,
Коль «я» твоё и вовсе распадётся?

На вопрос Пера, «что значит самим собою быть?» — Пуговичник отвечает:

...самим собой быть — значит
Всегда собою выражать лишь то,
Что выразить тобой хотел хозяин.

Пер просит у Пуговичника отсрочки. Он приходит к лесной избушке, в которой Сольвейг ждёт его все эти сорок лет. И он спрашивает её, знает ли она, где он был самым собою, таким, каким задумал его Бог:

Где был самым собою я — таким,
Каким я создан был, — единым, цельным,
С печатью Божьей на челе своём?

И Сольвейг, не задумываясь, отвечает:

В надежде, вере и любви моей.

Когда-то давно я рассказала эту сцену своим студентам в училище. Помню, передо мной сидели юноша и девушка, и девушка смотрела на меня глазами, полными слёз...

Господь велит мужу с женой не разлучаться. Но мы верим, что на Небе Бог может восстановить разрушенный на земле союз.

Мы не знаем, что будет там. Существуют, однако, прозрения поэтов и художников.

Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил,
Кто знает? — не останется ли её полёт?
И, может быть, стебли объятий
Переживают нас, свою почву.

Рильке

И ещё есть сказки.

«Сказка — величайшая мифологема человеческого сознания»,* — писал о. Александр Мень.

В детстве я очень любила сказку Гауфа «Холодное сердце». Герой её угольщик Петер, желая разбогатеть, заключил сделку с великаном Чурбаном и отдал ему своё сердце в обмен на искусственное, бесчувственное сердце.

* О. Александр Мень. От рабства к свободе.

Сделавшись холодным, ко всему равнодушным человеком, в припадке жадности и злобы он убивает свою жену, красавицу Лизу. С тех пор он повсюду слышит её жалобный голос: «Петер, Петер, достань себе сердце потеплее!»

Понимая, что с ним происходит неладное, он с помощью доброго духа Стеклушки хитростью возвращает себе своё сердце. И тут он понимает, какое злодеяние он совершил. В отчаянии он приходит к Стеклушке и просит, чтобы тот убил его. Стеклушка велит ему закрыть глаза, а когда тот открывает их, он видит перед собой живую улыбающуюся Лизу.

И каждый раз, когда я читала это место, моё детское сердце ликовало! Я нисколько не сомневалась, что именно так и должно всё кончиться, ведь Петер раскаялся!

В «Солярисе» Тарковского Крис поссорился со своей женой Харри и ушёл из дома. Она отравилась. Казалось, всё было кончено для них на земле. Долгие годы Крис несёт в своей душе груз вины. Но вот он попадает на космическую станцию Солярис (в фильме это символ некоего чистилища, тогда как Океан — символ Бога), и там вновь встречает свою жену. Она не помнит ничего, ни их ссоры, ни самоубийства, помнит только свою любовь к нему. И их чувство возрождается с новой силой.

«Приведу на поляну, уврачую им рану, а затем всё забыть прикажу».*

Грехопадение разрушило любовь Адама и Евы. И с тех пор, мужчина и женщина, следуя велению Творца, отчаянно стремятся друг к другу в жажде воссоединения.

Однако, наша природа изменилась, мы уже не можем быть полностью имманентными друг другу.

«Водворяясь в теле, мы устранены от Господа», — говорит апостол (2 Кор. 5:56), и ещё, мы удалены друг от друга. Природа любви духовна, одна чувственная близость не может принести полного удовлетворения, потому что «радости тела слишком тесны», — пишет Экзюпери («Цитадель»),

* Кеннет Грим. Ветер в ивах.

и ему вторит Льюис: «на таком громоздком инструменте не сыграешь небесной мелодии» («Любовь»).

«Не телесная оболочка, не толкотня мыслей — значима только душа, её простор, её времена года, горные пики, молчаливые пустыни, снежные обвалы, цветущие склоны, дремлющие воды — вот он, этот весомый для жизни залог, незримый, но надёжный в этом твоё счастье».*

Душа ищет сродного себе, вечного — «*бездна бездну призывает*» (Пс. 35:7).

Об этом постоянно грезит искусство, наш проводник в заповедные области Небесного, «там, где всё сверканье, всё движенье, пенье всё, — мы там с тобой живём...»**, оно, по выражению Бориса Пастернака, говорит о «лирической истине», отбрасывая влечение инстинкта, которое мешает чувству.***

Освобождённое от грубой материальности, искусство являет нам образ идеального слияния душ, недостижимого в этом мире, которого в глубине своей мы так жаждем.

Когда в адажио принца Дезире с видением Авроры («Спящая красавица») они ведут безмолвный разговор, в котором каждая поза, движение и жест раскрывают тайны сердца, а звучащее в оркестре соло виолончели придаёт ему ещё какую-то новую неизъяснимую глубину, тогда движения и музыка говорят на невыразимом словами тайном языке души.

В согласовании музыки, ритма, движений танцоров, как бы объятых одним дыханием, рождается единое гармоническое целое, мечтательный образ совершенной любви, по которому тоскует наше сердце и с которым нам больно расставаться.

* Антуан де Сент Экзюпери. Цитадель.

** Н. Гумилев. Канцона вторая.

*** Б. Пастернак. Охранная грамота.

Брак в Евангелии

(Продолжение)

«А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать» (Мф. 5:32). Википедия (свободная энциклопедия) говорит о Нагорной проповеди у Матфея:

«„кромe вины любодеяния“, возможно, добавлено Матфеем т.к. этих слов нет в аналогичных местах».*

Ещё Лев Толстой гениальной интуицией уловил несоответствие слов «кромe вины любодеяния» общему контексту фразы в Нагорной проповеди Христа. (Мф. 5:31-32).

«...Рядом с глубочайшими, по своему значению, истинами проповеди, точно примечание к статье свода законов, стояло это странное исключение из общего правила, самое исключение это противоречило основной мысли... Сказано, что отпущение жены заставляет её прелюбодействовать, и предписывается отпускать жену, виновную в прелюбодеянии, как будто виновная в прелюбодеянии жена не будет прелюбодействовать»**, – остроумно замечает Толстой.

* Нагорная проповедь. Википедия.

** Л.Н. Толстой. В чём моя вера.

Он приводит все остальные места Евангелия и послания апостола Павла, смысл которых говорит о невозможности развода.

В. Кузнецова пишет:

«Практически все учёные полагают, что слова „если только не по причине измены“ (Мф. 5:31-32) не принадлежат Иисусу, но добавлены Матфеем: во-первых, они отсутствуют у Марка, а во-вторых, позиция Иисуса в таком случае ничем не отличается от позиции фарисея Шаммая, который считал сексуальные грехи жены поводом для развода».*

По мнению большинства учёных Иисус категорически отрицал развод (см. 1 Кор. 7:10-11), а Матфей смягчил Его абсолютные требования... Как пророка Оссию Бог побуждает вернуться к грешной жене, так и христианин не должен находить никаких причин для прекращения брака, тем более, что только что говорилось о бесконечном прощении>** (имеется в виду притча о непростившем слуге (Мф. 18:21-35)).

С другой стороны, если бы Иисус действительно разрешал мужу разводиться из-за прелюбодеяния жены, то он бы и жене разрешал развод из-за измены мужа, так как Он не делал различия в браке между мужчиной и женщиной, а таких слов в Евангелии нет.

По воспоминаниям В. Кузнецовой о. Александр Мень, с которым она работала над переводами и комментариями Евангелий, так же говорил о том, что разрешение мужу разводиться с женой из-за её прелюбодеяния в Евангелии от Матфея — не являются словами Самого Христа, а поздней вставкой Матфея. Подобно ему, о. Георгий Чистяков в беседах с В. Кузнецовой о новозаветной текстологии приводил в качестве примера того, что было добавлено

* В.Н. Кузнецова. Комментарии к Евангелию от Матфея.

** Там же.

в Евангелие, те же строки Матфея о разрешении развода в случае прелюбодеяния жены.*

О. Александр Мень мучительно страдал, когда развелись после венчания, и также тяжело переживал, когда венчались после развода. Известны случаи, когда он отказывался совершать подобные венчания.

О. Александр считал, что Христос не даёт никакого оправдания разводу. В то время он не мог публиковать эту точку зрения, потому что тогда ему бы пришлось выступить против положения Православной Церкви, а его и так обвиняли в ереси.

Фарисеи в оправдание развода ссылаются на Моисеев закон, а Христос говорит им: *«По жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь»*.

«Жестокосердие» Аверинцев переводит как «неотзывчивость, неподатливость сердца, его нечувствительность к велениям Бога».**

Каждый человек уникален, драгоценен в глазах Бога, а следовательно он должен быть таковым и для супруга, любимое существо должно быть для любящего единственным. «Христос в Новом завете провозглашает моногамию, как заповедь»,*** – говорит о. Александр.

И ещё: «Если мы не хотим услышать что-нибудь другое, кроме слов Христа, то мы должны принять это: *Он сказал так*»****(курсив мой – М.Р.).

Древние отцы Церкви резко осуждали развод и второй брак.

«Не читайте мне текстов внецерковных законов, устанавливающих, что супруг может выдать супруге разводное письмо и покинуть её. В последний день не по этим законам будет судить вас Бог, а по законам,

* По воспоминаниям В.Н. Кузнецовой.

** С.С. Аверинцев. Комментарии к Евангелию от Марка.

*** О. Александр Мень. Библиологический словарь.

**** О. Александр Мень. Домашние беседы.

исходящим от Него Самого»,* — говорил св. Иоанн Златоуст.

«Господь создал брак, и как это соединение от Бога, так развод от дьявола», — ещё более резко сказал блаженный Августин.**

Христианские писатели не признавали повторные браки, даже не называли их браком, а «благовидным или тайным прелюбодеянием», «видом прелюбодеяния», «не-наказанным блудом», «нечистотой в церкви».

По выражению Афинагора Афинского:

«Второй брак не что иное как „респектабельное прелюбодеяние“».** **

«Брак по природе один, как одно рождение и одна смерть», — говорила св. Макрина, сестра св. Григория Нисского.****

О. Александр Мень говорил:

«Три события жизни, в которых мы видим непо-стижимое нам действие Промысла Божия — рожде-ние, брак и смерть».

Апостол Павел в послании к Коринфянам развива-ет учение Христа о браке: «А вступившим в брак *не я по-велеваю, а Господь* (курсив мой — М.Р.): жене не разводиться с мужем. Если же разведётся, то должна оставаться без-брачную или примириться с мужем своим — и мужу не оставлять жены своей» (1 Кор.: 10-11).

Апостол подчёркивает, что он говорит от имени Господа. Если муж и жена не в силах жить вместе, то им следует жить отдельно, оставаясь одинокими или примириться. *Второй брак при живом супруге для христиан, согласно апостолу Павлу,*

* Св. Иоанн Златоуст. Толкование о разводе. В ст. свящ. С. Тышкевича «Нерасторжимость христи-анского брака».

** Там же.

*** Патристика. Афинагор Афинский.

**** Григорий Нисский. Послание о жизни преподобной Макрины.

немыслим (курсив мой – М.Р.). Святые отцы допускали расторжение супругов в тех случаях, когда совместная жизнь становится невыносимой, но развода быть не должно, и во второй брак они вступать не могут, они остаются мужем и женой, мистическая составляющая брака остаётся неразрушимой. Мистическая основа – это Бог, соединяющий супругов.

Так называемые «Апостольские правила», которыми пользовалась церковь III и IV столетий, гласят:

«Если кто из верующих, отпустив свою жену, берёт другую, или если берёт женщину, отпущенную другим, – да будет отлучён от Причастия».*

Современный протестантский пастор говорит:

«Ничто не может освятить или узаконить второй брак».

Ни прошествие времени, ни обращение одного или обоих супругов (курсив мой – М.Р.), ни обычай, ни законы человеческие, ни общественное мнение, ни церковное «благословение» не могут узаконить второй «брак», пока жив первый супруг (Иоан. 4:18).

Иоанн Креститель противостоял Ироду, который женился на Иродиаде, при её живом муже Филиппе: «*не должно тебе иметь жену брата твоего*» (Мк. 6:18). Именно потому, что Филипп, брат Ирода был жив, «брак» Ирода и Иродиады был прелюбодеянием. Из-за своего свидетельства против греха Ирода, Иоанн Креститель был брошен в темницу и казнён.

«То же самое происходит и сегодня. Сегодня гонение приходит в форме гнева и скрежета зубового против тех, кто свидетельствует об истине».**

Что говорить, очень неудобная истина.

* Свящ. С. Тышкевич. «Нерасторжимость христианского брака».

** 11 тезисов о супружестве, браке и разводе.
Открытый христианский форум. [Jesus.Christ.ru/
forum/548653](http://Jesus.Christ.ru/forum/548653)

В Евангелиях важно, что Христос, говоря о браке, возвращает нас к началу творения.

«В начале же создания Бог мужчину и женщину сотворил их» (Мк. 10:6).

Звучит торжественно, как начало Книги Бытия: *«В начале сотворил Бог небо и землю»*. *«В начале же создания...»*. Это первоначало. Мужчина и женщина, которые должны стать единой плотью.

О. Александр Мень писал, что это чудо, данное Богом только человеку. Ни птицы, ни рыбы, ни другие какие-либо другие, даже высокоорганизованные животные (хотя среди животных встречается моногамия) не могут стать единой плотью, только человек.

«Христианское учение о браке базируется на словах Христа, который говорит об этой великой тайне.

„Тайна сия велика есть“»,* — говорит о. Александр.

Тайна — значит то, что до конца непознаваемо, то, что на земле мы полностью познать не можем, а можем только приближаться к этому.

Можем только доверять Богу, который сказал:

«Что Бог соединил, человек да не разлучает».

Быть может, это некая основа, на которой будет строиться следующий виток эволюции человека и мироздания...

* О. Александр Мень. Ответы на вопросы.

Мученики за святость брака

(Продолжение)

«Коронация Поппеи»

К сожалению никто, кроме профессионалов-музыкантов, не знает эту гениальную оперу Монтеверди, её у нас не ставят.

Мне её открыла моя дорогая учительница, Е.С. Скудина, написавшая замечательную книгу о Монтеверди («Орфей из Кремоны»), и когда-то давно я видела эту оперу на сцене, её привозили, кажется, венгры.

Сюжет её (изменённый) взят из римской истории времён правления императора Нерона. Нерон отправляет в изгнание свою жену Оттавию, чтобы жениться на Поппее.

Философ Сенека пытается защитить Оттавию, он противится браку Нерона. С гениальной психологической достоверностью изображает Монтеверди противостояние Нерона и Сенеки, благородное негодование философа:

«Но тот, над кем бабёнка имеет такую власть, не глава государства и полубог, а презренный плебей!»

и бешеную ярость правителя:

«Прочь от меня, учитель дерзкий, философ наглый...».

Сенека приговорён к смерти. Звучит трагический хор учеников «Не умирай, Сенека», в нём выражено всё страстное неприятие человеком конца.

Сенека стойко и мужественно идёт на смерть. Его прощание с учениками, сдержанный, скорбный речитатив, являет величие и силу его духа:

«Любимые друзья, настало время мне проявить на деле стойкость души, что так превозносил я».

Он перерезает себе вены. Оттавия уходит в изгнание. Её прощание с Римом — исполненная глубокой скорби и трагического величия мелодия, рвущиеся из глубины души горестные вздохи:

«О! о! о! Прощай Рим мой, о, о, о отчизна, о друзья все, прощайте навеки. Без вины я должна расстаться с вами и с безутешным плачем идти в изгнание».

Оперу завершает красивый любовный дуэт Нерона и Поппеи, полный ласкающих переплетающихся друг с другом мотивов. Цена их счастья — скорбь Оттавии и кровь Сенеки.

По мнению некоторых историков, сюжетная коллизия оперы — вымышленная, в действительности Сенека был казнён по другой причине. Правда, события, послужившие источником либретто «Коронации Поппеи», изложены у римских и греческих авторов: у Тацита и Светония.

Как бы то ни было, история эта, переданная в музыке гениальным Монтеверди, дышит глубокой достоверностью. Опера была написана в 1642 году. Монтеверди мог знать, что подобная трагедия разыгралась в Англии во время правления Генриха VIII за сто лет до написания им «Коронации Поппеи».

Томас Мор

Чтобы жениться на Анне Болейн, Генрих VIII начал процесс о признании недействительным своего брака с Екатериной Арагонской, с которой он прожил двадцать лет и от которой имел дочь Марию.

Святой Престол отказался признать развод и второй брак короля. Тогда Генрих VIII пошёл на раскол Церкви — он объявил себя и своё государство независимым от папы Римского и сам дал себе развод, объявив свой прежний брак незаконным. В 1532 году Генрих VIII заставляет синод провозгласить себя «единым защитником и верховным главой английской церкви». Король отослал бывшую жену и дочь с глаз долой. Королева Екатерина была благочестива, занималась благотворительностью, помогала бедным и носила власяницу. Шекспир в «Генрихе VIII» изображает Екатерину благородной женщиной с чистой возвышенной душой, преданной и верной женой, невинной жертвой прихоти своего вероломного супруга. Симпатии Шекспира, несомненно принадлежат Екатерине. Её речь на суде, обращённая к королю, полна величия и трогательного смирения:

Сэр, вспомните, что двадцать лет была
Я вам во всём покорною женой,

И много родила я вам детей,
Да, если можете вы доказать,
Что я за эти годы погрешила
Иль против чести, или брачных уз,
Любви, или супружеского долга,
Иль против вас, в котором всё священо,
То — Боже мой! — отвергните меня!
Пусть самое ничтожное презреньё
Передо мною закрывает дверь.

Шекспир недвусмысленно намекает на святость королевы Екатерины: во сне к ней слетаются херувимы, которые держат над её головой лавровый венец.

Народ любил Екатерину. Новая королева Анна не пользовалась популярностью: в день её коронации на улицах её встретили бранью и криками: «шлюха», улицы города наводнились пасквилями и листовками, обливавшими её грязью.

Против развода короля и его второго брака с Анной Болейн, против признания короля главой английской Церкви выступил его лорд канцлер, ближайший к нему человек Томас Мор. Он был единственным светским лицом во всей Англии, кто отказался принять присягу в знак согласия с актом о преемственности и актом о главенстве короля. Томаса Мора называли «человеком на все времена». Савонаролла говорил о нем:

«Быть может, никому из смертных не было дано столь великого ума. Этого человека следует считать одним из чудес Божьих и чудом природы, столь возвышен его дух и его учение».*

Томас Мор был человеком глубокой веры, постоянно помогал бедным, каждый день бывал на литургии. Он молился и читал Библию вместе со всей семьей и сам её комментировал. Под роскошными одеждами носил грубую

* А. Сикари. Портреты святых. Томас Мор.

власяницу. Генрих VIII, человек богато одарённый, был другом Томаса Мора. В то же время он был одним из тех людей,

«которые хотят внушить, что они делают добро даже тогда, когда творят зло, которые вертят законом, как им угодно, называют зло добродетелью, чтобы им не пришлось каяться, и поэтому крайне опасны для себя и для других из-за средств, к которым они прибегают для собственного оправдания».*

На следующий день после того, как король провозгласил себя главой английской Церкви, Томас Мор возвратил королю печати — знак своего достоинства.

Он отказался присутствовать на коронации Анны Болейн, и она возненавидела его. Возненавидела, как Иродиада — Иоанна Крестителя, как жена Потифара — Иосифа, как должна была ненавидеть Елена Глинская — патриарха Варлаама, как все преступные прелюбодейные жёны царей должны были ненавидеть обличавших их мужей и патриархов.

«Будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Мф. 10:22).

Среди членов тайного Совета были люди, которые симпатизировали Морю и пытались предостеречь его. В их числе был герцог Норфолк, при встрече с Мором сказавший по-латыни:

«Гнев короля — это смерть».

На что Мор спокойно ответил:

«Это всё, милорд? Тогда поистине разница между Вашей милостью и мной только в том, что мне предстоит умереть сегодня, а вам — завтра».

Заключённый в лондонскую тюрьму Тауэр Томас Мор отказывался принести присягу королю, но молчал, не давая никакого объяснения своему поведению — он не хотел дать повода для вынесения смертного приговора.

Казнь по обвинению в государственной измене была ужасна: сперва приговорённого вешали, пока он не ли-

* А. Сикари. Портреты святых. Томас Мор.

шится чувств, затем оживляли, затем распарывали ему живот и четвертовали его. Он писал:

«Всякий, кто поставлен перед выбором отречься от Бога или принять мученическую кончину, может быть уверен в том, что перед этим выбором поставил его сам Бог».*

Он встретил смерть с улыбкой на устах. Его последние слова перед судьями исполнены истинного благородства и величия души:

«Господа, я могу добавить только одно; как апостол Павел, согласно Деяниям Апостолов, одобрительно смотрел на смерть св. Стефана, и даже сторожил одежды тех, кто побивал его камнями, но тем не менее сейчас вместе с ним он свят на небесах, и на небесах они будут соединены вечно, так и я поистине надеюсь (и буду усердно молиться об этом), что мы с вами, господа мои, бывшие мне судьями и приговорившие меня к смерти на земле, вместе, ликуя, сможем встретиться на небе, достигнув вечного спасения».**

И он был казнён. По желанию новой супруги короля Анны Болейн Томас Мор взошёл на эшафот — Генрих VIII заменил грозившую Мору ужасную казнь отсечением головы.

Томас Мор был канонизирован и причислен к лику святых Папой Пием XI в 1935 году. Узнав о гибели Мора писатель Эразм Роттердамский сказал:

«Его душа была белее снега, а гений таков, что Англии никогда больше не иметь подобного, хотя она и будет родиной великих людей».***

Томас Мор был казнен в 1535 году. В следующем 1536 году Анна Болейн была обезглавлена королём за участие в государственной измене. В том же году умерла в изгнании королева Екатерина. До конца своих дней она отказывалась признавать незаконность своего брака с королём.

* Там же.

** Там же.

*** Там же.

Брак в Евангелии

(Продолжение)

Итак, Христос в Евангелии не даёт ни одного повода к разводу. Брак, заключённый после развода, Он называет прелюбодеянием.

«Он требует от мира нерасторжимости брака, повсеместно нарушаемой. Отныне всякое поколение станет поколением прелюбодейным»,* — пишет Франсуа Мориак.

«В наше время, когда развод стал настолько частым явлением, что говорят уже об опасности уничтожения самого института семьи, многим слова Иисуса кажутся чересчур резкими. Многие церкви позволяют развод. Это значит, что мы снова оказались в той же ситуации, о которой здесь говорит Евангелие».**

Можно сказать: в худшей ситуации. «Если бы Я не пришёл и не говорил им, то не имели бы греха. А теперь не имеют извинения в грехе своём», — говорит Христос (Ин. 15:22).

* Ф. Мориак. Жизнь Иисуса.

** В.Н. Кузнецова. Комментарии к Евангелию от Матфея.

«Кто постыдится Меня в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8: 38).

Он предупреждает нас не ходить по путям мира сего, прелюбодейного и грешного. На одном протестантском сайте написано, что современная Церковь восприняла законы мира сего (в частности, в вопросах брака). Это грозит разрушением Церкви.

«Корабль в море — это нормально, — пишет автор, — но море в корабле — не нормально».

Протоиерей Алексей Уминский ставит под сомнение допустимость у нас церковного развода, само существование которого провоцирует разрушение церковных браков. Он говорит, что в нашей церкви не сформировано учение о браке, как о нерасторжимом по слову Христа союзе мужа и жены.*

Мы живём не в христианском обществе. Нельзя ожидать от неверующих людей исполнения христианских заповедей. В этом развращённом мире мы должны быть светом Христовом, сиять, как светила в ночи. В мире, который тонет в прелюбодейниях, мы призваны являть пример христианского брака. Льюис говорит о том, что необходимо различать гражданский и христианский брак:

«Необходимо иметь два рода браков: один — регулируемый государством на основании законов, обязательных для всех граждан; другой — регулируемый Церковью на основании тех законов, которые обязательны для всех её членов. Различие должно быть очень чётким, чтобы людям было ясно, какая пара вступает в брак по-христиански, а какая — нет».**

Мы говорим сейчас о христианском браке. О браке, который является «по воле Христа подлинным таинством

* О. Алексей Уминский. Семья в современной церкви.

** К. Льюис. Христианский брак.

Нового Завета, скрепленным Его искупительной кровью». Брак в Кане, на котором Господь сотворил своё первое чудо претворения воды в вино, стал прообразом Евхаристии.

В этом удивительном таинстве Христос оставил нам Самого Себя, Свою жизнь. Эта жизнь

«ради вас, дорогие супруги, родители и семьи! Разве не по-семейному Христос учредил таинство Евхаристии во время Тайной вечери?» — пишет Иоанн Павел Второй.*

У первых христиан, когда ещё не было особого таинства венчания, вступающие в брак муж и жена вместе причащались Крови Христовой. В наше время в католической церкви супружескую клятву дополняет Евхаристия.

«Супруги и семьи, помните, какой ценой вы искуплены! — Ибо вы куплены дорогою ценой» (1 Коринфянам, 6:20).**

В известной схеме аввы Дорофея Бог является центром круга, а люди — радиусами, чем ближе радиусы друг к другу, тем они ближе к Богу. Нет для нас более близкого человека, чем муж или жена, поэтому в отношениях с ними мы ближе всего подходим к нашим отношениям с Богом. Если уже Моисеева заповедь «любить ближнего, как самого себя» делала недопустимым развод, если пророк Малахия писал о разводе как о предательстве жены юности своей, то что сказать о заповеди Христа «любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15:12)?

Св. Тереза пишет, что когда Господь ещё не приходил на землю, Он не мог требовать большего, чем любить ближнего, как самого себя. Но когда Он пришёл и умер за нас, Он явил нам эту Любовь, Которой мы причащаемся за каждой Литургией.***

* Папа Иоанн Павел Второй. Послание семьям.

** Там же.

*** Св. Тереза Младенца Иисуса. Повесть об одной жизни.

Моисей разрешал развод по жестокосердию иудеев, но когда Христос умер за нас на кресте, Он дал нам новое сердце – Своё Сердце. Взял наши сердца каменные и вложил сердце плотяное. Можно прикрываться любыми доводами и человеческими измышлениями, но нельзя обмануть себя и обмануть Бога.

«Меня он (миф) ненавидит, потому что Я свидетельствую, что лукавы дела его» (Ин. 7:7).

Господь, придя на землю, срывает наши маски. Он разоблачает лицемерие, обрядоверие, ханжество.

«Пойдите научитесь, что значит милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13).

«Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2:27-28).

«Искусно же вы заменяете заповедь Божию преданием человеческим» (Мф. 15:6).

Он сорвал маску и с так называемого «второго брака»: *«Кто разведётся и женится на другой, прелюбодействует по отношению к жене» (Мк. 10:11).*

Прелюбодействует, то есть, совершает измену. Слова Христа означают, что этот человек по-прежнему является мужем своей жены, хоть и разведён с ней на бумаге (иначе, о какой измене может идти речь?).

«Если Иисус назвал мужа и жену единой плотью, это – факт, – утверждает Льюис. – Как ключ и замок».*

Продолжая его мысль, можно сказать, что если Господь назвал брак при живой супруге прелюбодеянием, это такой же непреложный факт. В свете Евангелия надо признать, что в Божественной реальности не существует ни развода, ни брака после него, а есть только брак и прелюбодеяние.

* К. Льюис. Христианский брак.

Соблазны

Не существует положительного определения любви, так же как и положительного определения Бога. Апостол Павел дал её чёткий критерий: *«Любовь не делает ближнему зла. Любовь есть исполнение закона»* (Рим. 13:8-10). Апостол говорит, что любовь излилась в наши сердца Духом Святым (Рим. 5:3). Истинная любовь — духовна, она — от Бога. И свойства её те же, что и Святого Духа: мир, радость, долготерпение, обладание собой. Выделим здесь «обладание собой». Божия любовь не лишает человека свободы. И этим она прежде всего отличается от страсти, которая превращает человека в её раба. Человек, поддавшийся страсти, теряет свободу воли, становится умопомрачённым и способным на самые низкие поступки.

Различие любви и страсти хорошо показано Толстым в «Войне и мире»: высокое, духовное чувство любви Наташи к князю Андрею и страсть, возбуждённая в ней опытным соблазнителем, красавцем Анатолом Курагиным. Охваченная страстью, она готова бежать с ним из дома, не думая ни о себе, ни о том горе, которое причинит своим близким. Может ли истинная любовь быть причиной горя, страданий, слёз, ссор и распрей? Любовь созидает, соединяет, это закон, положенный Богом в основание

вселенной, он противостоит действию энтропии, силе разрушения и хаоса. Любовь животворит, она подобна солнечному свету, под действием которого весной тают снега, согревается земля и из неё вырастают первые побеги трав и нежные весенние цветы. Страсть же подобна пожару, который, внезапно вспыхнув, уничтожает вокруг всё живое.

«Если мужчина и женщина соединяются не во имя Бога, — говорит Б. Берман, — между ними вспыхивает пламя, „эш“, которое сжигает их. Это осмысливается, как на мистическом, так и на бытовом уровне».*

Любовь, которая разрушает, не может быть истинной любовью. О. Александр Мень говорил:

«Бог соединяет, разъединяет дьявол».

Сатана нашёл универсальную приманку для того, чтобы завладеть как можно большим числом людей, «обезьяна Бога», он сделал величайшую подмену, вместо сотворённого Богом чувства любви — гипертрофированное половое влечение, прикрытое романтическим флёрком. Почва для этой так называемой «любви», ничего общего не имеющей с подлинной любовью, была подготовлена писателями и поэтами XIX и XX века, а затем, всем мировым кинематографом. Культ любви-страсти, идол, на алтарь которому можно приносить все жертвы, включая человеческие, безраздельно владеет умами нашего общества. Трудно найти человека не инфицированного этой сатанинской идеей.

Иисус говорит Вассуле Риден:

«Прелюбодеяние было так облагорожено сатаной, сделано таким утончённым, что оно утратило своё значение как в церковных кругах, так и в не церковных. Моё долготерпение по отношению к вашему греху ныне закончилось... Если сегодня неверующие люди совершают прелюбодеяние и считают его чем-то естественным и обычным, то это происходит по причине

* Б.И. Берман. Библейские смыслы.

великой вседозволенности в Моей Церкви, которая была введена по указанию зверя, чья цель исказить и опровергнуть истину. Брак должен быть почитаем и следует хранить его святость».*

Только любовь к Богу может охранять человека от пагубной страсти. Привыкший дышать благотворным горным чистым воздухом, не захочет вдыхать дурманящие испарения. Хранящий в своём сердце огонь Божьей любви, как самое большое сокровище, не позволит разгореться в себе нечистым желанием.

«— Имею ли я право быть счастливой? — спрашивает героиня у священника в фильме Занусси.

— Да, ты имеешь право быть счастливой, если твоё счастье не связано со страданиями других людей, — отвечает он ей».

«А для того человека, кто толкает на грех хотя бы одного из этих людей... было бы лучше, если бы мельничный жернов ему на шею повесили и бросили в пучину морскую» (Мк. 18:6).

Но Ты, Господи, Ты хотел, чтобы ни один не погиб. Ты дождался последних часов разбойника на кресте, чтобы спасти его. Ты до последнего мгновения хотел спасти Иуду.

Наверное есть балетные традиции, в соответствии с которыми партию злой феи Карабос в «Спящей Красавице» Чайковского исполняет мужчина. Но когда мы с Мишей последний раз видели этот балет, я поняла, что Карабос — это не она, а он, именно он и только он!

Он — извечный враг рода человеческого, Чайковский гениально воплотил в балете его сущность (в этом смысле музыка «Спящей Красавицы» — совсем не детская), это иррациональная стихия зла, страшная гримаса, беснующаяся тьма. И он, князь тьмы, действует именно здесь, рядом с нами, в нашей жизни. Где уж мне было не узнать его! Он, настагающий внезапно и поражающий насмерть. В филь-

* Истинная жизнь в Боге. Вассула — беседы с Иисусом.

ме Занусси несчастный подонок, выследив из окна счастливую супружескую пару, в припадке злобы выстреливает в них бесшумной пулей и поражает мужа насмерть. Когда следователь спрашивает мать, кто по её мнению убийца: «Сатана! — отвечает она, — если вы этого не поняли, вы ещё ничего не поняли в этой жизни» («Чёрное солнце»).

Это он, разрушающий семьи, он, продиктовавшей румынке броситься с ножом на брата Роже, он, руками наёмных убийц нанесший смертельный удар о. Александру.

— Почему сказки хорошо кончаются, а здесь этого нет? — спросила я когда-то на лекции о. Александра.

— Здесь не конец, — ответил он, — здесь не конец.

А тема феи Сирени в балете — с плывущими, словно в туманной дымке, высокими струнными — запредельная, мистическая, она никак и нигде не соприкасается с темой Карабос, где она, там зла уже нет, один только свет, но это не здесь. Ведь и Спящая Красавица проснётся через сто лет, не в этой жизни.

Клер сказала мне:

— На небе вы обязательно будете вместе.

Немногие совершают зло осознанно, большинство людей делают это бессознательно. В том случае, когда женщина разрушает чужую семью, зло часто совершается «во имя добра», при этом, обычная формулировка: он её не любит, а меня любит, ему с ней плохо, а со мной будет хорошо.

Подобные поступки оговорены в католическом катехизисе, где одно из трёх правил совести гласит:

«Запрещается совершать зло во имя добра» (так называемое «зло во благо»).

Та же мысль у св. Силуана Афонского:

«Добро, недобро сделанное, не есть добро».*

То, что многие называют любовью, на самом деле есть преступление против любви.

Прелюбодеяние — преступление против другой жизни.

* Силуан Афонский. Различение добра и зла.

«Всякое нарушение брака — это отказ от любви в Божьем понимании, а следовательно, отказ от Бога, который есть Любовь».*

Страшны призывы сатаны. Слабый падший человек лицом к лицу не в силах им противостоять. Поэтому все святые говорят о том, что нельзя близко подходить к соблазну, надо бежать от него.

Иосиф в Библии бежит от жены Потифара, оставив в её руках свою одежду. О. Сергей в повести Л. Толстого, чтобы не впасть в грех с блудницей, отрубает себе палец. А ведь были мученики за целомудрие. Преподобный Моисей Угрин, имевший желание монашеской жизни, оказался пленником знатной полячки, которая воспылала к нему страстью и пыталась склонить к браку. Он остался непоколебимым, в конце концов она его искалечила — оскопила. Преподобный Иоанн Многострадальный, тридцать лет страдавший от блудных помыслов, закапывал себя в землю по грудь в пещере, чтобы их победить. Мученицы Домнина и дочери её Виринея и Проскудия, чтобы спастись от насилия со стороны пьяных воинов, ведших их на суд за веру, вошли в реку и река поглотила их. Святая мученица Фомаида предпочла умереть, чем нарушить верность мужу и была рассечена своим свёкром, пытавшимся склонить её к греху.

«Чистота... — земное небо сердца», — говорит. св.

Иоанн Лествичник.**

Когда я прочитала эти строки, перед моим мысленным взором встала церковь Покрова на Нерли, какой я когда-то давно её увидела. У меня было несколько минут на неё посмотреть, отходил наш автобус. Выбежав к ней, я внезапно остановилась, все мои чувства замерли: предо мной предстало безупречной формы и красоты видение белоснежной церкви, стоящей на берегу озера, вместе с которым она, казалось, была низведена сюда прямо из Небесной

* А. Черняк. Катехизация.

** Св. Иоанн Лествичник. Лествица.

обитатели. Это были всего несколько минут, пока я на неё смотрела, но они остались живы в моей памяти.

О ты, небесная радость наша! Блаженство чистых сердцем. Радость всех убогих и отверженных, радость «убогого Серафима», опирающегося на свой посох, радость святого Франциска, ходившего в рубище и беседовавшего с птицами, радость маленькой Терезы, увидевшей утром, в день своего облачения, снег из окна монастыря, радость всех святых и всех мучеников. Ты недоступна для хищных и злых, для победителей мира сего. Для тех, кто толкаясь и отпихивая друг друга, борются за блага мира сего.

«Пусть они берут свой сор», — пишет о них св. Иоанн Кронштадтский.

«Одно мне ясно: прекрасна в мире только „не-удача“, только бедность, жалость, сострадание, уязвимость, — писал о. Александр Шмеман, — доля бедных, превратность судьбы. И ещё беззащитность — дети... Всё жирное, самоуверенное, громкое и преуспевающее — ужасно».*

Льюис пишет, что наши предки женились и выходили замуж без влюблённости, однако у них были живы честность и страх Божий.

«При самой же сильной, самой высокой влюблённости соитие может быть прелюбодейным, может означать жестокость, ложь, измену мужу или другу, нарушение гостеприимства, горе для детей. Бог не хочет, чтобы различие между грехом и долгом зависело от оттенков чувства. Как и всякое действие, соитие оправдывается или осуждается чётче и проще. Всё дело в том, выполняем мы или нарушаем обещанное, добры мы или жестоки, правдивы или лживы».**

Горе для детей. Когда мы с Мишей прибежали на дачу, надеясь застать там папу, мы нашли запертые двери. Войдя, на столе увидели два письма, для меня и для Миши.

* О. Александр Шмеман. Дневники.

** Клайв Льюис. Любовь.

Для меня — какое-то безумное, со странной фразой: «проиграли все».

В письме к Мише были предложения пойти в цирк, в зоопарк и куда-то ещё. Прочитав его, он стал кричать и плакать.

Джеймс Добсон пишет: уход отца для мальчика-подростка — катастрофа, без отца он не может стать мужчиной.

О. вспоминала: «Мама вела меня за руку, мы шли от папы. Я спросила её:

— Когда мы вернёмся к папе?

— Думаю, никогда, — ответила она ей.

— В это мгновение я перестала видеть цвета, — сказала О., — мир стал чёрным. Мне было три года».

О. Софроний Сахаров говорил:

«Мир уже не „лежит во зле“, а „захлёбывается“».*

Мир пожирает своих детей, как Сатурн. Но мы, христиане, мы, «царственное священство, род избранный, народ святой», что мы делаем?! Дети не будут обвинять нас на Суде, они слишком любят своих папу и маму, они будут плакать, только плакать, — и это будет самое ужасное.

«Вы просили, и Я дал вам детей, — скажет Господь, — что вы с ними сделали?»

— Мама, мне страшно, папы нет, — говорил мне Миша вечерами, когда мы ждали мужа.

Что творилось тогда в его душе? Об этом знает только Бог.. У меня хранится документ, написанный Мишиным почерком:

«Папа обещает не уходить, чтобы сделать меня счастливым», — число и подпись мужа.

Своими слабыми детскими руками Миша пытался его удержать.

«Разводы — это, может быть, самое преступное из детоубийств, избиение младенцев и в душе их и в теле их».**

* Архимандрит Софроний Сахаров. В наше время лучше молчать.

** Иеромонах Михаил (Семёнов) В поисках лика Христова. Православное русское слово. 1903. № 2.

Брак в Евангелии

(Продолжение)

Изменой и отвержением мы глубоко раним своих ближних, но себе мы причиняем ещё худшее зло. Каффарель приводит поразительный в своей образности комментарий св. Августина на I послание св. Иоанна:

«Того же Самого, кому ты поклоняешься в Его голове, Того же ты тяжко оскорбляешь в Его членах. „Тщетно ты считаешь Меня, — кричит тебе Глава с высоты небес, — тщетно ты считаешь Меня!“ Это как если бы кто-либо хотел поцеловать тебя в голову, наступая тебе на ноги... Разве не прекратил бы этого проявления почтения, слыша восклицания Христа: „Что ты делаешь, несчастный, ты Меня давишь!“»*

...Папа Иоанн Павел Второй даёт глубокое осмысление страшных и грозных слов Христа о Судном Дне в 25 главе Евангелия от Матфея:

«Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня...»

Он говорит, что Иисус в этих словах хочет отождествить себя с человеком отверженным.

* Анри Каффарель. Сто писем о молитве.

«Это суд проходит и через историю наших семей».*

Наши муж и жена, от которых мы убегаем, — они те же отверженные, о которых говорит Иисус. Они — алчущие и жаждущие — нашей любви и нашей верности, они — странники на этой земле, ожидающие, что мы примем их в дом своего сердца, они — страждущие и больные, требующие нашей заботы и нашего внимания, они — томящиеся в тюрьме своих немощей и грехов, ожидающие нашего милосердного посещения.

Я просил, ты помнишь, Он
Говорил,
Что Я дам, дело другое, дело не ваше,
Я был болен — кто навестил Меня,
Я пить хотел — где чаша?
Птицы имеют язвины и лисы гнездо,
Я стучу — где Мой дом?

О. Седакова

Христос отождествляет Себя с отвергнутым мужем или женой. «*Вы не приняли Меня*». Постараемся услышать эти слова. Иисус ясно и чётко говорит нам: отвергая своего мужа или жену, вы отвергаете Меня.

Мы все связаны друг с другом невидимыми нитями, все произошли от одной крови. Таинственна природа человеческих отношений, но ещё более таинственна природа брака.

«Брак апостол Павел... называет таинством, даже „великим таинством“ (Еф. 5:32), и это самое высокое, что можно сказать о браке», — пишет С. Аверинцев. — Головокружительно высокое. И он добавляет: говорю же я применительно ко Христу и Церкви».**

* Папа Иоанн Павел Второй. Послание семьям.

** С.С. Аверинцев. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи.

Смысл этих слов в том, что «в своей высшей точке брак есть знак и одновременно реальность отношений между Христом и Церковью».

Об этом же говорит Иоанн Павел Второй:

«Нет той „великой тайны“, какой является Церковь и человечество во Христе, без этой „великой тайны“, какая есть „одна плоть“, то есть брак и семья». *

Христос даёт заповедь для супругов-христиан оставаться навеки верными друг другу, независимо от любых испытаний и трудностей.

«Ключевое слово Библии — завет», — пишет Аверинцев. «Поставлю завет Мой с ним заветом вечным» (Быт. 17:19). Это слово, как замечает Аверинцев, означает «союз», «договор», иногда, «брак». **

Библия восхваляет незыблемую алмазную верность Бога: «Бог верный хранит завет Свой» (Второзак. 7:9).

На верность Бога человек призван ответить верой и верностью — вот почему эти понятия в Библии тождественны. В древних языках слово, переводимое как вера, означает также и «верность», это однокоренные слова. (В церковнославянском языке верующие называются верными — «литургия верных»). Для Ветхого и Нового Завета вера — есть верность, верующий и есть верный. Верность Богу и верность в браке — понятия тождественные. Ведь кто не знал верности одному человеку, не может знать верности Одному Богу.

«Мы можем отдать сердце кому-то одному — Единому Богу, ибо Он один; единственному супругу. Брак — самый близкий образ неба, он требует всего — или ничего». ***

Вот почему в католической, как и в ранней христианской церкви, отпустившего свою жену и женившегося на другой или женившегося на отпущенной не допускают

* Папа Иоанн. Там же.

** С.С. Аверинцев. Там же.

*** Питер Крифт. Небеса, по которым мы так тоскуем.

к евхаристическому общению. Нельзя нарушить верность в браке, не нарушив при этом верности Богу, Который соединяет воедино мужа и жену, питает их Своим Телом и Кровью. Нельзя отвергнуть жену или мужа, не отвергнув при этом живущего в них Бога.

«Нельзя надругаться над символом, не задев выражаемой им действительности. Всякий раз, когда расторгается священный союз супругов, предаётся поруганию неразрывный союз... Церкви-Невесты с Христом-Женихом, отдавшим жизнь свою за неё».*

Брак — союз не двоих, а троих, поэтому, разрушая свой брак, человек неизбежно нарушает свой договор с Богом (курсив мой — М.Р.)

Пророки описывают завет между Богом и Израилем как расторгимый брак с недостойной, но любимой женой. «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде, и суде, в благости и милосердии» (Оссия, 2:19).

В Новом Завете брак становится метафорой любви Христа к Его Церкви. Аверинцев пишет, что прихода Мессии ожидали, как прихода Жениха, Возлюбленного, Который заключит Новый брак, Новый Завет.

Вспомним, что Иоанн Креститель называет Христа Женихом. Сам Иисус в притчах говорит о Себе, как о Женихе.

«Недаром Своё первое чудо Христос совершил на браке в Кане, недаром постоянный образ мессианского Царства в Его притчах — брачная трапеза».**

Откровение завершается браком Агнца:

«И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... И Дух и невеста говорят: прииди!» (Откр. 21:2,17).

* О. Станислав Тышкевич. Нерасторгимость христианского брака.

** С.С. Аверинцев. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи.

«Вот что знаменует христианский брак, как таинство. Он нерасторжим в принципе, по своему смыслу, и это не потому, что попам захотелось помучить людей, а потому, что союз безоговорочного прощения и безграничного доверия заключается только навсегда. Потому, что вера и верность, достойные такого имени, конца не знают. Потому что завет Божий есть завет вечный. Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, как сказано у пророка Малахии, где употреблено поразительное, неперебиваемое выражение — буквально „жена завета твоего“».*

* С.С. Аверинцев. Там же.

Свет или тень?

У любви нет человеческого лица.

У неё есть только лик Бога или лик дьявола.

Константин Бальмонт

Еврейские учителя полагают, что в интимных отношениях мужа и жены может проявиться высшая святость.

«Во время близости мужа и жены происходит максимально возможное проявление Божественного присутствия», — пишет Е. Свирский.

И именно потому, что интимная близость супругов обладает столь высокой степенью святости и чистоты, столь опасно и пагубно для человека измена Божественному закону.

«Не случайно именно сексуальная сфера стала источником нецензурной лексики почти во всех языках. Достаточно поменять «плюс» на «минус» и благородная энергия, данная человеку, сбрасывает его, не умеющего этой энергией пользоваться, в бездну хамства и пошлости».*

Сведенборг пишет о прелюбодеяниях,

«удовольствие от которых в духовном смысле и затем в духовном мире есть само по себе не что иное, как удовольст-

* Рав. Ефим Свирский. Иудаизм и евреи.

вие любви ко злу в соединении со злом; удовольствие адское, потому что оно совершенно противоположно небесному, которое состоит в удовольствии любви к истине в соединении с благом... Должно знать, что ничто друг друга так не любит, как благо и истина, и потому от этой любви исходит истинно супружеская любовь; зло и ложь также любят друг друга, но эта любовь обращается потом в ад».*

Чтобы убедиться в правильности мысли Сведенборга, перечитайте «Анну Каренину» Толстого, где он убедительно показал во что превратилась страсть Анны и Вронского, казавшаяся им вначале столь обольстительно прекрасной.

В сказках ложный мир, созданный сатаной, присутствует в образах двойников, пытающихся занять место людей. Заманила ведьма жену на речку, столкнула её в воду, а сама обернулась женой, и купец её не узнал. (Сестрица Алёнушка и братец Иванушка.)

В сказке Шварца Тень уходит от Учёного, уводит у него Принцессу и пытается занять вместо него царский трон («Тень»).

В балете Чайковского «Лебединое озеро» злой волшебник приводит на бал свою дочь — Одилию, чёрного лебедя, сделав её похожей на белого лебедя Одетту, и обманутый принц делает ей предложение.

В сказке Гофмана «Золотой горшок» студент Ансельм любит свою романтическую мечту — голубую змейку Серпентину, в образе которой ему является дочь волшебника, архивариуса Линдгорста. В доме архивариуса он попадает в волшебный сад, где растут огромные деревья и гигантские лилии, он вдыхает чудные ароматы цветов, слышит голоса говорящих заморских птиц, этот сад — преддверие Рая. Одновременно он увлекается заурядной мещанкой Вероникой, и попадает за это в стеклянную банку,

* Эмануэль Сведенборг. О небесах, о мире духов и об аде.

все его движения скованы, члены связаны, он не может ни вздохнуть, ни пошевелиться. Жизнь под стеклом — образ тусклого, будничного существования, лишённого какого-либо проблеска духовности. Он видит рядом с собой других людей, которые живут обычной жизнью, гуляют, ловят рыбу в пруду, разговаривают, не замечая, что они находятся под стеклом. А Ансельм задыхается и страдает. Самая страшная сказка Гофмана на эту тему «Песочный человек». Профессор Спаланцини сделал красивую заводную куклу Олимпию, которая может танцевать и говорить только: «ах-ах...», и «да-да!». Олимпия — страшный автомат, образ полной бездуховности. Поддавшись злым чарам, в неё влюбляется студент Натанаэль, юноша возвышенного романтического склада. Ему кажется, что в Олимпии он нашёл свой идеал полного взаимопонимания. Любящая его девушка Клара пытается спасти его от этого наваждения. Кончается сказка трагически: под воздействием злого волшебника Коппелиуса Натанаэль сходит с ума, прыгает с башни и разбивается насмерть.

Зная, как высок замысел Бога о браке, сатана всеми силами стремится разрушить самое любимое творение Божие. Внушив человеку, имеющего трудности в своей семье, (а их имеют, практически, все), что его брак не удался, он предлагает ему «начать всё с начала», предлагает развод и свой вариант: благовидное прелюбодеяние под названием «второй брак», который представляется вполне приличным в глазах мира и даже законным в Церкви.

О том, что сатана активно действует в Церкви, свидетельствует вся её история и то, что творится в ней сегодня. И наибольшего успеха он достиг в церковных положениях о браке и разводе, идущих в разрез с учением Христа, с Евангелием.

Сведенборг пишет, что ангелы удивляются тому, что больше всего прелюбодеяний совершается в Церкви. Всегда найдутся те, кто будут вас оправдывать и приводить убедительные доводы для этого шага, но с тех пор, как Спаситель две тысячи лет назад разоблачил ложь са-

таны о втором браке, сутью которого является прелюбодеяние, мы несём полную ответственность за свой выбор.

В «Расторжении брака» Льюиса люди живут в сумеречном городе, не понимая, что находятся в аду. Когда дьявол хочет толкнуть человека на неправильный шаг, он часто приводит его мысли в состояние расплывчатости, туманной неопределённости.

Но то, что представляется неопределённым здесь, в «стране теней», в свете Вечности предстанет перед нами со всей своей неумолимой отчётливостью.

«Я есмь Сущий».

Мы живём не в мире сущностей, мир, которым правит сатана, в большинстве своём, построен на лжи. Мы находимся в стане врага, и для сохранения жизни нам даны заповеди.

«Поступай так и будешь жить», — говорит Иисус богато-му юноше, напоминая ему заповеди.

Заповеди блаженства, переворачивая шкалу мирских ценностей, указывают критерии истинной жизни. Господь родился в хлеву и тем самым явил положение истины в этом мире.

В фильме Дзефирелли есть поразительный кадр, когда св. Франциск, босой, в рубище, подпоясанный верёвкой, переступает порог роскошного папского дворца, где на него с усмешкой взирают важные, в пух и прах разодетые церковнослужители.

«Истина шествует в терновом венце», — писала св.

Фаустина.

Истина в нашем мире бедна, гонима, тиха, неприглядна, незащитна. Ложь, напротив, преуспевает, громко заявляет о себе, внешне привлекательна, признаваема большинством, имеет влиятельных покровителей, победно шествует.

«За правдой всегда идёт меньшинство», — говорил на проповеди отец Александр Борисов.

* О. Александр Мень. Беседы о символе веры.

Бог в этом мире не царствует. Однако Господь — это Бытие, и подлинной сущностью обладает лишь Его Слово. *«Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»*, — говорит апостол Павел (1 Кор. 3:11).

Дом, не построенный на камне, рушится. Берман объясняя слово Бога к змею в Библии: *«будешь есть прах»* (Быт. 3:14), говорит:

«Это значит, что всё, за что мы цепляемся вне Бога, всё прах и всё пойдёт прахом».*

Все посулы и обольщения сатаны — ложные, обманчивые. Всё, за чем гонится этот мир, все его кумиры, деньги, карьера, власть, слава, здоровье, секс — всё обманывает, всё приносит горькое разочарование.

Мир «глотает пустые вещи, как пузыри, — говорит о. Александр, — и всё это кончается ничем».**

Ложный мир, созданный сатаной, не имеет сущности, все его ценности иллюзорны, как бы заманчиво и прекрасно они не выглядели. Тень в сказке Шварца, взойдя на королевский трон, казнит Учёного, но в то же мгновение погибает сам, потому что он лишь тень человека, его призрачное подобие, не имеющее в себе жизни. Так, в Царстве Божиим, в Царстве Истины рассыплется, разлетится в прах всякая ложь князя мира сего.

* Б.И. Берман. Библейские смыслы.

** О. Александр Мень. Домашние беседы.

Да не разлучает

Счастье и радость — это дети любви,
А сама любовь, как сила —
Это терпение и жалость.

Михаил Пришвин

«Он видел Отца зверей и людей, который подводил к нему девочку, девушку... И он воскликнул: „Вот эта — та самая, совершенно такая же, как я!“»*

Мы выбираем свободно мужа и жену, но существует тайна избрания. Когда Адам, впервые увидел Еву, он воскликнул: *«Это плоть от плоти моей...»*. Он её узнал. Можем ли мы отречься от своих родителей, от своих детей, как бы не было нам с ними тяжело? Не можем, потому что они — наши, наша плоть и кровь. Между мужем и женой существует ещё более близкое, тайное, мистическое родство, то, которое Господь назвал «единой плотью».

«Вы пили из общей чаши. Отныне вы одно существо, — говорил на венчании о. Александр Мень, — и ещё — первая ступень родства — это дети и родители. А муж и жена — это не ступень родства, а одно существо».**

* О. Александр Мень. Сказка о сотворении человека.

** О. Александр Мень. Слово на венчании.

О. Александр говорил, что брак — это чудо Божие:

«Когда „двое становятся одной плотью“, это есть чудо, божественный дар, которым обладают только люди».

Когда фарисеи, искушая Христа, спрашивают Его:

«По всякой ли причине позволительно разводиться мужу с женою?» Господь отвечает: «...что Бог соединил, того человек да не разлучает» (Мк. 10:9).

Сам Бог соединяет в браке мужчину и женщину, это Его установление, Его владение, человек не должен вмешиваться в дело Божие.

«Для любого человека пытаться разъединить то, что соединил Бог, является актом невежественного вызова против воли Божьей, — пишет Эд Уит. — Печальное состояние распада семей в мире — результат непрерывных попыток сатаны разрушить самое ценное установление на земле».*

И прежде всего сатана пытается разрушить христианские семьи, ведь семья — это Церковь. Вспомним, первое, что сделал сатана после того, как оторвал человека от Бога, он разрушил отношения любви между Адамом и Евой. В самой первой семье возникли разделение и ненависть.

«Сатана разрушает семьи», — говорит Божья Мать в Меджугорье.

Эд Уит пишет о женщине, которая приводила доводы для своего развода:

«По-видимому, она считала, что Бог поймёт её попытку исправить неудачный брак, расторгнув его, подобно тому, как исправляют ошибку на экзаменационном листе, аккуратно стирая её резинкой».**

«Наш брак был ошибкой», — думают многие люди. Итак, разорвём и начнём сначала?

* Эд Уит и Глория Паркинс. Любовь в браке.

** Там же.

И сколько будет таких попыток? Мужчина, имеющий проблемы в семье, не получающий достаточной заботы и любви со стороны жены, ищет другую женщину, чтобы получить от неё то, что недостаёт ему в своём доме. Это обычное поведение, но это не путь любви. Для того, кто не получает ответа на свои чувства, остаётся один путь, путь любви агапе, любви, не ставящей условий.

Существует поговорка: брат любит сестру богатую, муж — жену здоровую. Увы, в большинстве случаев это так.

Врач, работавшая в институте протезирования, рассказывала: когда руку или ногу теряет мужчина, жена его отдаёт ему всю себя, только бы помочь ему, на глазах становится старухой, забывая о себе ради него. Если же несчастье случается с женой, мужа сбегает, не дожидаясь, пока будет изготовлен протез.

Но христианам заповедано иное. Апостол Павел велит мужу любить жену, как своё тело и предавать себя за неё, как Христос предаёт себя за Церковь. Иными словами мужу заповедано любить жену крестной любовью и, как пишет св. Иоанн Златоуст:

«...не останавливаться ни перед чем, даже перед смертью, для блага жены».*

И такая любовь встречается в наши дни. Эд Уит свидетельствует о том, как муж верно и преданно любил свою жену в течении пятнадцати лет, не встречая ответной любви из-за её болезни. У неё развился церебральный атеросклероз. Постепенно она потеряла все умственные способности и перестала узнавать мужа. В течении первых пяти лет муж сам ухаживал за ней. Он часто брал её в гости, с гордостью представляя её своим знакомым, как свою жену, знакомя её со всеми, несмотря на то, что она делала замечания невпопад. Он всегда относился к ней с большим почтением и окружал её большим вниманием,

* Православное понимание любви и брака.
Маранафа.

что бы она ни говорила и ни делала. Пришло время, когда доктора сказали, что её нужно поместить в лечебницу для постоянного и интенсивного ухода. Она прожила там десять лет, будучи прикованной к постели. Он бывал у неё каждый день. Возил её на прогулки – на их ферму, в город или в гости, не смущаясь тем, что она почти не понимала, что происходит. Он никогда не сказал о ней ничего отрицательного. Никогда не жаловался, что её содержание в больнице обходится слишком дорого. Он всегда заботился о самых лучших условиях для неё и делала для неё всё самое лучшее.

Этот человек был верным и преданным даже тогда, когда из-за болезни жены его любовь не встречала ответного чувства в течении пятнадцати лет. В конце этой истории автор говорит, что он был близко знаком с этой супружеской парой:

«Это были мои чудесные родители», – говорит он.*

Я сама и наши прихожане были свидетелями подобной жертвенной любви. Это была пара в нашем приходе. Он женился на ней, когда она уже была в инвалидной коляске. Возил её в этой коляске на службы в храм. И так было двадцать пять лет. Когда она умерла, он написал о ней эссе, полное любви, горя и слёз. Я часто видела его в гостях, перед моими глазами стоит его измученное, доброе лицо, светлый взгляд. Таких людей немного, и они сияют, как звёзды в ночи.

Джо Круассан пишет:

«Любовь проходит очищение, и кризисы на этом пути порой приводят к измене. Возможность вернуться для мужчины всегда есть, если женщина остаётся верной и любящей. Её призвание в том и состоит, чтобы защитить любовь, когда той грозит опасность, противопоставляя измене верность, не осуждая, храня молчание. Возвращение может быть долгим и трудным, но главное, чтобы путь к нему был открыт.

* Эд Уит и Глория Паркинс. Любовь в браке.

Если только она с надеждой обратится к Богу, то поймёт: это шторм, а вовсе не кораблекрушение».*

Мать Тереза говорит, что для истинно верующего человека не бывает безнадёжных ситуаций. Господь, воскресивший Лазаря, Сам восставший из гроба, способен, при нашем желании, воскресить и преобразить самые безнадёжные отношения.

«Для единосущного Отцу нет преград и необратимых процессов».**

Примером великой жертвенной любви в Библии является любовь пророка Осии. После рождения троих детей Гомерь покинула Осию. Она ушла от него к любовнику, а затем стала жрицей Ваала. Осия проводил бессонные ночи, полные тоски и смятения. После долгих напрасных попыток вернуть жену, в которых проходили годы, однажды Осия очутился на рынке рабов. Вдруг он увидел, как один жрец Ваала подвёл женщину к месту продажи рабов. Сердце его остановилось. Это была Гомерь. Она выглядела ужасно... Совсем нагой она стояла на деревянном помосте. Ни один мужчина не смотрел на неё со страстным возбуждением. Она выглядела измождённой, постаревшей и худой, как щепка. Все рёбра её были видны сквозь кожу. Её волосы были спутаны и в них была видна проседь, а в глазах её мерцал огонь безумия. Осия заплакал. Тогда тихий голос Божьей любви прозвучал в его сердце. Осия выкупил Гомерь за пятнадцать сиклей серебра. Он нежно обвил её измождённое тело белым одеянием и сказал ей: «Гомерь, ты моя по праву мужа. А теперь ты снова моя потому, что я купил тебя. Ты не будешь больше уходить от меня и заниматься блудом. Некоторое время ты будешь приходить в себя, а потом я восстановлю тебя полностью к радостной жизни моей жены». Она глубоко вздохнула и у пала в его объятия, потеряв сознание... Осия сказал народу:

* Джо Круассан. Призвание женщин или священство сердца.

** О.Александр Мень. Сын Человеческий.

«...Израиль обратится и взыщет Господа Бога своего... И там, где говорили об Израиле „Лорухама – не любимая“, будут говорить „Рухама – любимая“, потому что любовь Божья не оставит вас, но будет сопровождать до конца ваших дней. И там, где Израиль назывался „Лоамми – не мой народ“, будет сказано, „Амми – вы народ Бога живого“, потому что Я прощу вас и восстановлю вас».*

О. Александр Мень пишет о пророке Осии:

«У него первого в Священном Писании брак, любовь мужа и жены, становится символом союза Бога с человеком»

И далее о. Александр говорит об Осии очень важную вещь:

«Ему было дано пережить трагедию неразделённой любви, трагедию измены и одиночества для того, чтобы к нему прикоснулась невыразимая тайна, тайна Божественной Любви и Страдания... Пророку, любовь которого покрыла все муки измены, явилась неугасимая Любовь Божия. Он – возлюбивший, Он – всепрощающий».**

Иногда является загадкой, как два совершенно разных, непохожих друг на друга человека могут быть вместе.

О. посетила старца Афанасия. «Сидим мы с матушкой и плачем, – говорил он, – я, что женился, а она, что замуж вышла, ничего у нас общего, совсем разные!» А сам весь светится. Старенький, с длинной белой бородой и детскими, добрыми глазами.

Сон О.: откуда-то сверху она смотрела на землю и видела текущие в океан Вечности, океан Духа светлые и тёмные каналы, словно вены и артерии земли – наши жизни. И она слышала голос о. Александра, который говорил ей: «Не надо поддаваться искушению съезжать в тёмные ка-

* Приводится по книге: Эд Уит и Глория Паркинс.
Любовь в браке.

** О. Александр Мень. Вестники Царства Божия.
Откровение любви Божией. Пророк Осия.

налы. Если с земной точки зрения есть аргументы это сделать, то с точки зрения Вечности этих аргументов нет».

О. Александр Мень говорил:

«В семье всякое бывает. Иногда надо перетерпеть».*

Да, бывают мучительные браки. Почему? Мы не знаем этого, как не знаем многого в этой жизни.

Св. Иоанн Златоуст приоткрывает эту тайну:

«С тобой ведёт войну жена, при входе твоём встречает тебя, как дикий зверь, изошряет язык свой, как меч? Прискорбно, конечно, что помощница сделалась противницею; однако, исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление женщины отмщается женщиною, и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач — Бог... А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует божественное Писание; оно говорит, что грешному мужу дастся злая жена»** (ср. Сир. 26:3).

Христос пришёл восстановить падшего человека, его отношения с Богом и подобные им отношения брака. И в том и другом случае, это отношения веры и верности. Как Един для нас Господь, так единственными в нашей жизни должны быть муж и жена. Созидание брака — это труд, и подчас, очень тяжёлый. А что подлинное в этой жизни не стоит труда?

О. Александр, приводил в пример Пушкина, поэтические строки которого льются одна за другой легко и естественно, как дыхание.

«А посмотрите на его черновики!» — говорил он.

А Шопен? Его музыка изливается на нас сплошным потоком вдохновения, как будто ангел диктовал ему, а он лишь записывал. А как он сочинял? Жорж Санд вспоминала: он

* Воспоминания В.Н. Кузнецовой.

** Св. Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. Псалом третий.

метался по комнате, плакал, ломал перья, по сотни раз переписывал фрагменты музыки заново, иногда только для того, чтобы вернуться к первоначальному варианту...

И при этом, всегда страдание от невозможности достигнуть совершенства. Идеала, к которому стремишься.

Левитан, выразивший в своей живописи самую душу русской природы, страдал от того, что не может в совершенстве передать «божественное нечто, разлитое в природе».

А труд музыканта, призванного облечь в музыкальную плоть загадочные строчки нотного текста, что сказать о нём? На это уходят годы, вся жизнь...

А какие бывают кризисы, какие срывы в жизни артиста! Гениальный пианист Владимир Горовиц двенадцать лет не мог выступать. Архитектор Гауди всю жизнь строил собор и умер, не закончив строительства, его сбила машина, когда он переходил улицу.

А вырастить ребёнка, разве это не подвиг? Сколько сил на это бывает затрачено, скольких мучений нам это стоит! А теперь подумаем, взрастить здесь на земле затоптанный сатаной райский цветок, возвести храм — мистическое подобие св. Троицы, почему мы думаем, что это должно нам стоить меньших трудов, усилий и страданий? Льюис пишет:

«В мученическом браке, если уж он и случился и если муж его вынес, главенство мужа ближе всего к главенству Христа... Муж — глава женов равной мере, в какой Христос — глава Церкви, а Христос «предал Себя за неё» (Еф. 5: 25). Тем самым, главенство это воплощено всего лучше не в счастливом браке, а в браке крестном — там, где жена много берёт и мало даёт, где она недостойна мужа, где её очень трудно любить. У Церкви лишь та красота, которую даровал ей Жених. Он не находит красавицу, а создаёт её. Мир, которым помазали мужа на царство, — не радости, а горести, болезни и печали доброй жены, эгоизм и лживость дурной, нетленная и скрытая забота, неистощимое прощение... Христос провидит в гордой, слабой, ханжеской, фанатичной, теплохладной Церкви Невесту, которая предстанет перед

Ним без пятна и порока, и неустанно трудится, чтобы её к этому приблизить. Так и муж, уподобивший себя Христу, а иное нам не дозволено».*

О. Александр Мень говорил на венчании:

«Обычно людям желают, чтобы они прожили безоблачно, счастливо. Я вам, однако, желать этого не буду, потому что не бывает так, чтобы у людей не было трудностей, трений, испытаний. Но пожелаю, чтобы вы сумели всё это перенести, твёрдо, мужественно и с честью выйти из всех этих тёмных полос вашей жизни».**

Он предупреждал об испытаниях.

В опере Моцарта «Волшебная флейта» жрецы прежде, чем соединить влюблённых, проводят их через испытания огнём и водой, и в этом глубокий смысл того, что любовь испытывается в этой жизни, и мы испытываемся здесь на прочность.

Мучительный брак. А разве сама жизнь человека не бывает мучительной? Что мы знаем о жизни? Что мы знаем о смерти? Почему рождаются и умирают больные дети?

Шведский писатель и врач Аксель Мунте терзался неразрешимым вопросом, почему смерть щадит стариков, позволяя им легко умирать, засыпая в своей постели, а детей заставляет умирать страшной, мучительной смертью?

О. Георгий Чистяков едва не стал богоборцем, когда на его глазах в Республиканской больнице один за другим умирали дети. Применимо ли к нашей жизни понятие справедливости?

Моцарт, одаривший мир бесценными сокровищами своих творений, из которых на нас изливается источник чистой райской радости и целомудренной печали, в последние годы жизни (а он умер в 36 лет), изнемогал от нужды и домашних бедствий и писал душераздирающие письма своему другу, умоляя о помощи. Несравненный гений, он умер в нищете, гроб его никто не сопровождал, он был

* К. Льюис. Любовь.

** О. Александр Мень. Слово на венчании.

похоронен в общей могиле для бедняков, место которой доныне остаётся неизвестным.

Великий Бетховен, больной и глухой, одинокий в равнодушной Вене, был вынужден закладывать посудную утварь, чашки и ложки, чтобы не умереть с голоду, и не мог выйти на улицу в дождливую погоду, потому что не имел обуви.

Почему Бетховен с его целомудренным и пламенным сердцем, великим сердцем, биение которого мы слышим в его музыке, Бетховен, всю жизнь мечтавший о жене и домашнем очаге, так и не обрёл спутницу жизни? Его жалобы в письмах другу о его одиночестве надрыдают сердце. Почему он не смог соединиться со своей «бессмертной возлюбленной», имя которой он тщательно укрывал от любопытных взглядов потомков, которой он писал: «Мой ангел, моё всё, моё я...»?

Имя Шуберта при его жизни было почти неизвестно, он жил в бедности, друзья снабжали его нотной бумагой, временами голодал. Одно время у него даже не было фортепьяно, и он писал свои произведения за письменным столом. Аксель Мунте с горечью писал о нём:

«Ни одна женщина не любила его, и всё же какой душераздирающий вопль страсти сравнится с „Гретхен за прялкой“? Возможно ли более трогательное самоотречение, чем „Миньона“, и более пленительная любовная песнь, чем „Серенада“? Ему шёл тридцать второй год, когда он умер таким же нищим, каким жил. У того, кто написал „К музыке“, не было даже собственного рояля! После смерти его имущество — одежда, несколько книг, кровать — были проданы с аукциона за шестьдесят три флорина. В ветхом чемодане под кроватью нашли ещё много бессмертных песен, более ценных, чем всё золото Ротшильдов в той Вене, где он жил и умер».*

Когда-то моя учительница французского Т.А. говорила мне, что в лучшие свои минуты она думала: «Как я могу быть счастливой, когда вокруг столько людей так мучаются!» *«Вся тварь совокупно стенает и мучается доныне...»* (Рим. 8:22).

* А. Мунте. Легенда о Сан Микеле.

Мир стонет, агонизирует, а мы хотим устроить свой счастливый семейный мирок, не неся своей части креста? Это безумие, мы просто не понимаем, где мы находимся. Тагуэл писал:

«Христос страдал и умер, ибо удел человеческий — страдание и смерть... Мы должны знать, где мы есть, если хотим выйти оттуда».*

Земное счастье? Пушкин сказал нам: «На свете счастья нет...», а мы ему не верим.

Когда Кшиштофа Занусси спросили в интервью:

«Почему в ваших картинах счастье, как правило, заканчивается катастрофой?» — он ответил: «Потому, что это закон. Мы не можем быть счастливы на этой земле. Счастье — не в этой жизни».

И ещё:

«До тех пор, пока я знаю, что хоть один человек на этой земле страдает, для меня желание быть счастливым — это безнравственно, это позор!»**

Спросим себя, какое счастье было у Божьей Матери? Всецело посвятив себя Богу, она отрелась от женской любви. На последних днях беременности, она должна была перенести утомительное путешествие в Вифлием. Когда перед Ней и Иосифом закрылись все двери, ей пришлось родить Младенца в хлеву. И очень скоро бежать в Египет, спасая жизнь Ребёнка от Ирода. Жить в языческой стране до смерти Ирода. Она пережила страшные три дня, потеряв двенадцатилетнего Иисуса на празднике в Иерусалиме. Евангелие молчит о Ней, и мы почти ничего не знаем о переживаниях Богоматери на протяжении трёх лет проповеди Иисуса. Но можно догадываться, что когда до неё доносились слухи о том, что Её Сын восстановил против себя фарисеев и что они замышляют убить Его, душа Её терзалась страхом. А что пережила Она за страшные часы допросов, попыток и страданий Иисуса на кресте, нам не под

* С. Тагуэл. Беседы о блаженствах.

** Кшиштоф Занусси. Интервью с Повзнером.

силу даже представить. Один святой писал, что если бы Господь Её не поддерживал, Она бы не выдержала, умерла вместе с Ним. В Заповедях блаженства счастье, которое нам обещано, всегда соседствует с болью: «Блаженны плачущие...». У поэта Руми есть стих: «Помни хадис: „Рай окружён болью“».

В Библии неоднократно встречается метафора страданий, как мук рождения. «*Муки родильницы постигнут его*» — о Ефреме (Осия, 13:13) или — «*Ужаснулись, судороги и боли схватили их, мучаются, как рожающая*» — о Вавилоне (Исаия, 13:8). «*Ибо, когда будут говорить „мир и безопасность“, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигнет имеющую во чреве, и не избегнут*» (1 Фес. 5:1-8). Иисус также прибегает к этой метафоре: «*Женщина, когда рождает, терпит скорбь*», — говорит он.

Наша земная жизнь — подготовка к жизни небесной, мы здесь рождаемся в мир иной, а роды бывают мучительны. «*Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Небесное*», — пишет в послании апостол Павел. «*В мире будете иметь скорбь*», — предупреждает нас Иисус. Он не сказал: «Будете счастливы», но — «*будете иметь скорбь*». Никто не обещал нам здесь счастливой жизни.

Художник Константин Коровин пишет, что в детстве, когда умерла его маленькая сестра и он недоуменно с болью в сердце спрашивал себя: что это, зачем это? — он увидел в небе светящийся крест.

В Меджугорье многие видят на небе этот крест. Мы многого не можем понять в этой жизни. Мы знаем одно: Господь наш Иисус Христос, Телом и Кровью Которого мы причащаемся за литургией, в страшных муках умирает на кресте. И Он продолжает нести его. Паскаль говорил, что Христос будет агонизировать до конца истории.*

Он несёт на себе эволюцию человечества. И Он просит нас, его друзей, его учеников помочь Ему нести этот крест, крест любви, страданий и служения.

* Блез Паскаль. Агония христианства.

«Кто поможет Мне, если вы, друзья Мои, причастившиеся Мне, не сплотитесь вокруг Меня?» — говорит Иисус в мистическом дневнике Босси.*

«*Носите бремена друг друга*» — это сказано, прежде всего, о наших самых близких, о наших семьях, о муже, о жене.

— Любовь — это всегда страдание, — как-то давно сказал мне на исповеди о. Александр Мень.

«*Кто не возьмёт креста своего*»... Господь не требует от нас чувств, они изменчивы, и подчас мы вовсе не способны их испытывать, но Он ждёт от нас верности. Отец Александр Мень говорил, что вера — эмуна — очень близка к понятию верность. Не сошёл Господь с креста, не сошёл! Хотя ему глумливо кричали об этом прохожие, начальники и фарисеи, и Он мог бы, если захотел, это сделать. Но Он явил Своей смертью, что «*до конца возлюбил нас*».

«Ты умер, Тебя больше нет в этом мире, что нам делать? Божья Матерь остаётся у креста. Она показывает нам пример — мы должны продолжать исполнять свой долг. Даже, если нам кажется, что Тебя больше нет».**

Многого мы не можем понять, живя на земле. Многое от нас сокрыто. И нам трудно до конца понять, почему единение мужчины и женщины в браке определено Богом, как нерасторжимое. Быть может, потому, что мы здесь только «*начатки Его созданий*», нам предстоит ещё бесконечная лестница духовного восхождения, и в процессе которого могут быть развязаны самые сложные узлы земных, человеческих отношений, от нас требуется только добрая воля и прощение. «*Что разрешите на земле, будет разрешено и на небе*» (Мф. 18:18). И брак, начинаясь на земле, продолжается в вечности, его конечная цель и исполнение — на Небе. Только там, в Царстве Божиим, раскроется эта «*великая тайна*», о которой говорил апостол Павел, как и тайна каждой судьбы, каждой человеческой личности.

* Ф. Босси. Он и я.

** Католические молитвы Крестного пути.

Смертельная скорбь

«Я отступаю от того, кто отступает от жены, города или страны. Ты недоволен ими? Ты их часть. Ты в них часть, тяготеющая к благу. Твоё дело — увлечь за собой остальное. А не судить, глядя со стороны... Ты отрёкся от своего дома и, значит, отрёкся от дома вообще. Отрёкся от жены и, значит, отрёкся от любви. Ты оставил женщину, откуда же возьмётся любовь?»

Экюпери. «Цитадель»

Муж любил меня. Он всегда нежно обо мне заботился, возился со мной. На даче прибегал ночью по моему стуку наверх — полежать со мной, когда я не могла заснуть или меня мучили страхи. В Испании находил для меня самое уютное кафе и брал мне кофе с шоколадкой для моего полного удовольствия. Когда родился Миша, он каждый день в страшную жару прибегал под окна ко мне в больницу, так что мне было неудобно перед моими соседками, которых мужья редко или вообще не навещали.

Когда я упала и сломала руку, он тут же прибежал ко мне на помощь. Когда меня привезли с кровотечением в больницу, он, заглянув в раскрытую дверь, сказал:

— Если бы я мог войти туда вместо тебя!

Когда на дачу нагрязнул мой тяжёлый в общении отец, а я себя плохо чувствовала, он примчался из Москвы меня выручать. Он меня вдохновлял и поддерживал, радовался моим радостям и успехам. Однажды сказал мне:

— Когда ты улыбаешься, у меня колыхается сердце.

«О память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной».*

Господи, пусть он вспомнит! Пусть вспомнит, как мы ходили, обнявшись, в Лизьё. Вспомнит мой «волшебный» супчик, после которого, как он говорил, шутя, родился Мишенька. Вспомнит все наши с ним молитвы, встречи с братом Роже и Жаном Ванье. Вспомнит, как я выбегала к нему, такая счастливая, из моря в Испании. Как мы сидели там под лодочкой «Маринада», потому что на ней звучало моё имя. Вспомнит, как, когда мы с ним были без Миши, он говорил, что у него словно часть изнутри оторвали. Вспомнит, как мы с шестилетним Мишей приехали в Испанию. Перед нами простирался песчаный берег, озарённый вечерним солнцем, в двух шагах от нас плескалось, играя волнами, море, тихое и прекрасное. Миша обернулся к нам:

— Папа, я люблю тебя... мама, я люблю тебя!

Он был счастлив. У него было всё: папа, мама и море; папа, мама и Бог. Бог смотрел на нас сверху и улыбался. Вспомнит наши прогулки в лесочке на даче, где они с Мишей собирали ветки для костра, пока я, раскладывая еду, счастливая, наблюдала за ними, а когда язычки пламени устремлялись к небу, мы пели вместе «Царю Небесный». Пусть вспомнит все наши с ним Причастия и благословения, вспомнит комнату в одном храме Швейцарии с табличкой «Тишина!», где хранилась капля крови Христа, что мы там чувствовали... сколько священных мгновений было пережито нами вместе! Наши шاباتы в Лизьё, шاباتы в доме Ал. на Чистых прудах, вспомнит, как мы шли с ним через поле в Царёво и пели «Едит нефеш», вспомнит Иерусалим и горницу Тайной Вечери, где горели наши

* Константин Батюшков. Мой гений.

сердца, там были американцы из Аризоны, глаза их светились. О, как мы все любили друг друга!

Я гуляла по аллее дома отдыха, навстречу мне шла маленькая женщина с чемоданчиком, вид у неё был потерянный. Она спросила у меня дорогу к корпусу, и когда я взялась проводить её, через несколько слов она сказала мне, что от неё ушёл муж.

— Он приходит ко мне, разговаривает со мной, — растерянно произнесла она.

Я увидела, что ей очень плохо и спросила, принимает ли она лекарства. Да, она принимала лекарство, эглонил.

— Это самое страшное, что было в моей жизни, — сказала мне женщина, пережившая развод.

— В смерти нет человеческого утешения, — услышала я когда-то от моего давнего друга.

— Это, как смерть, — сказала мне подруга, от которой ушёл муж, — ты умираешь.

И другая женщина, оставленная мужем, сказала мне:

— Когда за ним закрылась дверь, я умерла.

Это была агония. Я умирала. Не было утешения, никакого утешения.

— Ходи каждый день на литургию и на мессу, — сказал мне о. Георгий.

И я ходила. Господь прижимал меня к Своему сердцу, Он говорил мне: «Меня тоже предали. Иди ко Мне».

Только Он, видевший наш зародыш в материнской утробе, Он Один, сотворивший наше сердце, только Он может исцелять эти раны.

— Хочешь ли Ты, чтобы он вернулся? — спросила я Его на адорации. «Вы для меня — одно. Я страдаю больше тебя, эта рана проходит через Моё сердце, — ответил Господь. — Я беру на Себя твою боль, отдохни».

И я отдыхала. Я ищу и нахожу Его следы повсюду. В таинственном шелесте весенней листвы, в нежной прелести полевых цветов, в благодатном лесном покое, в лёгком кружении ласточек в закатном небе, в летящих по небу осенью золотых листьях. В ласковом шёпоте летнего дождя ночью

и в трогательной белизне первого снега. В зовущих идти по ним неведомо куда лесных тропинках и полевых межах в золотом поле... В порывах вдохновения, загорающихся в душе, подобно язычкам пламени...

О мой «чудный остров, лучший в мире дом блаженства и любви»,* страна стран, страна моей души! Мгновенное озарение сердца, таинственный «чудный олень, вечной охоты» (Грин). Мой великий Друг, мой вечно желанный, всё на свете: природа, любовь, музыка, книги, города и страны, — всё это Твоё, всё о Тебе, всё для Тебя, Тебя Одного.

«Лишь для Тебя поэты каждый час, перебирая тёмные виденья, картины ищут, образы, сравненья, хоть брызжет одиночество из глаз».**

О Тебе шумит лес, к Тебе тянутся вверх деревья, о Тебе благоухают цветы и шелестят травы. О Тебе шепчут волны, о Тебе возвещают горы, о Тебе молчат пустыни. Всё стремится к Тебе, всё к Тебе влечётся, всё плывёт к Тебе, как все реки текут в море.

«Лишь вечное море — наша предельная цель. Оно движет тайным притяжением реки и души».** **

«Глаз создан, чтобы видеть вещи, душа — вкушать отрады рая». ****

После причастия я вновь оказываюсь в Лизьё, где мы были с ним вдвоем, где впервые познала радость сердца, где Бог прикоснулся к моей душе. Только сейчас она возросла во сто раз. Я вся в огне, в душе разлито благоухание, она объята пламенем, она утопает в блаженстве. Я не одна, я ощущаю его рядом с собой, я уже не могу отличить себя от него, мы с ним — одно. Я понимаю, это — обещание. И я верю, я робко надеюсь, что когда-нибудь оно исполнится. Страшное бывшее Бог сделает небывшим, а наше маленькое счастье в Его лучах станет таким прекрасным, каким мы его вообразить не могли на земле.

* Г. Пёрселл. Ария из полуоперы «Король Артур».

** Райнер Мария Рильке. Часослов. О пути на богомолье.

*** О. Александр Мень. Письмо к А.

**** Дж. Руми. Роющие золото.

Освобождение

*И ещё несчастней,
кто не прощает:
он, безумный, не знает,
как аист ручной из кустов выступает,
как шар золотой
сам собой взлетает
в милое небо над милой землёй.*

Ольга Седакова

Когда смертельно раненый убийцами о. Александр, истекая кровью, шёл по дорожке к своему дому его встретили две женщины, которые спросили:

— Батюшка, кто вас?

— Никто, я сам, — ответил он.

Он их не выдал. Я поняла, в последние минуты жизни он молился за своих убийц. Он остался верен Христу до конца. В один из самых тяжёлых дней, когда моё сердце давила страшная обида, я пошла в костёл. Стоя на коленях после Причастия, я увидела окровавленный лик о. Александра. И тут же меня «отпустило».

Это был его немой призыв ко мне о прощении. «Мы не можем запретить злым помыслам витать над нашей головой, но мы можем не позволить им свить там гнездо». Хорошо известно, что не все наши мысли являются на самом деле нашими.

«Дьявол прикрывается нами самими, скрывает свою голову и свой хвост», — писал св. Иоанн Кронштадтский.

Распознать его действие можно по тому смятению, которое он вносит в душу. Но как можно им противостоять? Когда на меня находит мрак и душа начинает метаться в душном коридоре жестоких и страшных воспоминаний, когда из неё рвутся слова гнева и осуждения, я взываю к Богу о помощи, говоря Ему, что не хочу этих мыслей, что хочу только любить Его, Его одного. И наваждение тут же оставляет меня. В мире, в котором бушуют волны злобы и ненависти, в котором идёт непрестанная борьба сил света и тьмы, мы ответственны также и за наши мысли...

В книге А. Уминского есть трогательный рассказ о том, как маленький мальчик предлагает своей крёстной помолиться «за тех, кого мы не любим». И когда она с удивлением согласилась, он выдохнул: «Господи, спаси Бармалея!»

Это «спаси Бармалея» вдруг что-то всколыхнуло в моей душе, что-то очень давнее, давно забытое. Что-то из детства. Дети всегда прощают, они не помнят зла, потому что живут любовью. Они пьют её, как цветы росу из небесного источника, собирают повсюду духовными хоботками и изливают на окружающих.

Когда я, занимаясь с маленьким Мишей на фортепьяно, теряла терпение и повышала голос, он с плачем бросался меня обнимать, он хотел вернуться к любви. Дети готовы всех любить. Главное, что им нужно в нас, взрослых — доброта. Они говорят про учителя — он добрый! И это высшая похвала. Не какой-нибудь умный, знающий — добрый.

Так же судил о людях Бетховен:

«Не знаю иного признака величия, чем доброта», — говорил он.

Раненному князю Андрею перед смертью открылась любовь, «для которой не нужно предмета, которая есть самая сущность души» (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

О. Александр Мень рассказывал: когда совсем старенького апостола Иоанна приносили на встречи с учениками,

он всё время говорил им: «Дети, любите друг друга». «Почему ты всё время говоришь нам только это одно и ничего больше?» — спросили его ученики. — «Потому, что больше ничего нет», — ответил он.

«А как насчёт того человека, который охотится за невинными маленькими девочками? Как быть с ним, Маккензи? Этот человек виновен? Нужно ли его судить? — Да! — закричал Мак. — Пусть горит в аду! — Он виновен в твоей потере? — Да! — А его отец, который превратил жизнь сына в кошмар, как быть с ним? — Да, он тоже виновен! — Как далеко мы зайдём, Маккензи? Ведь это наследие изломанных душ тянется к самому Адаму, как же быть с ним?» (Уильям Пол Янг «Хижина»).

Летний солнечный день. Я стою на высоком обрывистом берегу Оки в хороводе светящихся солнцем берёз, ноги утопают в душистых травах, внизу блестит река. Я в земном раю. Из сердца рвутся слова благодарения, вспоминаю Бунина — «и цветы и колосья...» Да, здесь преддверие рая. А как же мои враги? Вспоминаю:

«Помоги мне, Отец! Помоги! Что мне делать? Как я могу его простить? — Скажи ему... — Как, Отец? — Просто скажи это вслух... — Я прощаю тебя. Я прощаю тебя. Я прощаю тебя» («Хижина»).

— Я прощаю тебя, — говорю я, глядя в просветы синего неба в верхушках берёз, — я прощаю тебя.

И мою душу немедленно заливают потоки мира и радости...

В конце жизни Шекспир написал три пьесы, отличные от всего, что было создано им до сих пор. Это «Буря», «Цимбелин» и «Зимняя сказка». Когда мы от «Гамлета» переходим к «Буре», то словно спускаемся из высокого и мрачного горного ущелья в мирную долину, где веет нежный ветерок, где так легко дышится и можно, наконец, отдохнуть.

«Буря» — это прощание и завещание Шекспира. В ней он приходит к новой вере и новому доверию, к милосердному Провидению. Если датского принца мучила навязчи-

вая мысль о мщении, основная идея «Бури» – это прощение.

Миланский герцог Просперо, незаконно лишённый престола братом Алонзо и изгнанный им из королевства с дочерью Мирандой, обретает чудесное спасение на волшебном острове. Когда через двенадцать лет корабль его врагов приблизился к острову, он силой волшебных чар вызвал бурю и заключил потерпевших кораблекрушение гонителей в плен. Однако, страдания пленников, любовь его дочери Миранды и сына Алонзо, Фердинанда заставляют Просперо отказаться от мщения. По пьесе Шекспира написана последняя «полуопера» Перселла «Буря».

Необычный строй звучания, выделяющий «Бурю» среди других произведений Перселла, её удивительная гармония, благозвучность, ясность словно навеяны особенной, «райской» атмосферой шекспировской пьесы, полной таинственных небесных звуков, утишающих боль, вселяющих надежду.

Одна из прекрасных арий «Бури» – ария Ариеля в III акте – «Осуши свои слёзы». Она знаменует момент перелома, освобождения, прощения небес, предчувствие нового, блаженно-счастливого существования. Слушая неземной красоты бесконечно льющуюся мелодию, мы словно выпадаем из потока времени, оно перестаёт долеть над нами.

«Текущая вечность», – говорил о таких произведениях искусства о. Александр Мень.

Прощение, к которому приходит Просперо, означает освобождение не только для пленников, но и для его собственной души. Освобождение от гнёта обиды и мстительных чувств, долгие годы державших его в плену.

В глубине своей мы все жаждем мира. О, как измучено наше сердце кипящей в нём враждой, как подавлено грузом обид, которыми мы его душим, как изнемогло от пут осуждения, которыми мы его связали! Когда же мы, наконец, позволим ему, этому бедному сердцу, сбросить давящий его гнёт и вздохнуть свободно?

Св. Иоанн Кронштадтский пишет о непрощающих обиды: дьявол тебя гонит, а ты ещё и сам себя гонишь. Когда мы лелеем в сердце обиду, душа наша страдает.

Когда дух воздуха Ариель рассказывает Просперо о страданиях пленников, охваченных безумием, тот проникается к ним чувством жалости:

Уж если дух бесплотный
Им сострадает, — неужели я,
Подобный им, с такими же страстями
И чувствами, не пожалею их
Сильней, чем ты?
Я оскорблён жестоко,
Но благородный разум — против гнева,
Великодушие сильнее мести.

Великодушие. Забытое нами слово, устаревшее понятие. Ему можно учиться у великих людей, таких, как Бетховен, Шопен.

В молодости Бетховен горячо любил девушку, свою ученицу Джульетту Гвиччарди, имя которой он увековечил, посвятив ей сонату, впоследствии названную современниками «Лунной». Себялюбивая кокетка, она причинила ему тяжкие страдания, и в конце концов вышла замуж за графа Галленберга.

Несколько лет спустя она обратилась к Бетховену с просьбой о помощи её мужу, попавшему в тяжёлое положение. И Бетховен помогал ему. В своей разговорной тетради за этот год он написал:

«Он (Галленберг) был моим врагом, именно поэтом у я сделал для него всё, что только возможно».

Величие души Бетховена живёт в его творениях. Его Адажио из 32-й сонаты для фортепьяно, финал Девятой симфонии с «Одой к радости» Шиллера омывают душу океаном света, вознося её в те высокие, звёздные сферы духа, где уже нет ничего тёмного: ни боли, ни страдания, только бесконечная радость.

Благородную натуру Шопена больше всего характеризует случай, описанный его другом художником Эженом Делакруа. Когда отношения Жорж Санд и Шопена были близки к разрыву, последняя в своём романе «Лукреция Флориани» под именем князя Кароля вывела Шопена в самом неприглядном виде и прочитала этот роман в присутствии Делакруа Шопену вслух.

Делакруа пишет, что испытывал страшные муки во время чтения этого романа, в то время как Шопен не переставал восхищаться повествованием.

Возвращаясь с Шопеном домой, Делакруа пытался выяснить его истинное мнение; быть может, Шопен притворился перед ним?

«Он и правда, не понял, — пишет Делакруа, — и продолжал в разговоре со мной восторгаться этим романом».

«Можно ли представить себе сцену, более для Шопена характерную? — пишет в книге о Шопене Ярослав Ивашкевич. — Невероятно, чтобы он не узнал себя в этой карикатуре, но даже ближайшему другу он не хочет дать в руки оружия против женщины, которую когда-то любил».

«Когда слушаешь эту музыку, нельзя на кого-нибудь злиться», — сказала десятилетняя девочка о «Ноктюрне ми-бемоль мажор» Шопена.

Музыка Шопена уносит нас в мир совершенной красоты и любви. Она воскрешает в нас грёзы юности и уверяет, что мы были правы в своих мечтаниях.

Это мир, куда безотчётно стремится наше сердце, который мы предчувствуем в наших снах, по которому томится и тоскует наша душа. Такой далёкий и странно знакомый, словно мы уже были там когда-то, только не можем вспомнить, когда...

Шопен приоткрывает невидимую завесу, позволяя нам заглянуть в него, подышать нездешним, родным нам воздухом, унести с собой его образ и затаить в сердце надежду когда-нибудь остаться там навсегда.

В эпилоге «Бури» Шекспир устами Просперо говорит о том, что все мы нуждаемся в прощении:

...Мольба, душевное смиренье
Рождает в судьях снисхожденье.
Все грешны, все прощенья ждут.
Да будет милостив ваш суд.

Я рассказала сюжет «Бури» в третьем классе, и мы прослушали арию Ариеля.

— И мы больше не будем чувствовать время, — радостно подхватила Анжела, — и не будем стареть, и не будем умирать... Ну и пусть брат Просперо хотел его утопить, Просперо всё равно его простил, потому, что он добрый! — говорит Анджелла, и глаза её сияют.

Мать Тереза говорит: «Ярче всего вера сияет в детском сердце».

Земное небо сердца

Господь отдаёт нам Всего Себя, и он хочет, чтобы мы также поступали по отношению к своему избраннику. Понятие о целомудрии жениха и невесты, вступающих в брак, утрачены нами. Немногие знают, что брачные венцы на венчании — это ещё и награда за подвиг сохранения целомудрия до брака.

О. Александр говорил, что мужчина, вступающий в интимную связь до брака, обкрадывает свою будущую жену. Когда-то давно я прочла роман, написанный малоизвестным у нас французским писателем, погибшим в двадцать семь лет во Второй мировой войне Алленом Фурнье — «Большой Мольн». Это трагическая повесть о большой любви. Случайно занесённый судьбой в незнакомое поместье юноша попадает на необычный праздник, где хозяйками были дети. Там он встречает прекрасную девушку, страстная любовь к которой вспыхивает в его сердце. Едва успев познакомиться с девушкой, он неожиданно ночью вместе с другими гостями был увезён из поместья. Вернувшись домой, он долгие месяцы с помощью своего верного друга пытается отыскать следы затерянного поместья, но это ему не удаётся. В Париже, в глубокой тоске бродя вокруг дома прекрасной незнакомки, где никто не живёт, он встречает другую тоже тоскующую девушку и изменяет своей любви. И тут его друг, наконец, обнаруживает его мечту, девушку, которую

они так долго искали, и устраивает их встречу. Но Мольн уже не может быть счастлив. Совершается свадьба, а наутро он покидает свою молодую жену. Скорбь об утраченной чистоте, кто сейчас может это понять!

«Чистота — земное небо сердца».*

«...Когда я открыл Безымянное Поместье, — говорит Мольн другу, — я ощутил себя на такой высоте, на вершине такого совершенства и такой чистоты, каких мне никогда уже не достигнуть. Только в смерти — я, может быть, смогу вновь обрести красоту тех дней...»

Что же такое эта чистота, потерю которой оплакивает герой романа, она только в нас, или ещё где-то? Нас трогает, словно что-то пробуждает в нас, белизна первого снега, который так любят дети... Первый снежный покров на чёрных стволах деревьев. Белоснежное убранство цветущих вишен и яблонь, которым подражают в своих подвенечных нарядах невесты. Белоснежное оперение лебедей и белизна лилий, которые любил Иисус... Нас умиляет свежесть росистого летнего утра, когда над зеркальной чуть подёрнутой рябью гладью реки стоят бело-розовые пушистые облака, нежно стрекочут кузнечики и совершают свой бесшумный полёт чайки.

«Ясность весеннего утра ставит другой вопрос: мы знаем, что чистота его не в нас. Она существует сама по себе, но ищет своего выражения».

Чистота детского взгляда... Эти образы трогают наше сердце и пробуждают в нас память детства.

«В самом опустившемся из людей живо детство, оно неуничтожимо и в любую минуту может воскреснуть; жива та часть его самого, которая не извела испорченности. Сколько раз сквозь поблекшие черты перед нашим взором проступало это навсегда погребённое целомудрие! Случалось, что заповедь Христа: „Если не обратитесь и не будете как дети...“ — звучит в нашей душе в своём более узком смысле: если не обратишься и не станешь как тот ребёнок, каким был...»**

* Св. Иоанн Лествичник.

** Франсуа Мориак. Во что я верю.

Тайна будущего века

...Вдумаемся в эти слова: самые таинственные, самые волнующие отношения любви Бог берёт символом для Своих отношений с человеком. Наш завет с Богом — это брак. Наш брак, в мистическом смысле, завет, договор с Богом.

Никакие разделения здесь невозможны — «не разрушай образа Святейшей Троицы...»

Мы заключаем этот договор не только на эту жизнь, но на всю последующую вечность. Мы вступаем в брак с Богом и друг с другом, полнота которого осуществится на Небе. Нам ничего не сказано о тайне брака и о будущем единении Христа и Церкви, кроме загадочных слов апостола Павла о *«великой тайне»* и не менее загадочных слов в Книге Бытия о *«единой плоти»*, на которые ссылается Иисус.

Но мы предчувствуем её, эту волнующую тайну. Мы рождены для неё.

«В человеке живёт огромное желание, невыразимое томление, стремление к далёкому недостижимому идеалу, либо утерянного в прошлом, либо предчувствуемого в будущем», — писал Роберт Шуман.

Эта тайна невыразима словами, о ней можно говорить только на языке поэзии и музыки.

«Мы страстно стремимся к близости, потому что мы рождены по образу совершенной близости».*

Нас печалит земное несовершенство всякой любви и всякой дружбы, потому что это лишь преддверие, намёк, мы рождены для большего.

«И так любовь, мгновенна, словно звук, как молния среди глубокой ночи блеснёт, едва успеешь ты сказать: „Смотри!“».**

«Я приведу вас к Любви, о которой говорила всякая любовь».** **

В ней, в этой великой тайне — заключено исполнение того, что не выразить словами, *«что не видел глаз, и ухо не слышало, что приготовил Господь любящим Его»*. (1 Кор. 2:9).

«Душа расправляет крылья лишь на просторах смысла», — писал Экзюпери.

Сознание головокружительно высокой цели брака, его священного замысла, как тайны нашего вечного блаженного соединения с Богом, может вдохнуть в нас мужество и силы стоять в вере и верности и сражаться с полчищами демонов за своё сердце и сердца наших близких.

Жестока это борьба. Достоевский говорил о деятельной любви, что она «есть дело жестокое и устрашающее». Но и ставка высока.

Наша жизнь завершится, как все прекрасные сказки — свадьбой. В сказках ничего не говорится о жизни героев после свадьбы, потому что нет таких слов, чтобы рассказать о небесной радости. Наше самое глубокое желание сбудется.

«Дверь, в которую мы стучали всю жизнь, наконец, открывается».** ** **

* Джон Эдридж. Необузданное сердце.

** Шекспир. Сон в летнюю ночь.

*** Г. Хоуард. Христос — Тигр. В Кн.: Петер Крифт. Небеса, по которым мы так тоскуем.

**** К. Льюис. Время славы.

Все, что мы всю жизнь искали, к чему горячо стремились, по чему тосковали и томились душой, — всё это исполнится и превзойдёт все наши ожидания. Нам это обещано. Если Господь по Своей благодати удовлетворяет наши естественные потребности в воздухе, пище, воде и тепле, то у Него есть и вода, утоляющая самую глубокую нашу жажду.

Когда б в покорности незнания
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Михаил Лермонтов

«Земля корабль тебе, а не жилище».*

В этом мире мы не дома, мы гости, *«пришельцы и странники»*, мы ощущаем себя отделёнными от самой сердцевины жизни, от её источника, от нашего Небесного Отечества. Но чтобы мы не заблудились в этой «стране теней», нам даны вехи для возвращения домой.

Они у каждого свои: особенно близкий душе уголок природы, уводящая вдаль лесная тропинка Левитана, музыкально льющемся строфы поэмы Пушкина, окрыляющий душу экспромт Шопена, светящие нам в пути маяки любви, порывы творческого вдохновения и высокие молитвенные состояния, невыразимые переживания близости Божией — это зовы Оттуда, из той заповедной дали, куда устремлены сокровенные желания нашего сердца.

* Св. Тереза имени Младенца Иисуса. Исповедь одной души.

И все эти мелодии когда-нибудь сольются в одну песнь Любви, как и реки наших жизней — в вечный Океан Духа. Всеобщее духовное единение, к которому стремится наш мир — великая цель мироздания, «песнь творения», как называет его о. Александр,* оно наступит, когда совершится брак Агнца с Его творением, когда не нужен будет храм, им будет Агнец, когда придёт полнота радости и любви и «будет Бог все во всем». (1 Кор. 15:28).

И воссоединение полов, о котором пишут святые, мистики и философы, по-видимому, должно стать частью этого великого космического единения И, как в начале создания, явилась любовь Адама и Евы, так, если верить тексту древней рукописи Евангелия, их брак на небесах станет той первой ласточкой, тем знаком прихода Царства Божия, о котором сказано, что «оно уже пришло, там, где двое уже не двое, но одно».**

Символ брака, единения самого близкого, самого таинственного, самого пламенного и желанного, Бог берёт метафорой для Своей любви к человеку.

По учению одного из отцов Церкви, таинство брака подобно Евхаристии, причащению верующих.***

Когда апостол Павел говорит «тайна сия велика есть», он говорит о браке супружеском, как «единой плоти» и, одновременно, о брачном союзе Христа и Церкви, Бога с душами верных. И то и другое остаётся для нас тайной до времени: тайной невообразимого на земле блаженного слияния двоих в одно: мужа и жены, Христа с душой, она дана нам уже в этой жизни, как предчувствие, как залог святого Духа, но полностью раскроется в жизни будущего века.

* О. Александр Мень. Беседа с юношами.

** Митрополит Антоний Сурожский. Таинство любви.

*** Там же.

Огонь поядающий

Верность Богу – позвоночный столб Духа.

О. Александр Мень.

*Я решил: следовать за Господом
всем сердцем своим.*

*Ещё решил: не важно, будут ли
верны Богу другие, буду верен я.*

Джонатан Эдвардс

Господь творил этот мир с великой любовью, и эта любовь явлена нам в природе, живой и неживой.

Девочка Анна в книге Финна плачет оттого, что окружающие не способны понять красоту отбитого железного обломка, его цвета, его кристаллической структуры. Любовь создала цветы и камни, звёзды и скалы, горы, леса и реки, моря и океаны. Ею сотворён маленький ползущий по земле муравей и величаво ступающий по прерии огромный слон. Заболевшая меланхолией маленькая девочка в рассказе Куприна ожила и стала поправляться, когда ей домой привели из цирка настоящего слона – на неё дохнула большая волна любви и доброты Божьей.

«Наш мир – это любовное послание», –
говорит Питер Крифт.*

* П. Крифт. Небеса, по которым мы так тоскуем.

Окружающая нас природа полна символов, через них Господь говорит с нами.

«Не то, что мните вы, природа, не слепок, не бездушный лик...» (Тютчев).

Многое из того, что Иисус сказал нам в Евангелии, было явлено Им в природе. Поэтому Иисус в Своих притчах так любит обращаться к образам природы — зерну, дереву, птицам, цветам. «Человеческая любовь имела уже в предках человека некий свой прообраз, прототип».*

У высокоорганизованных животных мы видим примеры трогательной привязанности самца и самки. И уже в природе мы встречаем примеры моногамии — у голубей, у лебедей. Это прообраз той любви, к которой Господь призывает человека.

Человек, как самое высокое из Божьих творений, с печатью на себе Духа Творца, должен был иметь и высшую, по сравнению с животным миром, форму любви. Брак был задуман Творцом, как неразделимый вечный союз одного мужчины с одной женщиной, но грехопадение исказило этот первоначальный замысел. Однако в Ветхом Завете, несмотря на обычай патриархов иметь нескольких жён, присутствует намёк на моногамию. У Авраама любимая жена Сара, хотя первый ребёнок родился от Агари. Иаков любил Рахиль, при том, что Лия рожала ему много детей, а у Рахили долгое время детей не было.

Повеление любить одного заложено Творцом глубоко в нашем сердце. В начале пути никто из нас не думает о вторых браках, мы мечтаем встретить своего единственного, единственную. В «Воспитании чувств» Флобера есть эпизод, когда в компании молодых людей заходит разговор о женщинах и они спрашивают мнение Дюсардьё:

«Ну так вот, — сказал он, краснея, — я хотел бы всегда любить одну и ту же!»

Это было сказано так, что на миг наступило молчание; одних изумило чистосердечие Дюсардьё, а дру-

* О. Александр Мень. О любви.

гим в его словах открылось то, о чём они, быть может, втайне мечтали сами».

О. Александр Мень пишет, что библейская моногамия связана с неповторимостью, уникальностью человеческой личности. Каждый человек драгоценен в глазах Божиих, за каждым Пастух идёт на поиски, оставляя всё стадо. В Талмуде сказано: человеческая душа дороже всей вселенной. Поэт сказал:

Ты – самое драгоценное, драгоценнее, чем Небо и Земля,
Что мне сказать более? Ты не знаешь собственной цены.*

Бог любит каждого из нас, как Своего единственного, за каждого Он отдаёт жизнь. Господь – однолюб!

И Он создал нас подобными Ему. По-настоящему мы можем любить лишь одного.

«Но единственная – она, голубица моя, чистая моя», – сказано в Песни Песней.

«Единственная, потому что по-настоящему можно любить только одного», – говорит отец Александр (Песн. 6:9).**

Прекрасная мечта о большой любви воплощена в таких бессмертных творениях человеческого духа, как греческий миф об Орфее, библейская Песнь песней, «Ромео и Джульетта» Шекспира, оперы Верди «Аида» и «Травиата». Она вдохновляет бесчисленные поколения поэтов, художников и музыкантов. Она живёт в каждом из нас.

Почему же они так волнуют нас, эти сказания о бессмертной любви? Что поднимается в наших глубинах им навстречу? Чей зов мы слышим тогда, и откуда это чувство глухой тоски, когда мы сознаём своё бессилие ему последовать?

«Ветер струит дым, флюгер и флаг, осенние листья,
шляпа прохожего, лепестки яблонь – всё стремится,

* Turklib: Suffism: Стезя любви.

** Александр Мень. Библия и литература XX века.
(Из книги «Мировая духовная культура»).

отрывается, мчится и — в этот момент — одно. Глухой музыкой тревожит оно остановившуюся среди путей душу и манит. Но тяжелей камня душа, завистливо и бессильно рассматривает она ожившую вихрем даль, зевает и закрывает глаза» (А. Грин).

Мы слышим его в курлыканье летящих журавлей, в летающих внезапно с неба порывах ветра, он доносится до нас, словно далёкие раскаты грома, словно глухой рокот морского прибоя. Это зов Божьей любви.

«Шма Израель! Слушай, Израиль!». Призыв слушать в Библии означает крайнюю важность сообщаемой вести. Бог объясняет человеку, как нужно любить Его:

«Господь Бог твой есть Бог Единый! Возлюби Его всем сердцем своим, всеми помыслами своими, всем существом своим, и ближнего своего, как самого себя» (Втор. 6:4).

Господь призывает нас любить Его, Единого Бога пламенной любовью, на иврите — אהבת [двека] и подобной ей любовью, от того же корня — אהבת [двекут] любить своего ближнего, своего единственного супруга, как самого себя.

Господь в Библии назван Богом-Ревнителем. *«До ревности любит дух, живущий в нас»* (Иак. 4:5). Это означает, что Он требует безраздельно всего нашего сердца.

Ревность, «зелох», как пишет Баркли, имеет ещё значение «обжигающий жар». По мысли Баркли, истина заключается в том, что Господь страстно любит души людей.*

Когда-то Адам и Ева наслаждались своей любовью друг к другу и любовью к Богу, которого они видели лицом к лицу. И тоска по этой полноте любви, недостижимой в этой жизни, живёт в нас. Поэтому, в поисках любви, мы всегда ищем Бога, зная или не зная об этом.

Бог есть Любовь. В Ветхом Завете любовь между мужчиной и женщиной была метафорой отношений Бога с Израилем, в Новом Завете апостол Павел сравнивает её с любовью Христа и Его Церкви. Поэтому так яростны на-

* Уильям Баркли. Комментарии на послание ап. Иакова, гл. 4.

падки сатаны на брак, его неустанные попытки разрушить самое ценное творение Божие. Сатана ненавидит брак всем своим существом и, как в эдемском саду, он приходит к нам для того чтобы разрушить и погубить его.

Человек – любимое творение Божие – создан для вечной жизни, и любовь к человеку требует вечности. Глубоко на дне океана, куда не достигают ветры и бури, зреет в раковине драгоценная жемчужина. И плод любви медленно созревает в глубине сердца.

Здесь на земле нам не дано его увидеть, он будет явлен на Небе. Чтобы проникнуть в замысел гениального творения композитора, музыканту нужна вся жизнь.

Человек – это гениальное творение Бога, нужен неустанный труд сердца, терпение и смирение, чтобы открыть в человеке образ Божий, нужен труд всей жизни.

А «взгляд, перебегающий с одного на другого, теряет из виду Господа» (Экзюпери).

«Любовь никогда не перестает», – говорит апостол Павел, отношения любви требуют вечности. Глубоко в нашем сердце заложена жажда вечной любви. А всякое наше естественное желание должно иметь объект своего удовлетворения, и это значит, что где-то есть вода, утоляющая эту нашу жажду.

Любовь бессмертна. Семя любви посеяно Богом в наших сердцах, и оно должно прорасти в Вечности.

«И стебли объятий перерастают нас, свою почву» (Рильке).

В кризисах и испытаниях, ссорах и примирениях, разлуках и возвращениях зреет, подобно жемчужине на дне океана, брошенное в наше сердце зерно Божественной любви. Экзюпери и его жена Консуэлло не умели жить вместе и жить друг без друга, они расставались и вновь возвращались один к другому. А после того, как Экзюпери не вернулся из последнего полёта, через несколько лет, море выбросило браслет с инициалами Консуэлло, быть может, в знак того, что их союз принёс плод в Вечности. Пер Гюнт в драме Ибсена ни одного дня не жил со своей

возлюбленной Сольвейг. Сорок лет она ждала его в лесной избушке и своей верностью спасла его душу от вечной гибели.

«Жена моя», — говорит ей Пер в конце пьесы. Их мистический брак совершился. Существует тайна, о которой сказал мне однажды мой умерший друг: когда близкий нам человек умирает, он становится нам ближе, словно входит в нас.

В фильме «Дорога» Феллини странствующий артист возит в своей повозке девушку, которую делает своей женой. (Её играет Джульетта Мазина). Он ни во что её не ставит, не думает о ней, изменяет ей, она его любит. Но вот она умирает, и её образ вместе со звуком трубы, на которой она играла, преследует его. Он кричит в душевной муке, затыкает уши руками, пытается убежать от него — и не может избавиться от преследующей его тени.

Всякая человеческая любовь имеет своим началом Любовь Божественную. Но особенно близка к ней любовь мужчины и женщины.

Здесь «самое пламенное, самое драгоценное, самое вожденное для Бога».*

От начала творения Бог, соединив мужчину и женщину, зажёл в их сердцах огонь любви, подобный тому священному огню, который пылает в недрах Божества, в лоне Святой Троицы. И Он хочет привести к этой любви, к этому единению самый трудный брак, как Он хочет омыть, возвысить и привести к Себе Свою Невесту — Церковь.

Мы сотворены по образу св. Троицы. В своих высших проявлениях человеческая любовь имеет Божественную природу, и мы должны быть верными ей, если не хотим потерять самих себя, своё христианское достоинство. Стержнем любви является верность. Как наше тело опирается на позвоночник, а без него превратилось бы в бесформенную массу, так без стержня верности мы превратимся в духовно аморфные существа. Вера и верность — одноко-

* О. Александр Мень. О любви.

ренные слова. Верный — тот, кто надёжен, на кого можно положиться. Господь верен, Он *«до конца возлюбил нас»*.

И на Его любовь мы призваны ответить верой и верностью. Первым плодом грехопадения было предательство. Когда Адам на вопрос Бога ответил: *«жена, которую Ты мне дал, она дала мне есть»*, он предал Еву, *«плоть от плоти своей»*, фактически он предал самого себя.

Всякое предательство — это прежде всего предательство самого себя, измена той глубочайшей сущности, которая заложена в нас Творцом. В нашем падшем мире за верность надо бороться. В этой духовной войне нам приходится сражаться с тремя противниками, говорит Джон Эдридж:

«со своим ложным „я“, ветхим человеком, который всегда ищет лёгких путей, с прелюбодейным миром, который склоняет нас к неверности, и с дьяволом, который нашептывает нам свои мысли, часто принимаемые нами за свои».*

Как в Ветхом Завете Бог неустанно зовёт к Себе неверный Израиль, так в Новом Завете Он призывает нас к верности, закон которой написан уже не на каменных скрижалях, но в наших сердцах. Любовь двоих неповторима, уникальна, как уникальна и неповторима каждая человеческая личность, и Бог живёт в ней.

Брак — великая тайна, сказано в послании апостола Павла, это одно из таинств будущего века. Потому так абсолютны требования Христа к браку, который должен быть нерасторжим и свят.

«Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев...» (Мф. 5:2).

Богу не нужны умеренно религиозные христиане. Евангелие — это огонь.

«Бог наш есть — огонь поядоющий» (Евр. 12:29).

Христиане, которые предпочитают то, что выгоднее, удобнее, спокойнее, не понимают призыва Христа.

* Дж. Эдридж. Необузданное сердце.

Христианство — это всегда призыв к абсолютному. Иисус хочет воспламенить наши сердца, сделать нас подобными Ему. Бескомпромиссность Евангелия устрашает нас, и мы часто ищем обходных путей. Но их нет.

«Жизнь дана вам только для святости», — говорит Иисус Босси.*

Трудно даются нам истины Божьи. Много лет понадобилось Израилю для усвоения Моисеева закона. А когда настал срок, Бог дал нам новый закон, закон любви, начертанный в наших сердцах.

«О бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки!» — упрекает Иисус путников на дороге в Эммаус (Лк. 24:25).

И мы так же медлительны сердцем к слышанию слов Христа. Две тысячи лет назад Господь возвестил нам истину о любви мужчины и женщины, самом прекрасном замысле Бога, и она всё ещё не дошла до нашего сердца.

С. Аверинцев назвал свою статью о браке «Несвоевременным опытом христианского взгляда на вещи», понимая, что христиане, в большинстве своём, ещё не готовы принять заповедь Христа о его нерасторжимости.

Но Бог долготерпелив. О. Александр говорил, что по сравнению с историей человечества, христианству всего лишь несколько дней. Христианство только начинается.

«Мы ещё неанандертальцы Духа и нравственности».**

Бог продолжает Свою работу по сотворению человека. Только о нём не сказано в Библии, как о всём другом Божиим творением: «И увидел Бог, что это хорошо», потому что работа над человеком не завершена, «человек на верстаке у Бога»***.

Бог говорит с нами на тысячу ладов: через образы природы, искусство, музыку, Он обращается к нам со страниц Своего Евангелия, Он взывает к нам из глубин нашего

* Ф. Босси. Он и я.

** О. Александр Мень. Христианство.

*** Б.И. Берман. Библейские смыслы.

существа. Он тихо стучится в дверь нашего сердца. Бог ждёт, Он страдает. Его вопль на кресте «Жажду!» вызывает к каждому сердцу. Он жаждет нашей любви, жаждет нашей верности.

«Бог страдает. Над миром Его сердце, источающее кровь. Это кровь искупления, кровь Евхаристии».*

Верность — это земля, стоящая на своих основаниях,
Это плывущие в гавань корабли,
Это луна и солнце и звёздное небо над нами,
Это огни маяка, вспыхивающие вдали,
Это летящая к югу птиц перелетная стая,
Это сосны, тянущиеся ввысь,
О, моё сердце, вернись, вернись к верности!

Верность — это любить одного и отдать ему своё сердце,
Это стоять на страже своих чувств,
Это и во мраке продолжать надеяться,
Это страдать, не разжимая уст,
Это ось, по которой земля вертится,
Это жизни святого безумство,
О, моё сердце, вернись, вернись к верности!

М. Роднянская

* О. Александр Мень. Вестники Царства Божия. Откровение любви Божией. Пророк Осия. .

Ласточки

*Помни, говорю я, помни,
помни, говорю и плачу:
всё покинет, всё переменится
и сама надежда убивает.*

*Океан не впадает в реку;
река не возвращается к истокам;
время никого не пощадило —*

*но я люблю тебя, как будто
всё это было и бывает.*

О. Седакова

*Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил,
Кто знает? — не останется ли её полёт?*

Р.М. Рильке

Я шла по вечернему полю, золотому в лучах закатного солнца. Где-то в траве пела невидимая птичка. В детстве летом я жила на Украине, там в песчаных карьерах над рекой Десной селились бесчисленные стрижи.

Мне очень хотелось птенчика, и один мальчик достал и принёс мне птенца. Но я не знала, как с ним обращаться, перекормила его мухами, и он умер. Мое горе, когда крохотный трепетный комочек замер в неподвижности в моих руках, а глазки его затянулись кориичне-

вой плёнкой, было неопишимо. Две недели, стоило мне вспомнить о птенце, как из моих глаз текли потоки слёз, я ведь понимала, что сама погубила птичку.

«*Посмотрите на птиц небесных...*». Господь нежно любит птиц, может быть потому, что они – символ души, её устремлённости к небесному, Он сравнивал с ними человеческие души. Душа человека – та же птичка небесная, она так же хрупка, нежна, её легко ранить, а можно и убить.

Когда-то в юности мне попало стихотворение, с тех пор я его нигде не встречала, помню только, там были строки: «Не убий у галки галчонка...» – и повторялся рефрен: «Не убий, не убий любви».

Особенно ранимо и незащищено женское сердце, ведь в любви для женщины заключена вся её жизнь. Она призвана принимать, дарить и хранить любовь, поэтому, отдавая любимому своё сердце, она отдаёт ему всё.

Бросая женщину, мужчина не только наносит ей неисцелимую рану, он ещё ранит живущего в ней ребёнка. О. Александр в своей сказке о сотворении человека дважды говорит, что Бог словно вёл за руку к Адаму девушку, девочку. Я думаю, он говорит так потому, что в каждой женщине живёт девочка с её бессознательным желанием нравиться, девочка, делающая себе бусы из рябиновых ягод, любящая наряжаться и воображать себя принцессой, девочка, в душе которой рождались неясные мечты о чём-то чудесном, счастливом, таинственно-прекрасном, что непременно должно сбыться в её жизни.

Для Поллианны в книге Портер символом этого счастья становятся хрусталики люстры, отбрасывающие на стену цветную радугу. Мария, героиня повести Гоудж, хранит в душе, как заветную мечту, представшее ей в ночном саду видение белой лошади-единорога.

В моём детстве мы с девчонками делали «секреты»: закапывали в землю фольгу от конфет, прикрытую цветными бутылочными стёклами, когда их раскапывали, они там так таинственно блестели. И, конечно, для меня символом заветной тайны всегда была новогодняя ёлка,

пахнувшая лесом, украшенная большими разноцветными шарами, которые сказочно мерцали в темноте при зажжённых ёлочных лампочках.

Позже я узнала свою мечту в порхающем, таинственно-тревожном, словно куда-то зовущем вальсе снежных хлопьев в «Щелкунчике», который неожиданно переходит в хор детских голосов за сценой, распевających без слов на а-а-а, в тот момент, когда Маша с принцем улетают в волшебную страну и воскрешающем в душе давно забытые блаженно-счастливые чувства раннего детства.

Когда мы с Мишей были на спектакле «Поллианна», в сцене, где Поллианна у мистера Пендлтона перебирает хрусталики люстры и по стенам зрительного зала под тихую музыку поплыли, переливаясь, разноцветные огоньки, из моих глаз полились слёзы – то заплакала моя душа, в которой жившая в ней с детства мечта о счастье, как о чём-то чудесном, влекущем, таинственно-прекрасном была сейчас так грубо и безжалостно разрушена. Муж мой тоже страдал, может быть, даже больше меня. Я не помню его за эти три года иначе, как удручённым, потерянным и подавленным.

Бог посылал нам Своих вестников. Так в нашем доме неожиданно появился о. Сергей, высокий, благородно красивый, седой, с пронизательным взглядом тёмных глаз, добрый, умный и очень смиренный. Гораздо позже я узнала о его сане епископа. Он долго беседовал с мужем наедине, а когда они вышли из комнаты, сказал:

– Ну, поцелуйтесь, – и мы поцеловались, – ваша любовь станет ещё сильнее, ещё крепче, чем раньше, – сказал он.

Дорогой о. Сергей! Вас уже нет в этом мире. Вы так хотели, чтобы мы были вместе, и я верю, что Вы молитесь теперь за нас на Небе, молитесь вместе с о. Александром, который предсказал нашу встречу, молитесь вместе с Клер, которая очень переживала за нас и говорила мне с недоумением:

– Глядя на вас, сразу видно, что вы муж и жена, вы даже внешне чем-то схожи и внутренне.

Митрополит Антоний Блюм пишет, что сказанным на венчании «да» мы даём обещание любить, принимать и прощать супруга всегда, даже в случае измены. Если он вернётся ко мне, я встречу его криком радости. Я никогда не скажу ему ни слова упрёка, я буду напоминать ему только самые счастливые мгновения, которые мы переживали вместе, которые я пережила, благодаря ему.

Его утренние нежные записочки со смешной рожицей вместо подписи, они все бережно у меня хранятся; красную розочку 20 числа каждого месяца, которую он приносил мне в честь 20 марта и 20 февраля, дня, когда мы обвенчались. Я помню, как он избавлял меня от муки, когда по вине небрежного дантиста острый край зуба натирал мне щеку, как он осторожно, закрыв глаза, нащупывал пальцем режущий уголок зуба и ловко убирал его наждачной бумагой. Как мы с упоением читали на даче Диккенса, и он объяснял мне звучание некоторых фраз в английском подлиннике, вместо «Баркис не прочь» — «Баркис желает».

Помню, как мы с ним с наслаждением слушали Пёрселла, композитора, которому мы обязаны нашим знакомством, у нас с ним была любимая мелодия — заключительного дуэта с хором из «Бури», такая умиротворяющая и нежная: «No stars again» — «звёзды не будут вновь грозить нам с небес».

Я никогда не забуду наши с ним походы в консерваторию и зал Чайковского, как мы однажды слушали вальсы Шопена в исполнении Вирсаладзе, и когда она заиграла тот, который играла я, он подмигнул мне и прошептал:

— Ты играешь лучше!

— Все наши с тобой походы на концерты — мгновения непреходящей ценности! — говорил он мне.

Я не забуду, как мы слушали на даче оркестровую музыку и он дирижировал под неё, как заправский провинциальный дирижёр, так похоже изображая выразительной мимикой и взмахами рук все смены настроения и вступления разных групп оркестра, заставляя меня покатываться со смеху.

Я не забуду, как мы вместе готовили день на радио «Орфей» и он сделал две прекрасные передачи — о своих любимых гитаристах, о Джулиане Бриме и о песнопениях монастыря Шеветонь, откуда нас увели с начала службы, но где мы успели, к счастью, купить диск замечательного пения монахов, такого нежного и одухотворённого.

Я не забуду, как он вдохновлял меня на мои передачи по радио и доставал для них из Англии редкие диски Пёрселла через своего друга Дюарта. Как он сказал однажды, что плакал, слушая мою передачу о Рильке, и что если бы он меня не знал, то всё равно бы влюбился, услышав мой голос по радио.

Я не забуду, наши встречи Нового года на даче, как мы, отдав дань моим праздничным салатам, танцевали под песни любимого нами Дассена, и он переводил мне их слова с французского. До сих пор, когда я слышу эти мелодии, у меня сладко и горестно сжимается сердце.

Я напомним ему наши с ним путешествия, которые мы так любили. «Путешествие — это юность», приводил он мне чьи-то слова. Как он радовался моей радости и каждый раз по прибытии куда-либо торжественно произносил: «Мариночка в Испании!» или «Мариночка в Софрине!»

Как мы однажды, изголодавшись на встрече Тэзе в Варшаве, прибежали в ресторан, где нам подали за очень скромную цену вкуснейшую еду, которой вполне хватило бы на четверых.

Как однажды, возвращаясь с пляжа Девиль-Трувиля в Лизьё, он перепутал поезда, и мы сели на экспресс, который привёз нас в Париж, где мы оказались без копейки денег и вынуждены были возвращаться в три часа ночи зайцами в Лизьё. Как я трепетала перед контролёром, готовясь, что нас сейчас заберут в полицию, но муж сумел так драматически описать ему нашу ситуацию (они там очень интеллигентные, совсем не похожие на наших держиморд), что тот нас отпустил с миром.

Как он заботливо укладывал мне в коробочку кассеты и магнитофончик, чтобы я слушала их в Доме отдыха, а когда

он приезжал туда ко мне, мы с ним совершали, как я их называла, «музыкальные прогулочки» — бродили по полю, по одному наушнику в ухе каждого, слушая наши любимые концерты Баха и сонаты Скарлатти в исполнении Глена Гульда.

Я напомню ему, как, возвращаясь из Лизьё, он молился маленькой Терезе, чтобы никто не занял рядом со мной место в автобусе, зная, что я не засну сидя, и как он ликовал, когда его молитва была услышана! Я никогда не забуду все наши с ним поездки в Лизьё в общину Беатитюд, где мы купались в атмосфере любви, словно были уже в раю, как я гордилась его свободным французским, его обаянием, которым он очаровывал собеседников.

Л., увидев нас вдвоём в Лизьё, сказала мне:

— Он словно твой ангел-хранитель.

Я помню всех наших друзей в Испании и во Франции. В Калейе падре Нарцисса, у которого мы однажды ночевали дома, сбежав из шумной гостиницы, и колоритную пожилую домохозяйку Кармен, вполне добропорядочную, в отличие от героини оперы Бизе, посещающую мессу утром и вечером, с которой мой муж ухитрялся болтать по-каталонски (я всегда поражалась его способности мгновенно схватывать языки), о её детях и внуках. А в Лизьё — пару Филиппа и Анну, с которыми мы ужинали в их доме в Эрмевале, и в кафе, где я произнесла по-французски заученную с его слов фразу из «Маленького принца», которая очень их тронула: «Запомни хорошенько то, что я тебе сейчас скажу: ты навсегда в ответе за тех, кого приручил».

Летним вечером в деревне я смотрела, как над крышами домов носятся с нежным щебетом неугомонные ласточки. Так и мои мысли непрестанно вьются вокруг тебя, где бы ты ни был, душа всюду ищет тебя:

«Где ты? Где ты? Ты ещё помнишь? Живо ли ещё твоё сердце?»

Если однажды ночью, или среди бела дня ты почувствуешь порыв необъяснимой тревоги, услышишь внутри себя глухие стенания совести, знай: это моя боль, моя тоска, моя любовь настигли тебя.

Глубокой зимой, когда я захочу вспомнить лето, я закрою глаза и вновь увижу в вечернем небе кружение неутомонных ласточек, увижу золотое поле, по которому мы с тобой бродили вдвоём.

А когда ты закрываешь глаза перед сном, какие видения предстают твоему мысленному взору? Вспоминаешь ли ты нас вдвоём вечером на даче, меня за пианино, себя в кресле у окна с английскими книжками? Вспоминаешь ли нас с тобой в Царёве, в Новой Деревне, гуляющих в лесу, в поле, или в Мальграте по берегу моря? Помнишь ли ты ещё слова любви, которые говорил мне перед сном?

Когда-нибудь ты мне скажешь их вновь. В летний вечер на реке горела золотая солнечная дорожка, что есть силы трещали кузнечики, из воды выскакивали и, блеснув серебром в воздухе, с лёгким всплеском падали обратно в реку маленькие рыбки, и меня охватило чувство вечной любви Божией.

Ничто не потеряно, у Бога нет безнадёжных потерь.

— Расскажи мне сказку, чтобы в начале было хорошо, в середине плохо, а в конце опять хорошо, — просила я взрослых в детстве.

«Бог создал человека, потому, что Он любит истории», — сказал один писатель.

Бог сочиняет с нами Свою прекрасную сказку, в которой Он — главный Герой, а мы — Его возлюбленные, и Он непременно приведёт её к хорошему концу.

«Порядок творенья обманчив, как сказка с хорошим концом».*

Я знаю это, как знаю то, что после долгой зимы проснутся и зашумят листвой деревья, закачаются под тёплым ветром полевые цветы, а в закатном небе вновь будут носиться с нежным щебетом, описывая всё новые круги, вечные спутницы лета, быстрокрылые ласточки.

* Б. Пастернак. Иней.

Мишенька

(Продолжение)

Грудного, мы с мужем привезли его летом в Царёво. Он много кричал и плакал, и я боялась, что ребёнок болен. Мой отец отвёз нас на машине в районную детскую консультацию. В кабинете врач взяла его, завёрнутого в одеяло, на руки и, взглянув на него, сказала сестре: — Золотое яичко!

Он много плакал, и мы, по знакомству, повезли его, полуторамесячного, в какой-то Мединститут (не помню уже какой). Врач держала его на весу за ручки и, в то время, как он орал благим матом в знак протеста против такого с ним обращения, диктовала сестре медицинские термины, как-то: энцефалопатия и др., а та записывала их в медицинскую карту.

— Ну, ребята, — сказала она нам, закончив процедуру осмотра, — у вас очень серьёзный ребёнок.

У меня при этих словах упало сердце. Дальше последовал ряд указаний, что мы должны с ним проделывать: лечебные ванны, особый массаж и много чего другого.

— Спасибо вам, — сказал мой потрясённый муж, — его ещё никто так не смотрел.

Возвращались мы крайне подавленные. Дома я позвонила давнему другу нашей семьи,

врачу Ю. М., который обладал даром всегда нас успокаивать и давать нужные советы.

— Да они всем ставят эту энцефалопатию, — произнёс он своим спокойным добрым голосом, — у нас тут одному в доме тоже ставили, так он сейчас во дворе в футбол так гоняет!

И он засмеялся. Его слова совершенно меня успокоили, и никаких процедур мы делать не стали. Он, был прав, никакой энцефалопатии у Миши не было.

С трёхмесячным Мишей мы приехали в Москву из Царёва, где жили летом, и положили его в кровать, откуда он смотрел на нас испуганными глазами.

— Комната другая, — наклонившись над ним, ласково сказал ему муж, — а лица те же, всё те же любящие тебя...

Как он понимал его, как чувствовал его тогда! Когда Мише было полтора года, мы привезли его в медицинский центр к врачу Аде Михайловне. В кабинете его усадили на стол, он с любопытством озирался по сторонам.

— Ой, какой добрый! — произнесла Ада Михайловна.

Она была права, он от природы был очень добрым. Я никогда не замечала в нём жестокости по отношению к животным, свойственной многим детям. Ему было четыре года, мы с ним сидели на лавочке, и он взял в руки гусеницу.

— Отпусти её, — сказала я, — он непонимающе смотрел на меня, — может быть, это папа, у него есть детки.

И он тотчас разжал пальцы.

В три года на даче я рассказывала ему евангельские чудеса, и он, сидя с ножками в глубоком кресле, слушал меня, раскрыв рот, и требовал:

— Ещё! Ещё!

В четыре года, стоя на дорожке у дачи, взволнованно говорил мне:

— Хочу быть святым! Всё буду делать, кушать не буду! — и застенчиво добавил, — очень люблю Господа!

Он рос тонким, нервным, очень впечатлительным ребёнком. В пять лет я повела его во МХАТ на «Синюю

птицу». Он был захвачен спектаклем, всецело поглощён происходящим на сцене, не упускал ни одного слова, ни одного жеста актёров. Когда Огонь, произнеся свою реплику, сел на приступку в отдалении от остальных, Миша прошептал мне:

— Он специально сел там, чтобы их не обжечь!

А когда мы вышли из театра на Тверской бульвар, он устроил мне истерику. Я возмущалась:

— Вот и води его в театр!

Я не понимала его тогда, а теперь поняла. Мы, взрослые, уже привыкли и смирились с тем, что приходится возвращаться из обаятельного мира искусства, из его тёплых объятий, где мы на краткий миг попадаем в страну нашей мечты, страну нашего сердца, на нашу духовную родину — обратно в жёсткий и холодный мир, на землю изгнания. Мы не морщимся от боли, шутим и даже улыбаемся. Но он, в первый раз переживая эту драму, не умел притворяться и лицемерить. Он не хотел смириться с тем, что его так внезапно вырвали из волшебной сказки, где ему было так хорошо, обратно на эту неуютную землю. Он бунтовал.

— А помнишь, как ты в детстве всех любил? — спросила я его однажды.

— Папу... — растерянно произнёс он.

Папу. После окончательного ухода папы не осталось и следа от того солнечного ребёнка, каким он был когда-то. Он не плакал, не жаловался, только перестал улыбаться, стал угрюмым, неразговорчивым и часами сидел за компьютером. Погас.

— Сломали ему душу, сломали! — причитала бабуся.

Вырвали из детства.

— Танком по нему проехали, — сказала Л.

Но однажды рана открылась, и кровь хлынула потоком.

— Перестань играть! — услышала я его крик.

Я выскочила из-за пианино, бросилась к нему — он навзрыд плакал, захлёбывался в рыданиях.

- Что с тобой, Мишенька, мой хороший, что?
- Мне плохо, плохо! — услышала я сквозь рыдания.

Я обнимала его, говорила ему ласковые слова, но чем я могла его утешить? Чем можно было унять его тоску, его боль? Боль ребёнка, которого предали, оставили? И предал самый любимый человек.

— Его душа умирает от предательства, — сказала О.

— У того ребёнка есть взрослые братья и сестры, а у Миши — единственный любимый папа, — вспомнила я слова о. Александра.

«Ты мой любимый сыночек», — говорил он ему.

«Если незнакомые люди и новые впечатления могут потрясти мир ребёнка, то люди, которых он знает и любит, могут перевернуть этот мир с ног на голову».

В подростковом возрасте роль матери кончается, говорят психологи, она ничего не может сделать и должна отступить в сторону. В воспитании мужественности мальчика роль отца незаменима.

«Задача отца показать сыну, что он сможет справиться с трудной ситуацией, вовремя сказать „да“ своему сыну. Вот почему самые глубокие раны наносят мальчикам их отцы», — пишет Олдридж.

Для Миши возвращение папы с работы всегда было главным событием дня. Но эта радость обратилась для него в мучение. Я помню, как мы с Мишей ждали папу в эти страшные три года. В десять часов вечера Миша приходил ко мне в комнату:

— Мама, мне страшно, папы нет.

— Давай, Мишенька, помолимся.

После молитвы он немного успокаивался.

— Папа! — кричал он маленький изо всех сил, завидев его издали.

Он и сейчас кричит ему, только немым криком, слышит ли он?

Песнь песней

*Вот он идёт, вот он идёт,
Вот мой возлюбленный идёт.*

Песня шабат

Осенним вечером я ждала мужа на даче. Я знала, что он кончает занятия в 21 часов 15 минут и, примерно, в одиннадцать должен быть здесь. Но вот проходит час, полтора после ожидаемого срока, а его всё нет и нет, и мной начинает овладевать страх: где он, что могло его задержать?

Я не нахожу себе места. Начинала читать Розарий и бросала, ходила вверх и вниз по лестнице, с первого этажа на второй и обратно. Через два часа мучительного ожидания раздался звонок — он звонил по чужому мобильнику (своего у него ещё не было), сообщал, что поезд стоит между станциями, просил не беспокоиться. Я действительно успокоилась на некоторое время, но прошёл ещё час, а его всё не было.

Сколько же мог стоять поезд? Я представляла себе, как он идёт один по тёмной пустой просёлочной дороге и страшные мысли лезли мне в голову. Уже не в силах совладать с волнением, я выпила транквилизатор, от которого закружилась голова. Было уже далеко за полночь. Дома мне было плохо, и я то и дело

выбегала в сад, где с чёрного неба на меня дико смотрели звёзды. И в какой-то момент, стоя в саду, я услышала вдалеке: «шр-р, шр-р». Это были шаги, несомненно, его шаги! Он быстро шёл, взметая ногами опавшую листву, он торопился, он летел мне навстречу! О, как запрывало моё сердце в ответ на эти звуки!

«Вот, он идёт скачет по горам, прыгает по холмам». Это была Песнь Песней. Я сейчас вижу его перед собой, каким он прибежал ко мне в ту ночь: на нём был его горчичного цвета замшевый в рубчик пиджак, за плечами рюкзак, на голове его всегдашняя кепочка.

Зная мою страстную любовь к морю, он повёз меня из Лизьё, где мы жили в общине Беатитюд, в приморский городок Девиль-Трувиль. День склонялся к вечеру, но солнце палило, и он заботливо усадил меня в тени у какой-то палатки. Перед нами простиралось необозримое пространство блестящего на солнце золотого песка, усеянного ракушками и камешками. Было время отлива, моря не было видно, оно было далеко, но посылало нам издали волны благотворного воздуха, густо напоённые ароматами соли и морских водорослей — знаки своего августейшего присутствия.

Было наслаждением смотреть вдаль, взгляду не было преград, он тонул в беспредельности, душа радовалась вольному простору, словно, птица, выпущенная из тесной клетки, в свою родную воздушную стихию. Время, казалось, застыло на этом берегу, оно словно сгустилось под жаркими лучами солнца и текло с ленивой медлительностью. Всё здесь было иным, чем везде — земля, небо, воздух, запахи, пространство. Мы были в гостях у моря, мы были в гостях у Вечности. Мы сидели в отдалении от всех, затерянные на этом огромном берегу. Мы смотрели вдаль и ждали, мы ждали прилива. Мы вдвоем — и море, мы вдвоем — и Бог.

Я мечтаю, что когда ты вернёшься ко мне, я попрошу тебя поехать туда, на то море, наше море. Я представляю, как мы будем медленно идти по берегу, навстречу его

зову, ощущая его дыхание, и когда оно, наконец, примет нас в свои ласковые объятия, в своё вечное лоно, великое и благое, как Божья любовь, Божье прощение, оно унесёт прочь все наши грехи и скорби, оживотворит своей вечной радостью и возродит к новой жизни, жизни, которой уже не будет конца...

Иногда после Причастия я на мгновение переношусь в Новую Деревню. Я оказываюсь в своей прошлой жизни, со своей прежней душой, полностью освобождённой от памяти страшных лет. Я стою перед храмом Сретения, порыв ветра сдувает снег с сугроба, в сердце чувствую обжигающую радость, ощущаю рядом Мишу и тебя, в алтаре храма вижу о. Александра. Или вижу сияющие радостью глаза сестры Тамары и нас с тобой на площади у базилики в Лизьё, и мы словно летим, опьянённые счастьем...

«Приведу на поляну, уврачую им рану, а затем всё забыть прикажу...»

Однажды, не застав меня на даче, он оставил мне письмо:

«Уезжаю калекой, оставляю здесь своё сердце».

Господь, я благодарю Тебя за то, что Ты послал мне моего единственного любимого мужа. Я буду ждать его до конца. Если он не вернётся ко мне на земле, я буду его заступницей на Небе. Я скажу:

«Это муж мой возлюбленный, часть моя, плоть моя, мы соединены навеки».

Я покажу Тебе его таким, каким я его впервые увидела и хранила все эти годы в своей памяти, верности и любви: лёгким и светлым, верным и преданным, радостным и вдохновенным. Ты посмотришь на нас любящим взглядом, и все наши беды исчезнут, как сон.

И мы больше никогда не расстанемся.

Содержание

Огонь посядающий

Отец Александр

7

«Шма Исраель» («Слушай, Израиль»)

22

К сердцу Бога

38

Единственная в мире Книга

47

Тайна сия...

Брак в Евангелии

61

Встреча

65

Брак в Евангелии (*Продолжение*)

71

Мишенька

77

Мученики за святость брака

84

Брак в Евангелии (*Продолжение*)

90

Немного об искусстве

94

Брак в Евангелии (*Продолжение*)

101

Немного об искусстве (<i>Продолжение</i>)	104
Брак в Евангелии (<i>Продолжение</i>)	116
Мученики за святость брака (<i>Продолжение</i>)	122
Томас Мор	124
Брак в Евангелии (<i>Продолжение</i>)	128
Соблазны	132
Брак в Евангелии (<i>Продолжение</i>)	139
Свет или тень?	144
Да не разлучает	149
Смертельная скорбь	162
Освобождение	166
Земное небо сердца	173
Тайна будущего века	175
Огонь поядающий	179
Ласточки	188
Мишенька (<i>Продолжение</i>)	195
Песнь песней	199

УДК 24
ББК 86.37
Р60

Марина Роднянская. Тайна сия... (Третье издание) —
М.: Волшебный фонарь, 2018. 204 с., ил.

Дизайнер Р.Б. Гершзон

Редактор В.П. Ерохин

На обложке репродукция картины Ван Эйка

«Портрет четы Арнольфини»

ISBN 978-5-903505-18-0

ISBN 978-5-903505-18-0



© М.Л. Роднянская, текст, 2018
© Региональный общественный
фонд содействия духовному
и культурному развитию личности
«Волшебный фонарь», макет, 2018

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Формат 60×90/16. Объем 12,75 печ. л.